

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тюменский государственный нефтегазовый уни-
верситет»

**Научно-исследовательский институт
прикладной этики**

В.И.Бакштановский
Ю.В.Согомонов

**ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА:
РЕФЛЕКСИВНАЯ
БИОГРАФИЯ
НАПРАВЛЕНИЯ**

Тюмень – 2007

УДК 174
ББК Ю 715.4
Б 199

В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов. **Прикладная этика: рефлексивная биография направления** / НИИ ПЭ. Тюмень: ТюмГНГУ, 2007. – 196 с.

ISBN 978-5-88465-833-8

В книге представлен опыт анализа рефлексивной биографии инициированного авторами три десятилетия назад направления прикладной этики, притязавшего на статус научно-практического изобретения. Авторы мотивируют необходимость биографического эскиза направления, реконструкции его пути «еретической» инновационностью идеи-технологии прикладной этики, обусловившей рефлексивность, нестандартность биографии, с одной стороны, ситуацией «большого скачка» прикладной этики в последние годы, его позитивными и рискованными последствиями – с другой. Анализ опыта проектирования биографии направления представлен через характеристику идейной атмосферы этапа становления идеи-технологии прикладной этики, реконструкцию «трех источников, трех составных частей» авторской концепции, описание «этапов большого пути». Особое место занимает рассказ о становлении и развитии авторской мастерской гуманитарной экспертизы. Анализ рефлексивной биографии завершается тезисной презентацией итогов развития направления, обретшего статус «законной» планеты в кругу исчисленных светил.

ISBN 978-5-88465-833-8

© В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов. 2007.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. <i>Откуда пришла и куда идет прикладная этика: некоторые мотивы анализа рефлексивной биографии направления</i>	6
Глава 2. <i>Идейная атмосфера становления идеи-технологии прикладной этики</i>	19
Глава 3. <i>«Три источника, три составные части...»</i>	49
Глава 4. <i>«Этапы большого пути ...»</i>	66
Глава 5. <i>Мастерская гуманитарной экспертизы</i>	97
Глава 6. <i>«Законная» планета в кругу исчисленных светил</i>	118
Заключение	129
Приложения:	
1. В зеркале критики	130
2. Содержание журнала «Этика успеха» (1995–1997)	185
3. Содержание журнала «Ведомости» (1995–2007)	189

Предисловие

В год заметного юбилея отечественной прикладной этики – тридцать лет назад была открыта первая в нашей стране лаборатория прикладной этики – мы решили представить профессиональному сообществу и заинтересованной публике опыт анализа *рефлексивной* биографии инициированного нами направления, парадигмы прикладной этики, амбициозно притязавшей на статус научно-практического *изобретения* и уже благодаря такой инновационности не позволяющей вписать свой *путь* в формат *стандартной* биографии.

За прошедшие годы в восприятии профессионального сообщества идентификация этой инновации как *ереси* постепенно угасла. Более того, прикладная этика вошла в период академической легитимации и обретает статус теперь уже *законной планеты* «в кругу исчисленных светил». Но, во-первых, амбициозность нашего направления не убавилась. Тем более, что бывшая лаборатория стала научно-исследовательским институтом. И, во-вторых, непроходящее стремление к новым достижениям и сохранение установки на *проектирование* биографии направления предполагают анализ пройденного пути.

Авторы чтят память коллег, в сотрудничестве и дискуссиях с которыми становилось и развивалось наше направление: Г.С.Батыгина, В.Т.Ганжина, Н.Д.Зотова, В.А. Коблякова, А.И.Титаренко, Ю.М.Федорова, Ф.Н.Щербака.

Авторы выражают благодарность сотрудникам, выбравшим диссертационные темы в сфере прикладной этики и успешно защитившим свои исследования: В.А. Абилюкеновой-Кабаковой, Ю.М. Беспаловой, М.В. Богдановой, Ю.В. Казакову, Н.В. Колотовой, Л.В. Лебедевой, Д.И. Петросяну, И.А. Попковой, Е.П. Потаповой, И.Ю. Фомичеву, А.А. Чекушову и др.

Авторы дорожат партнерским участием в проектировании биографии прикладной этики на разных этапах ее развития: В.Т. Ганжина, В.Н. Сагатовского, Г.Д. Лутошкина, В.А.Чурилова, А.Ю. Согомонова, Ю.В.Казакова, М.В. Богдановой.

Авторы ценят творческую поддержку и понимающую критику со стороны коллег по НИИ прикладной этики: Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова, И.М. Клямкина.

Авторы искренне разделяют свои достижения с реальными соавторами наших проектов – многочисленными участниками экспертных опросов и деловых игр в Тюмени, Ханты-Мансийском автономном округе, Москве и т.д.

Авторы отмечают большой вклад в научно-организационное

обеспечение развития нашего направления, который принадлежит: И.В. Бакштановской, М.В. Богдановой, И.А. Ивановой, Т.С. Караченцевой, Л.В. Лебедевой, М.Г. Лутошкиной, И.А. Михайловой, А.П. Тюменцевой.

Авторы выражают признательность руководителям организаций, в составе которых в течение трех десятков лет действовали институты нашего направления прикладной этики – кафедра этики и лаборатория прикладной этики – лаборатория прикладной этики и академический Центр прикладной этики – ЗАО «Центр прикладной этики», ФИК «Югра» и их журнал «Этика успеха» – НИИ прикладной этики (и его журнал «Ведомости»):

В.Е. Копылову, ректору Тюменского индустриального института.

В.П.Мельникову, директору Института проблем освоения Севера СО АН СССР.

В.А.Чурилову, президенту финансово-инвестиционной корпорации «Югра».

Н.Н.Карнаухову – ректору ТюмГНГУ.

Авторы благодарны А.Я.Юффе и А.М.Борисову за самоотверженную поддержку на заключительном этапе нашей работы над книгой – выпуске ее в свет.

Глава 1

Откуда пришла и куда идет прикладная этика:

некоторые мотивы анализа рефлексивной биографии

Понятие, которое мы рассматриваем как очевидное и ясное (если вообще его рассматриваем), отнюдь не является таковым... Его внешняя понятность происходит исключительно от частого употребления. ... Оно имеет долгую и пеструю, редко вспоминаемую историю.

З. Бауман

ЦИТАТА из работы З. Баумана, посвященной феномену свободы, значима для нас в связи с тем, что тема прикладной этики сегодня не только «носится в воздухе», но уже и живет в нем – в виртуальной атмосфере Интернета. «Носится» и «живет» потому, что в последнее время проблемы прикладной этики привлекают все больше исследователей, активно рефлексироваться практиками. В то же время, во-первых, *внешняя понятность* этой темы нередко возникает *исключительно от частого употребления*. Во-вторых, не грех вспомнить (или узнать?), что идея прикладной этики *имеет долгую и пеструю, редко вспоминаемую историю*, что не может не побудить исследователей к уклонению от монополистских притязаний, к рассуждению о прикладной этике в *версионном* стиле, к принятию факта многообразия исследовательских *направлений*.

ЕЩЕ 7-8 лет назад мы диагностировали отечественную ситуацию прикладной этики с помощью метафоры «на краю исследовательской ойкумены». Диагноз сопровождался *драматической* интонацией: «увы, именно на такое положение была *обречена* прикладная этика в рамках принятой у нас на время появления первых современных отечественных этико-прикладных исследований парадигмы этики». Ее смягчала интонация *самоуспокаивающая*: «нет, проблематика прикладной этики не то, чтобы вовсе замалчивалась, но ей не придавалось того значения, каким она давно и прочно располагает в мировой этике». Затем – снова интонация *обостряющая*: «она располагала сравнительно ограниченной академической легитимностью, ютилась где-то на задворках советского, да во многом и постсоветского, этиче-

ского мейн-стрима». И наконец, *укоряющая*: «даже вполне благожелательно настроенные к этико-прикладным исследованиям философы скорее снисходительно взирали на эти исследования как на не совсем “законную” планету в кругу исчисленных светил»¹.

Сегодня мы можем и должны отметить изменение ситуации. Один из говорящих о таком изменении аргументов – не только оценка прикладной этики как «одной из самых активных точек роста этических знаний и накопления морального опыта»², но и «ломаносовский» прогноз автора этих слов о развитии прикладной этики как условия «прирастания» всего этического знания. Прогноз, на наш взгляд, вполне адекватный не только зарубежному, но и отечественному опыту. Причем о последнем вполне можно говорить как о своеобразном буме прикладной этики. Правда, скорее как о «*большом скачке*», амбивалентном по своим возможным и уже реальным последствиям.

Бум в прикладной этике во многом мотивировал наше решение снова³ прервать работу над монографией, завершающей текущий этап развития направления, обратившись теперь уже не к теоретико-методологическим *основаниям*, а к (*авто*)*биографии* направления.

Один из мотивов – позитивные перемены в судьбе направления. С ним случилось то, что в фольклоре науковедов давно описано как закономерность жизни многих *инноваций*. Всякая инновация проходит три фазы. Первая: «что за чушь?!», вторая: «что-то в этом есть», третья: «кто же этого не знает».

Позитивная сторона трансформации отношения к прикладной этике как инновации – наконец, отпала необходимость *оправдания* права на этико-прикладные исследования и разработки. Отечественные этики старшего и среднего поколений еще не забыли пафосного заявления одного из ответственных работников отдела науки ЦК КПСС на Всесоюзной конференции в Минске (1985) о том, что он не допустит развития прикладной этики в нашей стране. Где сегодня этот деятель? И где – прикладная этика! Достаточно указать на факт введения магистратуры по прикладной этике в ряде отечественных университетов.

Потенциально позитивное последствие угасания *еретического*

¹ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: на краю исследовательской ойкумены // Новые старые проблемы / Отв. ред. Р.Г. Апресян. М.: Гардарики, 1999.

² См.: Гусейнов А.А. Размышления о прикладной этике // Общепрофессиональная этика. Ведомости. Вып. 25 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004. С.153.

³ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в прикладную этику. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006. С.7.

образа заключается и в открытости профессионального сообщества к активной рефлексии *миссии* прикладной этики. Еще три десятка лет назад большинство отечественных этиков считали ересью саму эту рефлексию. Полагаем, что о такой открытости свидетельствует тезис из интервью А.А. Гусейнова, отнесенный (надеемся, что *пока?*) к зарубежному опыту: «В последней трети XX века в развитии западной этики произошел качественный сдвиг в сторону прикладных исследований. Речь идет о более существенном, чем просто расширение прикладной проблематики в рамках этики; быть может даже об изменении самого предмета этики, равно как и способа ее существования в культуре».

Последствия, требующие критического анализа, – обратная сторона «бума». В рамках этого анализа – второй мотив рефлексивной биографии: как только ушел эффект *ереси*, в ситуации надвигающейся *академической легитимации* незамедлительно стала складываться альтернативная история отечественной прикладной этики, в которой не оказалось места первой из современных отечественных концепций прикладной этики, имеющей весьма давнюю историю. Причем этот аргумент – опыт трех десятилетий⁴ – не только самооценка авторов направления, которое выше мы уже назвали научно-практическим изобретением, но и экспертная оценка одного из исследователей истории отечественной этики. «Термин “прикладная этика” имеет свою традицию, не является он новым и для советской литературы. Более того, в советской этике есть определенное, достаточно четко институализированное направление, идентифицирующее себя как прикладная этика», – писал А.А. Гусейнов еще в 1990 году⁵ и повторил эту оценку в «Истории этических учений»⁶.

Подчеркиваем это не только ради исторической справедливости, но чтобы попытаться помочь постсоветскому этическому знанию избежать вольного-невольного предпочтения стратегии «догоняющей теории». Если от «догоняющей модернизации» стране пока не удастся уйти по объективным причинам, то нашей прикладной этике, при честном признании очевидных успехов в развитии прикладной этики за ру-

---

⁴ См.: Бакштановский В.И., Богданова М.В., Согомонов Ю.В., Согомонов А.Ю. НИИ прикладной этики ТюмГНГУ: Летопись первого десятилетия (1995-2005). Тюмень: НИИ ПЭ, 2005.

⁵ См.: Гусейнов А.А. О прикладной этике вообще и эвтаназии в частности // Философские науки. 1990, № 6.

⁶ История этических учений / Под ред. А.А.Гусейнова. М.: Гардарики, 2003. С. 892.

бежом (достаточно помнить о 4-томном, 3100 страниц, издании Энциклопедии прикладной этики⁷), нет никаких оснований считать себя обреченной лишь на освоение зарубежного мейн-стрима, отказываясь от собственного исследовательского – теоретического и проектно-ориентированного – потенциала, от разработок в сфере технологий этико-прикладного знания, вполне соответствующих формату научно-практических изобретений. Вполне институализированного потенциала, ни по времени возникновения, ни по эффективности не отстающего от зарубежного опыта.

Эта патриотическая амбиция вполне уместна в контексте проявившейся в исторических очерках отечественной этики тенденции уступать приоритет западной прикладной этике. «Изучение прикладной этики в России началось в 1990-е годы (на Западе – в 1970-е гг.)», – полагает В.Н. Назаров⁸, оставляя уже вовсе за рамками «исследовательской ойкумены» работу созданной в тех же самых 70-х (в 1976 году) лаборатории прикладной этики ТИИ. Не обратил внимание на факт существования? Но всего две страницы отделяют тезисы В.Н. Назарова, опубликованные в материалах конференции, организованной этой лабораторией (с.128-130), от материалов секции «Прикладные методы этических исследований...» (с.132)⁹. И еще один вполне исторически достоверный факт: будущий исследователь истории отечественной этики дважды участвовал в известной акции советского этического сообщества – «Самотлорском практикуме», проведенном в формате технологий прикладной этики – гуманитарной экспертизы и игрового моделирования¹⁰.

⁷ Encyclopedia of Applied Ethics / Editor-in-Chief R. Chadwick. San Diego: Academic Press. 1997.

⁸ Назаров В.Н. История русской этики. М.: Гардарики, 2006. С. 269.

Мы не случайно сказали о тенденции. Л.В. Коновалова, с пафосом отметившая, что «еще в 1988 году вышла в свет в США одна из первых книг, в названии которой стоит термин “прикладная этика”» – Коновалова Л.В. Прикладная этика (на материалах западной литературы). М., 1998. С. 27, – «прошла мимо» отечественных сборников статей, также содержащих в своем названии термин «прикладная этика». См.: Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980; Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования. Новосибирск: Наука, 1980); не говоря уже о монографии: Момов Васил, Бакщановски Владимир, Согомонов Юрий. Приложната етика: Необходимост, проблематика, възпитателни възможности. София: Наука и изкуство. 1988.

⁹ См.: XXV съезд КПСС и задачи нравственного воспитания по формированию активной жизненной позиции. Тюмень, 1978.

¹⁰ См.: Самотлорский практикум. Тюмень, 1987. С. 20; Самотлорский практикум-2. Москва-Тюмень, 1988. С. 38.

Возможно, расхождения в оценках А.А. Гусейнова и В.Н. Назарова (и Л.В. Коноваловой) относительно (не)существования этико-прикладных исследований в советское время объясняются невнимательностью (?) последнего, приписавшего нам идею *этоники*, которую предложил В.Т. Ганжин, *и на этом основании (?)* уклонившегося от идентификации нашего направления как прикладной этики? «...Выходит одна из главных работ в области этоники: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью. Томск, 1986», – пишет В.Н. Назаров¹¹. А мы-то считали эту работу одной из значимых именно в прикладной этике. Не нравится социально-управленческая адресация прикладной этики? Вполне возможно. Но, независимо от адресации, это развитие именно этико-прикладного знания. На обложке монографии нет слов *прикладная этика*? Но как быть с оглавлением, с такими его темами, как «Предметное поле этико-прикладного знания», «Функциональные роли» (этико-прикладного знания), «Методы этико-прикладных исследований», «Кодекс этико-прикладных исследований и разработок» и т.п.? Кстати, с такой же мерой «обоснованности» В.Н. Назаров не идентифицировал как работу по прикладной этике публикацию В.И. Бакштановского «Этика как “практическая философия”: традиционные образы и современные подходы», вышедшую массовым тиражом¹².

Может быть, мы не просто заблуждаемся в понимании роли социально-управленческого канала связи этики и морали, но вообще развиваем *неправильную* прикладную этику («не так сели»?!), неправильную уже потому, что она не соответствует модели, одобряемой В.Н. Назаровым? Ведь он все же отмечает в своей «Истории русской этики», что «с середины 70-х годов в центре внимания оказываются проблемы *прикладной этики*» (курсив наш. – В.Б., Ю.С.), уточняя при этом: «не столько в морально-практическом, сколько в социально-

---

¹¹ См. его: Опыт хронологии русской этики XX в.: третий период (1960-1990) // Этическая мысль. Вып. 4. М.: ИФ РАН. 2003.

И еще одна невнимательность исследователя истории отечественной этики: «К настоящему времени вышло всего два учебных издания по прикладной этике: Алексина Т.А. Прикладная этика: учебное пособие. М., 2004; Назаров В.Н. Прикладная этика: учебник. М.: 2005» (В.Н. Назаров. История русской этики. С. 270). Теперь уже за границами «ойкумены прикладной этики» оказалась книга: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: опыт университетского словаря. Учебное пособие. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ. 2001.

¹² Бакштановский В.И. Этика как «практическая философия»: традиционные образы и современные подходы. М.: Знание, 1983.

управленческом плане»¹³. Но разве кто-то отменил *версионную* природу концепций? Или появился Верховный Судья, который выносит вердикт об «окончательном решении» в судьбе теории «неправильной» и по поводу «единственно правильной» теории? Во всяком случае, редакторы отечественного энциклопедического словаря «Этика» уклонились от судейских амбиций и не только повлияли на этический мейн-стрим введением в содержание «Словаря» серии статей о прикладной этике, но и представили *две* версии прикладной этики, признав тем самым академическую легитимность многообразия отечественных доктрин, направлений. Аналогично поступил и научно-редакционный совет «Новой философской энциклопедии», представив нашу версию в статье «Прикладная этика» (т.2), а версию А.А. Гусейнова – в статье «Этика» (т.4).

Третий мотив также связан с «заказывающими» критический анализ последствиями «бума». Динамика современного общества все более сжимает сроки, необходимые для того, чтобы инновационная идея прошла отведенные ей судьбой (науковеды называют это закономерностью) этапы: ересь – очевидность – предрассудок. Поэтому в ситуации «бума» важно вовремя профилактировать вполне прогнозируемые и уже проявившиеся – во многом вследствие именно забвения цены и результатов «еретического» периода – риски *банализации* природы прикладной этики и/или односторонней ее идентификации: абсолютизации роли одного из исследовательских направлений и умалении *других*. В первом случае речь идет о пренебрежении многими разработчиками прикладных этик в исследовательской и, особенно, просветительской работе, при написании учебных программ и учебных пособий, а это – чаще всего – авторы, не работающие в сфере собственно этического знания, но исследующие прикладную этику с позиции конкретных профессий и видов человеческой деятельности – этической идентичностью прикладных этик; о вольной-невольной их интерпретации как параморальных «правил игры», «функционально желательных стандартов поведения», «регламентов», этикетных правил. О пренебрежении или некритическом использовании философской этики, положения которой просто *накладываются* этими разработчиками на профессионально-этические проблемы, механически апплицируются. Но пренебрежении во многом вынужденном: философская этика *делегировала* задачу развития прикладных этик профессиональным сообществам в различных сферах человеческой деятельности и исследователям профессиональных этик, исключив прикладные этики – полностью или частично – из сферы этики как науки

---

¹³ Назаров В.Н. История русской этики. С. 251.

о морали. Делегировала, не желая «поступаться принципами»? Заботясь о чистоте своего статуса? Может быть, из-за неосознаваемой скромности – ей просто нечего было предложить именно по критериям *приложения*? Уклонилась от бремени из-за излишней доверчивости специалистам в сфере частно-научного знания? В любом случае, «умыв руки», отказавшись даже от этической критики результатов этих специалистов, этика пожертвовала адекватностью норм т.н. прикладных этик (моралей) сущности морали: при нормативном редуционизме трудно проектировать нормы прикладной этики (морали) как собственно моральные регулятивы. Аутентичная прикладная этика – не «параэтика», и она в не меньшей мере этики общей (общеобщественной, универсальной и т.д.) является моралью, ибо предполагает свободу выбора. Выбора собственно морального. Возможность выбирать, способность выбирать и субъекта, которому можно доверить выбор. Выбор мировоззренческого масштаба и выбор поступка. Доверить ответственность за их последствия.

Другая ситуация риска «большого скачка» сформировалась скорее из-за сверхзаботы об *этической* идентичности прикладной этики. Речь идет об ограничении этой, весьма важной, заботы критериями философской этики. Отсюда и ограниченные образы-модели прикладной этики, которые готовы принять и продвигать лидеры отечественного этического знания. На наш взгляд, такие рискованные последствия создаются неотрефлексированностью *интервала эффективности* идущего от Аристотеля формата-метафоры «этика – практическая философия» применительно к современной морали и системе этического знания. Античный формат-метафора, акцентирующий практическую направленность этики в статусе «философии поступка», более адекватен *своему* времени и менее – эпохе посттрадиционной морали современности и адекватному ей знанию о природе морали. Менее адекватен потому, что не фиксирует разницу между *практичностью* и собственно *приложением* и, более того, намеренно отождествляет эти характеристики. В итоге такого отождествления – возможная банализация *приложения* как проблемы. И дело не только в психологической трудности распространения древнего формата-метафоры на сформировавшиеся лишь через пару тысяч лет нормативно-ценностные подсистемы зрелой морали. Важнее – неизбежные с позиций философской этики – запреты методологического плана, табуирование инноваций в этическом знании, привносимых прикладной этикой. В том числе, априорный скепсис в отношении важных вопросов: распространяется ли характеристика практичности этики в формате «этика – практическая философия» на сформировавшиеся

намного позднее этой метафоры нормативно-ценностные подсистемы? Совместимо ли с форматом «этика как практическая философия» современное представление об иницилируемом социальными институтами целенаправленном воздействии этического знания на практику нравственной жизни? Допускает ли эта формула привнесение в этику, привычно определяемую в качестве *философского* знания, языка и смыслов ряда характеристик современной методологии, таких, например, как *проектно-ориентированное знание*? Санционирует ли разработку и применение современных технологий *приложения* (в отличие от *наложения*) – кроме веками практикуемого кейс-стади (скорее в жанре *казуистики*) – моделирования, проектирования, экспертизы и т.п.?

Один из ограниченных (и, как нам кажется, уже уходящих из дискурса) образов-моделей прикладной этики – сведение природы прикладной этики к «дополнительской» и/или «исключительской» функциям по отношению к универсальной морали. Например, в первом случае причина формирования принципов профессиональной морали объясняется тем, что профессионал должен взять на себя бремя дополнительной этической ответственности. При таком подходе остается лишь обсуждать проблемы соотношения морали и профессии, морали и политики, морали и экономики, и т.п., закрывая возможность исследовать и практически решать проблемы этики «родительного падежа» – этика профессии, этика политики, экологическая этика и т.п., – возникающие в процессе исторического *преобразования-развития* морали в тех случаях, когда она *прилагается* к политике, экономике, праву, воспитанию, науке и пр. Не в этом ли историческом процессе возникают нормативно-ценностные подсистемы?

Другой образ прикладной этики, несущий момент риска в ситуации «большого скачка», формируется как абсолютизация модели этики *открытых вопросов*. Здесь характерны обобщения о модели этико-прикладного знания лишь на примере биоэтики. Подстерегающая, на наш взгляд, этику «передозировка» внимания к т.н. «открытым вопросам» – в ущерб вниманию исследователей и авторов учебников к многообразию направлений в прикладной этике – рискованна не увеличением *важности* поднимаемых биоэтикой проблем. Несомненна актуальность проблематизации этого направления в прикладной этике – «бум» в хорошем смысле слова – вокруг *открытых вопросов*, обсуждаемых биоэтикой, этикой науки и технологий и т.д., безусловна значимость публичной этической рефлексии на темы эвтаназии, аборт, генной инженерии, смертной казни, использования атомной энергии и т.д. Но предпочтение *модели* прикладной этики как этики открытых вопросов, на наш взгляд, происходящее, вероятно, не

только из-за остроты поднимаемых ею проблем, но и потому, что она ближе всего традиционному для этики формату «практической философии», распространение модели этико-прикладного знания, выстроенного на обобщениях биоэтического знания, на все разнообразие прикладных этик, тотальная интерпретация таких этик в парадигме *открытых вопросов* может демобилизовать как исследователей, так и практиков. Демобилизовать уже тем, что внушит им идею *принципиальной нерешаемости* проблем морального выбора. Логика проста: бизнес-этика – прикладная этика; прикладная этика – этика открытых вопросов; бизнес-этика рассматривает открытые моральные вопросы; вопросы о достойных способах решения проблем бизнес-этики – открыты.

Наконец, еще один мотив анализа рефлексивной биографии направления: установка на *проектирование биографии* прикладной этики, на ее *неадаптивную* активность к доминирующим в науке парадигмам, на уклонение от чисто *реактивного* поведения в отношении к практическим ситуациям и ситуациям в науке. Речь идет о не отменяемых моментами интуитивности научного поиска и влиянием обстоятельств *инициативных* акциях по вовлечению научного сообщества и практических институций в рефлексию проблематики прикладной этики, в том числе с помощью ее технологий (например, игрового моделирования); систематической организации критики в свой адрес, в том числе в рамках инициированных самим направлением дискуссий; о намеренном участии в экспертизе и консультировании практических ситуаций, в том числе в сфере политической этики, бизнес-этики, этики журналистов, этике образования и т.д.; о совместном с практиками проектировании социальных технологий, в том числе технологий гражданской активности; об организованном и технологически обеспеченном сотрудничестве с организациями и профессиональными сообществами по созданию специализированной инфраструктуры в виде этических комиссий, кодексов, миссий и т.п. Такая установка требует периодического анализа *пути*.

ИТАК, перемещение прикладной этики с «края исследовательской ойкумены» в «центр этической вселенной», происходящее в ситуации «большого скачка», обремененного формированием определенных рисков, побуждают нас предпринять собственный исторический экскурс, в начале которого уместно представить идейную атмосферу становления и развития заявленной еще три десятка лет назад *идеи-технологии прикладной этики*. Последнее выражение выделено не случайно: так в этой работе мы будем называть – для краткости и точности – наше направление.

«Техусловие» (авто)биографического эскиза идеи-технологии:

пока мы сосредоточимся на внутренней жизни этического знания, оставляя специальное исследование пути к прикладной этике от частно-научного знания для особого анализа. Анализа, не исчерпывающегося вниманием к рискам *банализации* природы прикладной этики и потому обращенного к *конструктивному* влиянию частно-научных версий прикладной этики. Можно сказать, что один из напряженных конфликтов нашего *пути* связан с поиском маршрута между выращиванием прикладной этики на основе парадигмы этики как «практической философии», с одной стороны, и из частно-научного знания – с другой. Маршрута между равнодушием философской этики в отношении «малых систем» и нигилизмом частно-научного знания в отношении к этической теории, в лучшем случае, между их *взаимным непониманием*. С проектированием маршрута, не «отменяющего» ни практичность философской этики, ни моральную рефлексивность частных наук-технологий, продуцирующих *свои* образы прикладной этики, но изобретающего именно *прикладную* и именно *этику*, знание-технологию.

Оставляя целенаправленное исследование пути к прикладной этике от частно-научного знания для особой работы, мы, тем не менее, предприняли некоторые исследования, сочетающие критику разработок профессиональной этики специалистами в соответствующих профессиях, например, в журналистике и бизнесе, с попыткой *адекватного приложения* этического знания: знания, которое не апплицирует «готовые» положения «практической философии», но *специально* разрабатывается и *подготавливается* для решения практических проблем¹⁴.

---

¹⁴ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень: НИИ ПЭ, 2005; Они же: «Миссия пера»: этико-прикладная концепция нормативно-ценностной системы журналистики / Миссия университета: служение в профессии // Ведомости. Вып. 30. Тюмень: НИИ ПЭ, 2007.

Глава 2

Идейная атмосфера становления идеи-технологии прикладной этики

НАЧНЕМ с того, что даже для времен пребывания этико-прикладной проблематики на самом «краю исследовательской ойкумены» характерно вовлечение в деятельность тюменской лаборатории прикладной этики коллективов кафедр этики МГУ и ЛГУ (и, конечно, кафедры научного коммунизма Владимирского политехнического института). Документами такого сотрудничества, бесспорными по самым строгим критериям истории науки, являются отчеты кафедр этики МГУ и ЛГУ по договорам с этой лабораторией, заключенным для совместного исследования этико-прикладной тематики в рамках целевой программы «Нефть и газ Западной Сибири» Росминвуза и гуманитарного блока программы «Сибирь» Сибирского отделения АН СССР. В таком сотрудничестве нетрудно увидеть сразу два элемента *проектирования биографии* идеи-технологии прикладной этики: вовлечение научного сообщества в целевую программу, во-первых, намеренное инициирование и стимулирование нами критики выдвигаемой концепции – во-вторых. Так, например, трудно забыть, что в отчетных материалах первой из этих кафедр, сосредоточившейся на анализе теоретико-методологических оснований предложенной на экспертизу идеи прикладной этики, существенное место занимали весьма скептические суждения по поводу самой возможности прикладной этики. Тем не менее мы получали и конструктивный анализ: в качестве характерного сошлемся на экспертное заключение кафедры о «тюменском эксперименте». С точки зрения руководителя кафедры А.И.Титаренко, «основное, центральное звено, которое позволяет оценить тюменский эксперимент столь высоко – как новый, перспективный, – заключается в специфике решения им морально-этических проблем, органически соединяющего в себе “трех китов”: исследования – разработки – внедрение»¹⁵. Для отчетных материалов ленинградской кафедры характерны позитивные оценки, подтверждаемые собственным опытом исследования природы этического знания, вовлечения нормативной этики в теоретико-прикладной комплекс этического знания, нравственной жизни трудовых коллективов как объекта

---

¹⁵ См.: Титаренко А.И. Задачи развития тюменского опыта прикладных этических разработок // Опыт прикладных исследований и разработок, их экспериментального внедрения в управление воспитательной работой. Тюмень, 1983. С. 268.

этико-прикладных исследований и т.д.

Расширение круга исследователей прикладной этики, координация их работы в рамках целевых программ способствовали формированию этико-прикладного знания на всех его уровнях: теоретическом, методологическом, технологическом, экспериментальном. Опыт конкретных разработок становился предметом оперативной экспертизы этиков-теоретиков, теоретические дискуссии испытывались в экспериментальных исследованиях. Обе кафедры активно участвовали в наших конференциях, публиковались в сборниках по этико-прикладной проблематике, прямо или косвенно легитимируя ее не просто санкцией профессионального сообщества, но и конкретным участием в теоретической рефлексии направления и в таких этико-прикладных акциях, как экспертные опросы и этико-прикладные игры¹⁶.

НЕКОТОРЫЕ аргументы по поводу (не)возможности прикладной этики как таковой были предложены в теоретических дискуссиях о природе морали и этического знания начала восьмидесятых годов на страницах журнала «Вопросы философии». Обратим внимание на акценты, которые расставил Ф.Н. Щербак в своем анализе тех статей участников этой дискуссии, авторы которых стремились отрефлексировать возможность развития прикладной этики. Ф.Н. Щербак выделяет три варианта интерпретации практической значимости этики, представленные в рамках дискуссии. Первый из них предполагает, что «этика всегда развивалась как единство философской и нормативной сторон, обусловленность которых вытекала из необходимости перевода теоретических концепций о нравственном идеале, добре и зле, смысле жизни на язык конкретных рекомендаций, на язык долженствования». На этом основании, полагает Ф.Н. Щербак, «некоторые этики вообще выступают против каких-то самостоятельных прикладных разделов этического знания», поскольку «этика в известном смысле сама по себе “прикладная”, практическая наука, ибо ее суть в приложении философии к жизни» (здесь следует ссылка на конкретного участника

---

¹⁶ См., напр., публикации Р.Г. Апресяна, В.Т. Ганжина, В.Г. Иванова, В.П. Коблякова, М.С. Кагана, Т.Ф. Назаровой, Н.В. Рыбаковой, А.И. Титаренко, Ф.Н. Щербака, И.С. Урбанаевой и др. в кн.: Прикладная этика и управление нравственным воспитанием; Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования; Нравственная жизнь трудового коллектива и планирование воспитательной работы. Тюмень, 1981; Этика. Мораль. Воспитание: Прикладные аспекты / Под ред. В.А. Алексева, В.И. Бакштановского. Новосибирск, 1982; Управление нравственным воспитанием в трудовом коллективе: союз теории и практики Тюмень, 1982; Опыт прикладных исследований и разработок, их экспериментального внедрения в управление воспитательной работой. Тюмень, 1983.

дискуссии¹⁷). Второй вариант предполагает, что «этика, поскольку она представляет собой философскую теорию морали, сама по себе (своими философскими средствами) не может давать практические советы по конкретным вопросам нравственной жизни, таким, например, как преодоление моральных конфликтов, формирование профессионально-нравственных (деловых) качеств личности, управление нравственными процессами в коллективе. Поэтому требуется выделение особой частно-научной теории морали – моралеведения, предметом которого и должны стать вопросы прикладного значения: изучение истории и состояния нравов, особенностей проявления нравственных отношений в социальной группе, семье, профессиях, причин «отклоняющегося поведения», разработка научно-практических рекомендаций по улучшению постановки нравственного воспитания и т.д.» (здесь следует ссылка на конкретного участника дискуссии¹⁸). Третий вариант: ряд исследователей, «не отрицая возможности отпочкования от этики относительно самостоятельных направлений этико-прикладных исследований со своими специфическими задачами, проблематикой и методами, ... настаивает на внутреннем единстве этической науки и справедливо критикует противопоставление моралеведения теоретической этике, их отрыв друг от друга. Все этико-прикладные направления (уровни, «блоки» этического знания) при всей своей относительной самостоятельности «лишены обособленности, а их научная эффективность находится в прямой зависимости от целостности системы знаний... Это значит, что философский характер этики проявляется на всех уровнях этического знания» (здесь следует ссылка на конкретного участника дискуссии¹⁹). Сам Ф.Н. Щербак полагал последний вариант наиболее приемлемым.

ВРЕМЯ шло – накапливались результаты первой стадии формирования новой ветви древа этической науки, попыток проектировать этико-прикладное знание. И на международной (советско-болгарской) конференции в Тюмени (1982), в подготовленных в связи с ней изданиях²⁰ и, подчеркнем, на этико-прикладной игре «Аттестация морально-деловых качеств руководителя», проведенной в рамках самой

---

¹⁷ Шердаков В. Н. Этика и нормативность // Вопросы философии. 1982. № 2. С. 86.

¹⁸ Ефимов В. Т. Этика и моралеведение // Вопросы философии. 1982. № 2. С. 73.

¹⁹ Архангельский Л.М. Этика или моралеведение // Вопросы философии. 1982. № 2. С. 77.

²⁰ См.: Этика. Мораль. Воспитание. Прикладные аспекты; Управление нравственным воспитанием в трудовом коллективе: союз теории и практики.

конференции, произошло значительное продвижение идеи-технологии – как в концептуальном плане, так и с точки зрения его академической легитимации (в игре активно участвовали не только сторонники прикладной этики, но и наши оппоненты).

Подчеркнем неслучайность участия болгарских коллег, причем *партнерского* участия. Во-первых, одна из самых активных и серьезно разработанных версий прикладной этики – *в формате педагогической этики* – принадлежала известному болгарскому этику и партийному работнику В. Момову²¹. Во-вторых, болгарские коллеги были известны в то время не как кабинетные философы, но как управленцы и проектировщики, исследователи, наглядно применяющие результаты своей работы в практике идейно-воспитательной работы. В-третьих, болгарские коллеги были открыты к освоению нашего отечественного опыта этико-прикладных исследований и разработок и их практического внедрения. В том числе и поэтому после выхода в 1986 году монографии «Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью» уже в 1988 году была издана наша с В. Момовым монография «Приложната этика».

Разумеется, восприятие процесса развития прикладной этики еще не стало сразу вдруг однозначно позитивным. На одном полюсе – не ослабевающее сопротивление, в том числе с использованием «партийно-административного ресурса» (Г.Г. Квасов): прямо, через запретительную критику на конференциях, даже уже в первый перестроечный год, на уже упомянутой выше Всесоюзной конференции в Минске; или косвенно, через давление на издательства. Характерно, что для первой столичной публикации нашей работы по прикладной этике²² издательство решило подстраховаться послесловием, мотивируя «необходимость такого добавления тем обстоятельством, что высказанные автором положения находят далеко не однозначную оценку»²³. В середине – лояльно-сдержанная критика: «Успехи, связанные с утверждением и оформлением управленческой проблематики в этической литературе не следует преувеличивать»²⁴. На другом

Тюмень, 1982; Теория и практика управления нравственным воспитанием в трудовом коллективе. Новосибирск, 1982.

²¹ Момов В. Человек. Мораль. Воспитание. М., 1975.

²² Бакштановский В.И. Этика как «практическая философия»: традиционные образы и современные подходы.

²³ См.: Щербак Ф.Н. Послесловие // Бакштановский В.И. Этика как «практическая философия: традиционные образы и современные подходы. С.54.

²⁴ Зотов Н.Д. Планирование «биографии» в системе целенаправленных воздействий на нравственное становление личности // Теория и практика

полюсе – взвешенная поддержка: «В конечном счете, дело не в сторонних рекомендациях, а в том реальном опыте, который уже накоплен и который явственно заявил о себе практическими делами, плодотворным сотрудничеством ученых и практических работников тюменских предприятий, интересными публикациями»²⁵.

Отдельно отметим два обстоятельства, на наш взгляд, отразившие результаты этого реального опыта этико-прикладных исследований. Одно из них – итог размышлений Л.М. Архангельского, первоначальный скепсис которого относительно возможности прикладной этики обернулся выделением в книге о предмете и структуре этики раздела «Этико-прикладные исследования»²⁶. Второе обстоятельство – сформулированная А.И. Титаренко по итогам анализа дискуссии в «Вопросах философии» позиция многосторонности и многоуровневости современной этики, позволяющая ориентироваться на взаимодополнение выдвигаемых концепций практичности этического знания. С точки зрения автора, расхождения между позициями «традиционного» и «инновационного» истолкования этики как «практической философии» – «несмотря на их кажущуюся непримиримость – в немалой мере внешние. Ведь теоретическая этика может давать такие результаты, которые непосредственно, в плане нормативном, ближе и более значимы для нравственной жизни людей, чем эмпирические разработки. А так называемая эмпирическая этика – в силу ряда специфических зависимостей ее от реального, конкретного материала – может порождать мифы, иллюзии, облеченные в псевдонаучную фразеологию, но в действительности лишь повторяющие расхожие предрасудки обыденного сознания. С другой стороны (и это особенно важно в наши дни), конкретно-прикладные стороны этики – если они подкрепляются эффективной методологией подхода к реалиям морали и одновременно набором отработанных приемов преобразования нравственного сознания и поведения – могут иметь такие особые связи с практикой, которыми, в силу опять-таки своих специфических методов, теоретическая этика не обладает. Иначе говоря, процесс развития как науки о морали, так и самой морали проходит различные этапы, “отлетая” в сферу абстракции и вновь (одновременно!) возвращаясь (причем разными путями, в зависимости от исторической ситуации) к реалиям нравственной жизни. Высвечивая разные моменты

управления нравственным воспитанием в трудовом коллективе. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, ТИИ, 1982. С.139.

²⁵ Щербак Ф.Н. Послесловие. С. 60.

²⁶ Архангельский Л.М. Марксистская этика: предмет, структура, направления. М., 1985. С. 197-232.

этого процесса, авторы в действительности совместно работают в одном направлении: создания единой, многосторонней, многоуровневой этики как науки»²⁷.

УЖЕ ИЗ сказанного выше можно заметить, что концепция прикладной этики не была обделена вниманием этического сообщества. Более того, благодаря предпринимаемому сегодня анализу биографии концепции, кажется возможным сделать смягчающее уточнение по поводу «края исследовательской ойкумены».

А внутри «зримого колледжа» исследователей, считающих возможным и необходимым развивать этико-прикладное знание, шла постоянная дискуссия – очевидный атрибут этапа становления нового направления. Выявление возможности и необходимости специфической – прикладной – структуры этики и определение ее статуса совершалось путем распространения на систему этики дихотомии фундаментального и прикладного аспектов теоретизирования. Так, в первой из коллективных работ, инициирующих проблематику прикладной этики, отмечалось, что в отличие от общей этической теории, описывающей, объясняющей и прогнозирующей моральные явления и процессы с точки зрения их сущности и закономерностей развития, в прикладной этике эти же явления служат «предметом целенаправленного изменения. На основе познанных объективных закономерностей и механизмов разрабатывается теория воздействия на нравственную жизнь людей с целью привести ее в соответствие с критериями и требованиями социалистического общества»²⁸.

Однако эта продуктивная в методологическом плане дихотомия при решении конкретных вопросов прикладной этики принимала у разных авторов многие смыслы. С наибольшей наглядностью это обнаруживается в работах по так называемым «тематическим комплексам» знания, в которых и существовала реально на этапе становления прикладная этика. Так, В. Момов выделял либо две точки приложения этики (теория нравственного воспитания и профессиональная этика), либо четыре (педагогическая этика как теория нравственного воспитания, профессиональная этика, этика управления, этика семьи)²⁹. Попытку провести типологизацию предметных сфер прикладной этики не

---

²⁷ Титаренко А.И. Панорама этических идей // Вопросы философии. 1984. № 6. С. 111.

²⁸ Формирование профессиональной направленности студентов педагогических вузов (этико-педагогическое образование и нравственное воспитание). Владимир, 1976. С. 86.

²⁹ См.: Момов В. Прикладная этика и идеологическая практика. В кн.: Этика, социальное познание и нравственное поведение. София, 1979. С. 69.

по профессиям или секторам человеческой жизни, а по родам деятельности предпринял Л.А. Зеленев. Конкретизируя преобразовательный тип деятельности через выделение в нем шести родов, автор к каждому роду деятельности «приписал» свой тип (вид) прикладной этики. Такой подход, по его мнению, хотя и не решает всех проблем типологии, но по крайней мере вносит упорядочивающую идею³⁰.

При характеристике сфер приложения и определении границ предметного поля этико-прикладного знания обсуждалась его граница с комплексом внеэтических знаний о морали, ибо в этой ситуации приложение этики имеет оба значения – и к своему предмету, и к другим теориям, частичным объектом интереса которых являются мораль и воспитание (социология, социальная психология, педагогика, психология, этнография и т.д.). В литературе было выдвинуто несколько вариантов представлений о такого рода комплексировании. По мнению В.Н. Сагатовского, наряду с этикой, называемой им «чистой», ибо она обосновывает и формирует принципы и нормы субъектно-субъектных отношений, целесообразно разрабатывать «комплексную этику» – именно она должна изучать «все, что необходимо и достаточно для обеспечения оптимального приближения к моральной программе-максимум в различных конкретных условиях. В ее задачи войдет, видимо, изучение социальных, психологических и гносеологических условий морального взаимопонимания, праксиологии принятия моральных решений и т.п.»³¹. Своеобразный блок этико-гуманитарного знания о морали предлагал разработать В.Т. Ганжин. С его точки зрения, в этике целесообразно выделить этонику, концентрирующую информацию всех наук, объектом которых является мораль, причем эта концентрация должна быть организована управленческими потребностями морали. Такая теория могла бы иметь и фундаментальный и прикладной аспекты и тем самым эффективно интегрировать практические притязания этики, социологии, социальной психологии и т.п.³².

ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ ситуация в развитии отечественного этико-прикладного знания, после которой идее-технологии прикладной этики уже нельзя было поддаваться греху уныния и/или установке

---

³⁰ См.: Зеленев Л. А. К методологии построения прикладной этики // Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. С. 92.

³¹ Сагатовский В. Н. Значение фундаментальных исследований для этического проектирования // Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования. С. 110.

³² Ганжин В. Т. Управленческий этос и проблемы этоники // Роль профессиональной этики в управлении нравственным воспитанием. Владимир, 1980. С. 122.

«безнадежной решимости», связана с проектом «Самотлорский практикум». Первая его часть, проведенная в формате экспертного опроса, – еще один наглядный пример *проектирования биографии* нашего направления через вовлечение научного сообщества в рефлексию идеи и технологий прикладной этики, в том числе и *заведомо* критическую рефлексию.

В рамках включенного в акцию двухэтапного экспертного опроса³³ – кстати, по составу участников экспертиза «демократическая», а не элитарная, как в дискуссии на страницах «Вопросов философии» – были проблематизированы гносеологический идеал современной этики, эффективность традиционных и (не)возможность новых видов практического приложения этического знания, идея гуманитарной экспертизы и консультирования.

Предварительно экспертам предлагалось диагностировать «болевые точки» и «точки роста» ситуации в этике. И наряду с констатацией нереализованности «задачи рефлексивного осмысления положения, в котором оказалась этика в результате тридцатилетнего развития» (Р.Г. Апресян) и метафорическими преамбулами к диагнозу: «говорить о “болевых точках” советской этики – все равно, что выискивать капли пресной воды в океане. Ее боль не поддается точечной локализации, ибо захватила все тело» (А.А.Гусейнов), – фактически общим диагнозом была фиксация оторванности этики от реальных проблем практики, неготовности традиционных методологических подходов для исследования нравственной жизни и т.п. Конкретнее этот диагноз был представлен в рейтинге экспертных оценок, составленном в рамках построенной на материалах экспертного опроса деловой игры³⁴.

Отсюда вполне общий тезис экспертов о «необходимости прорыва», «перестройки» в этике. *Настроение*, определяющее направление *прорыва* – в «говорящих» заголовках некоторых экспертных текстов: «“Точки роста” – в преодолении “болевых точек”» (В.А. Блюмкин); «“Точки роста” совпадают с “болевыми точками”, преодолевая их» (Б.О. Николаичев). *Конструктивность* предложений? При установочном ориентире «пусть “Самотлорский практикум” не будет спором глухих» (Ф.Н. Щербак) и совпадающем алгоритме поиска средств «прорыва» – «ответ на первый вопрос в значительной мере предопреде-

---

³³ См.: Самотлорский практикум / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень, 1987; Самотлорский практикум-2. Сборник материалов экспертного опроса / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень, 1998.

³⁴ См.: Федоров Ю.М. Универсум морали (1). Полиморфизм морали. Тюмень, 1990. С. 4.

ляет и ответ на второй» (А.И. Титаренко) – мы видим большое разнообразие позиций: «этика должна заново привыкать обращаться к человеку» (В.В. Малахов), «от заземления этики – к восхождению на Олимп человеческой мудрости» (В.П. Кобляков), «Моралистическая миссия этики» (Н.Д. Зотов), «обретение этикой своей подлинной роли», «время дефинитивной этики прошло, сейчас нужна этика эссеистская» (А.А. Гусейнов) и др.

А что же с идеей прикладной этики, которую, подчеркнем, мы не «продавливали» в анкете, предпочитая вместо декларации ее значимости включать этическое сообщество в работу, организованную по присущим прикладной этике технологиям? По формальным признакам говорить о «торжестве идеи» в суждениях участников опросов не приходится. При доминировании тезисов об острейшей необходимости развития *практического* потенциала этической науки – снова «говорящие заголовки»: «Саму жизнь ввести в контекст этического исследования» (Ф.Н. Щербак), «Углубленное изучение живой морали» (Р.В. Петропавловский) – тема развития собственно прикладной этики не оказалась доминирующей. Тем не менее она прозвучала, и достаточно заметно.

Во-первых, это были утверждения о характерности для гносеологического идеала этики фундаментальных и прикладных аспектов (И.С. Урбанаева, Б.О. Николаичев). Во-вторых, это были суждения о таком признаке этико-прикладного знания, как конструктивность: «этика как практическая философия должна стать в современных условиях конструктивной отраслью научного знания, подобно конструктивной психологии», подкрепляемые конкретными методами: «прикладная этика, вооруженная социологическими методами прогнозирования и моделирования общественных процессов, воздействующих на формирование нравственного сознания, а также психологическими методами формирования механизмов морального выбора. С этой целью могут использоваться игровые методы, методы социально-психологического тренинга, а также конструктивный психологический эксперимент» (Е.И. Головаха). В-третьих, наряду с признанием стремления к технологизации этико-прикладного знания («уже не вызывает сомнения») отмечалась особая природа теоретизирования в прикладной этике: «прикладная этика не может бы т.н. “пристройкой” к теоретической этике. Предмет приложения определяет характер теории, так что необоснованными являются попытки как обойти теорию, так и использовать уже сконструированную (вне конкретных социальных задач или помимо них) теорию. Этическая концепция изначально должна строиться с ориентацией на приложение, т.е. не только объяснение, но и изменение мира. Именно такая концепция может

быть теоретически конкретной» (Р.Г. Апресян)³⁵. В-четвертых, отстаивался тезис о том, что призванной стать «точкой роста» прикладной этике необходимо сориентироваться на «культурологические рефлексивные структуры», на «исследовательские процедуры, основанные на понимании», например, она «должна существенно отличаться по своим исследовательским процедурам от прикладной социологии, которую, к сожалению, она продолжает копировать» (Ю.М. Федоров). При этом, и обходясь без слов «прикладная этика», эксперты фактически говорили о ее предмете и задачах. Например: «Не отказываясь от тех возможностей, которые заключает в себе традиционный путь, современная этика должна сосредоточить усилия на поиске, разработке и апробации путей нетрадиционных: это, прежде всего, включение этической теории в социальное проектирование и организационно-управленческие программы» (Ю.М. Смоленцев).

Но еще более значимо, что весьма востребованной оказалась одна из ключевых идей-технологий прикладной этики – гуманитарная экспертиза и консультирование: вслед за вопросом об эффективности традиционных и возможности новых видов практического приложения этики мы спрашивали в анкете: «Считаете ли Вы целесообразной этическую (шире – средствами гуманитарного знания) экспертизу практики принятия решений различными социальными субъектами?».

И здесь не обошлось без скепсиса: «Авторы анкеты интересуются, что такое этическая экспертиза и как ее осуществлять? Вот и я спрашиваю: что это такое и как ее осуществлять?» (А.А. Гусейнов); иронии: «Подлинная этическая экспертиза, на мой взгляд, тождественна марксистской, социально-философской, аксиологически отрефлексированной теории. Все остальное радуется, в основном, тем, что разнообразит нашу этическую жизнь и пробуждает к критической активности» (О.П. Зубец); и здравой осторожности: «В принципе эта идея не вызывает возражений, но она нуждается в серьезной практической проверке» (В.А. Блюмкин).

Но многие эксперты позитивно восприняли идею-технология гуманитарной экспертизы. Во-первых, обращалось внимание на актуальность идеи-технологии: «возможность и необходимость такого нетрадиционного способа обращения теории к практике, как гуманитарная экспертиза и консультирование связана с целым рядом обстоятельств современной жизни» (М.С. Каган). Во-вторых, идея-технология гуманитарной экспертизы рассматривалась как «заказ» этике от

---

³⁵ Мы считаем уместным напомнить Р.Г. Апресяну это его суждение давних лет, вполне актуальное в современных поисках автором в сфере прикладной этики.

практики, «заказ» именно этической науке: «Организаторы “Самотлорского практикума”, по существу, правильно ставят вопрос об усилении практической отдачи марксистско-ленинской этики. Конечно, назрел вопрос об оказании практической помощи личностям (включая детей школьного возраста), производственным единицам, добровольным объединениям, семьям и т.д. в виде этического консультирования по жизненным вопросам нравственности. ...Надо подчеркнуть: требуются профессиональные этические экспертизы и консультирование» (Т.С. Лапина). В-третьих, она оценивалась как «особая точка роста» этического знания, как «форма связи этики с жизнью». Конкретизация оценки: «гуманитарная экспертиза даст рост этического знания по двум направлениям: для философской этики практика гуманитарной экспертизы самых различных социальных явлений, преобразований, промышленных проектов и т.д. выступает продуктивной коррекцией общефилософских положений на реальность; для эмпирически ориентированной этики гуманитарная экспертиза показывает необходимость генерализованных философских подходов в выработке позиции по вполне конкретным вопросам» (А.П. Вардомацкий). В-четвертых, отмечалась связь гуманитарной экспертизы именно с прикладной парадигмой этического знания: «Имеет ли какие-либо преимущества с точки зрения наиболее эффективного гуманистического консультирования социальных решений та или иная из двух конфликтующих исследовательских ориентаций (“управленцы” и “антиуправленцы”) в нынешнем этическом сообществе? На наш взгляд, преимущество за теми, кто не боится “идти в жизнь”» (В.Т. Ганжин).

Причем суждения экспертов по поводу идеи гуманитарной экспертизы прямо подводили к запросу на развитие прикладной этики даже и в том случае, когда они не оформлялись в терминах прикладной этики. Так, например, Р.Г. Апресян подчеркивал, что «оторванность этики от жизни прослеживается в слабости теоретических концепций, а не в том, что этики не занимаются животрепещущими общественными проблемами», а И.Э. Бекешкина напоминала, что «на “Самотлорском практикуме-1” приходилось слышать суждения, будто для того, чтобы стать этиком-консультантом, достаточно быть просто... хорошим человеком. Сейчас, когда этика решительно изживает комплекс оторванности от жизни, особую опасность представляет, на мой взгляд, решение сложных нравственных проблем с позиций “этики чувства”, превращение этика из научного работника в эдакого самозванного гуру, готового раздавать советы по любым проблемам современности, исходя из своей “чистой Души” (не оскверненной научным анализом)».

Мы прочитали эти экспертные суждения так: гуманитарная экспертиза – приложение этики к практике, но не любой этики и не просто здравого смысла, а прикладного этического знания. И потому рискнули предположить, что в деле гуманитарной экспертизы, идея которой была своеобразным тестом и для перспектив концепции прикладного знания в целом, «лед» атмосферы широкого этического сообщества вокруг прикладной этики не просто «тронулся», но созрел для трансформации в «половодье». Тем более, что мы не откладывали практическое испытание этого рискованного вывода: в ответ на условие не рассуждать об этической экспертизе «без того и до того, пока не будут налицо хотя бы несколько успешных опытов такой экспертизы» (А.А. Гусейнов), мы провели серию гуманитарных экспертиз применительно к проблемам «нового освоения» – развития Тюменского нефтегазового комплекса, о которых еще скажем.

НА СТАРТЕ 90-х в судьбе отечественного этико-прикладного знания произошли два значимых события. Одно из них (тоже не «попавшее» в версию истории отечественной прикладной этики по-Назарову) – развертывание исследовательского поля развиваемой нами концепции и ее новое институциональное обеспечение. Откладывая содержательную характеристику события до следующей главы, укажем здесь на его институциональное оформление: создание Центра прикладной этики президиума Тюменского научного центра Сибирского отделения АН СССР (1989-1994) и открытие Тюменским нефтегазовым университетом НИИ прикладной этики (1995 г.). На наш взгляд, с созданием этих структур отечественная прикладная этика получила уникальный шанс успешного проектирования своей биографии. Шанс, подкрепленный изданием наших журналов «Этика успеха», «Ведомости» НИИ ПЭ, «Тетради гуманитарной экспертизы».

Второе событие: начала формироваться еще одна версия прикладной этики, испытавшая сильное влияние успешно развивающейся на Западе *этики открытых вопросов* (прежде всего биоэтики)³⁶. Одна из первых публикаций этой версии – статья А.А. Гусейнова в «Философских науках». Рассматривая в качестве базовой модель биомедицинской этики, автор формулирует *смысл* происходящего в западной этике «прикладного поворота». На наш взгляд, содержание и интерпретация «поворота» оказались впоследствии значимы и для характеристики разделяемой им концепции.

Какие признаки «прикладного поворота» фиксирует и интерпре-

---

³⁶ Гусейнов А.А. О прикладной этике вообще и эвтаназии в частности // Философские науки. 1990. № 6.

тирует А.А. Гусейнов? 1. «Этика, если говорить не о фактическом состоянии, а о наметившейся тенденции, все более становится прикладной. Если быть точнее, она расщепляется на множество прикладных этик (биоэтика, этика бизнеса, политическая этика и др.). 2. «Прикладная этика существует не как прикладная часть этики, не в паре с теоретической этикой, а как каждый раз вполне специальная и самостоятельная наука». 3. «Прикладная этика возникает на такой стадии развития, когда в обществе вырабатывается устойчивое согласие относительно гуманистических ценностей в их общечеловеческом содержании и личностном преломлении; когда проблема теоретического обоснования моральных норм потеряла общественную злободневность и на первый план выдвигается проблема их воплощения в общественном опыте. Скажем, биомедицинская этика предполагает полное согласие относительно того, что человеческая личность самоценна и морально автономна, что все должны руководствоваться нормами справедливости и милосердия. Если же в общественном сознании широко распространены убеждения, что моральность поступка определяется пользой общества, что личность не равна личности и кто то (в силу социальных, этнических и иных признаков) имеет преимущественные моральные права, то обсуждение таких проблем биомедицинской этики, как, например, проблема эвтаназии, может обернуться отрицательными результатами». 4. «Прикладная этика исследует пути приложения гуманистических норм к тем или иным конкретным секторам практической жизнедеятельности людей. Ее задача не в том, чтобы описать преломление моральных норм в той или иной среде, их трансформацию, а в том, чтобы выявить способы их воплощения в конкретных ситуациях человеческого бытия, вполне локализованных и поддающихся сознательному контролю. Смысл прикладной этики – перевести моральные ценности из идеальной формы бытия в практическую, притом не только в индивидуальном опыте, но и в организации общественной жизни; переформулировать их в терминах социального поведения, в полной мере сохраняя при этом их изначальное содержание». 5. «Как прикладная наука этика может существовать только в непосредственной кооперации со специальными областями знания и в контексте конкретной, общественно организованной формы деятельности. Этика не просто усваивает язык, механизмы определенной сферы общественной практики, она становится органичным элементом этой практики. ...Она, может быть, даже в большей мере принадлежит практике (бизнесу, медицине, политике и т. д.), чем университетам». 6. «Прикладную этику можно было назвать теоретизированием, но в терминах жизни или самой жизнью, обога-

щенной рационально осмысленным этическим опытом». 7. «Если содержанием первой этической революции в I-м тыс. до н.э. явилась выработка общегуманистического канона, идеи общечеловеческой морали, то смысл предстоящей второй этической революции иной — перевести эту идею в план практического осуществления, и не в мистическом индивидуально-духовном опыте, а в опыте общественном, рационально организованном и сознательно контролируемом. В свете этой исторической перспективы переход этики с философско-теоретического уровня на прикладной, появление прикладной этики — процесс многозначительный и многообещающий».

Представляется, что здесь мы имели дело с восприятием «переворота» с позиции *морального философа*, трактующего этику как «практическую философию». Это видно уже из пункта 4: «задача не в том, чтобы описать преломление моральных норм в той или иной среде, их трансформацию, а в том, чтобы выявить способы их воплощения в конкретных ситуациях человеческого бытия». Пытаясь отделить прикладную этику от «практической философии», *делегировать* прикладной этике определенную проблематику, автор видит в прикладной этике лишь *теоретизирование* (пункт б), не обсуждая ни проектную ориентированность этико-прикладного знания, ни *технологии* его «встречного движения» с моралью. Что касается теоретизирования «в терминах жизни» или «самой жизни, но обогащенной рационально осмысленным этическим опытом», то это может быть и технология, но в рамках парадигмы «практической философии». А «практическое осуществление» идеи общечеловеческой морали в современной ситуации, отдаваемое прикладной этике, исключенной из этического знания («она, может быть, даже в большей мере принадлежит практике: бизнесу, медицине, политике и т.д., чем университетам»), своеобразная моральная рефлексия «снизу» — в рамках этих сфер практики, не обеспеченная развитием прикладной этики «в университетах» (именно прикладной и именно в *университетах*), реально оборачивается риском, о котором мы говорили в первой главе.

ПРОДОЛЖЕНИЕ второго *события* — формирования в отечественной этике версии прикладной этики на основе опыта западной литературы — публикация книги Л.В. Коноваловой, построенной на материалах исследований западной биоэтики³⁷. В качестве приращения к описанной выше начальной стадии становления этой версии прикладной этики здесь можно выделить три момента: внимание к разли-

---

³⁷ Коновалова Л.В. Прикладная этика (по материалам западной литературы).

чению разных смыслов термина «приложение», атрибуцию этой версии прикладной этики через сосредоточенность на моральных дилеммах, тезис о необходимости сохранения *этического* статуса прикладной этики. В качестве подтверждения принадлежности именно к данной версии прикладной этики укажем на атрибуцию прикладной этики как предмета *философствования*, особенность которого определяется уже противопоставлением прикладной и профессиональных этик, идентификацию прикладной этики как *практической* этики, но противопоставление алгоритма фундаментальное – прикладное знание в естествознании и этике до степени, избавляющей автора от обсуждения особенностей *технологии* приложения этического знания. Но зачем в таком случае выделять в этическом знании именно прикладную этику?

Стремясь отрефлексировать смысл термина «приложение», что, кстати, предпринимают далеко не все авторы работ о прикладной этике, Л.В. Коновалова посчитала уместным поддержать предложенную в анализируемой ею западной литературе идею различения аппликации и приложения. При этом нежелание объективно анализировать отечественную версию прикладной этики лишило Л.В. Коновалову возможности обнаружить эту идею «на родной почве»: уже на старте работы над нашей концепцией, разрабатывая идею многофункциональной технологии этического практикума, мы подчеркивали, что она не является элементарной аппликацией, простым проецированием этического знания на практическую сферу, что в этой технологии отражена идея специальной трансформации этического знания, ориентированного на задачи управления нравственными процессами и нравственно-воспитательной деятельностью³⁸. А в последующих работах специально различали аппликацию и приложение, подчеркивая, что в прикладной этике речь не идет о том, что нравственный субъект постоянно апплицирует всеобщее нравственное знание к конкретной ситуации, так как знание это фронестического типа (знание-умение), а не эпистемологического и потому, как показал Гадамер, строится на понимании, которое всегда уже является свершением, применением. Мы говорили, что вопрос стоит не об отдельном действующем субъекте, а о применении этического знания к той или иной сфере деятельности, для чего оно трансформируется и в ви-

---

³⁸ См.: Практикум: профессиональная этика и нравственная культура организационно-управленческой деятельности в трудовом коллективе / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень, 1981. С.4.

доизмененном состоянии подлежит применению действующим субъектом в этой сфере³⁹.

Аналогичная ситуация – с интерпретацией Л.В. Коноваловой феномена *конкретизации*. Обращая внимание на то, что недостаточно трактовать акт приложения как элементарный процесс «конкретизации» общих положений в эмпирической стихии или сводить его к казуистике, вполне убедительно развивая тезис об обращенности прикладной этики к моральным дилеммам, автор проходит мимо подлинной конкретизации – как в приложении этики к морали, так и в развитии самой морали.

Во-первых, мимо внимания автора прошла трактовка прикладной этики в двух ее ипостасях – как этико-прикладного знания и как «малых нормативно-ценностных систем». В начале девяностых годов в проекте «Этика Севера» мы разрабатывали идею приложения ценностей и норм общественной нравственности к различным сферам жизни общества. «Под “этикой Севера” мы имеем в виду не элементарную аппликацию и даже не детализацию или “комплект подробностей”, но развитие общественной нравственности в процессе конкретизации ее ценностей и норм». При этом мы стремились пройти между двумя крайностями: с одной стороны, если не ставить себе задачи исследования своеобразия этики Севера, придется навсегда распрощаться с надеждой раскрыть природу северного этоса – достаточно будет провозглашать всеобщий характер моральных требований, обязательств, ответственности, велений совести и т.д. С другой стороны, нельзя поддаваться соблазну просто «наложить» друг на друга понятие «этика» и «Север»: операция по их механическому соединению бесплодна. Никакие конструктивистские ухищрения, поиски более простых и податливых к симбиозу определений этих понятий не смогут дать подлинного категориального синтеза без анализа методологии самой процедуры «приложения» как «конкретизации»⁴⁰.

Во-вторых, автор скорее обращает внимание на *драматичность* приложения этики к трудным ситуациям, чем на характеристику собственно «технологии» приложения, на процедуры, которые мы в своей концепции идентифицируем как акты *морального творчества*.

---

³⁹ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Правила игры на полюсе: этика Севера в структуре общественной нравственности // Этика Севера. Сборник научных трудов / Под ред. В.И. Бакштановского, Т.С. Караченцевой. Издание Института проблем освоения Севера и Центра прикладной этики. СО РАН. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1992. С. 8.

⁴⁰ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Правила игры на полюсе: этика Севера в структуре общественной нравственности. С. 9.

Поэтому трактовка Л.В. Коноваловой значения *приложения* «в широком смысле» фактически совпадает с характеристиками *практической* этики.

Более того, анализ работы Л.В. Коноваловой дает основание утверждать, что *технология приложения* этического знания к практике, собственно механизмы и процедуры, которые выше мы назвали актами *морального творчества*, не представлены. Возможно, это объясняется стремлением противопоставить процедуру приложения в естественно-научном и этическом знании? Вполне понятное и правомерное это стремление, с нашей точки зрения, увело автора от необходимости *конструктивно и технологически наглядно* описать ее понимание приложения этики к практике.

Можно предположить, что такова цена пренебрежения представленными в отечественной литературе результатами, вытекающего из их искажения. Так, например, автор противопоставляет свою позицию иной, в которой прикладная этика понимается «лишь как совокупность вспомогательных методов, применяемых при решении практических задач». И в числе сторонников такого понимания, «когда прикладная этика сводится к перечислению различных ситуаций, найти правильное решение которых она берется помочь», понимания «достаточно распространенного и в нашей, и в западной литературе», указывает на «работы по прикладной этике В.И.Бакштановского и Ю.В.Согомонова, в том числе “Этика успеха” (1995, 1996)»⁴¹. Серьезность этой интерпретации определяется уже качеством ссылки. Таких работ у нас нет. Может быть, автор имела в виду наш журнал «Этика успеха»? Но чтобы так интерпретировать публикуемые в нем тексты, надо было очень этого захотеть.

И наконец, вполне верное утверждение автора о необходимости связи прикладной этики с этикой в целом, о сохранении *этического* статуса прикладной этики. Но зачем выделять в этическом знании прикладную этику, если в реальном итоге противопоставления этики естественно-научному знанию, знанию, с необходимостью предполагающему *технологизацию* как условие практического приложения, предлагается позиция, слабо оправдывающая роль прилагательного «прикладная» применительно к этике. «Прикладная этика – это особый вид этики не потому, что она накладывается на новый проблемный материал, а потому, что она дает *новое* понимание проблем морали, представляет собой новый вид этики, новый подход к проблемам самой этики. Она предъявила новые требования к развитию этики, по-новому формулирует ее предмет, ставит перед этикой новые задачи. Она

---

⁴¹ Коновалова Л.В. Цит. соч. С.21.

представляет собой новый вид этики потому, что *дает новое понимание этики*», – пишет Л.В. Коновалова. Да, все именно так, но как же именно связана *прикладная этика* с практикой? Что происходит с этическим знанием на пути к практике? Как оно трансформируется? Каковы каналы его практичности? Мы уже не говорим о еще одном важнейшем вопросе, имеющем прямое отношение к феномену *приложения*: а что происходит с самой моралью, как именно она конкретизируется в виде нормативно-ценностных подсистем (прикладных моралей)?

И действительно, даже если представлять прикладную этику как характеристику *всей современной этики* в целом, как *постклассический вид этики*, «который она приобрела в последние десятилетия двадцатого века», – и в таком случае надо оправдать уход от «старой» версии этики как практической философии.

Конечно, можно учесть, что автор и не ставила своей целью отвечать на эти вопросы, предупреждая: «наша цель будет состоять отнюдь не в том, чтобы непосредственно осуществлять “приложение” этики или показывать, как работает теоретическая этика на решении каких-то конкретных задач, ...мы не будем выступать как “прикладники”. Мы будем оставаться этиками». Но, уклоняясь от такого рода задач, можно ли адекватно представить прикладную этику?

СЛЕДУЮЩИЙ шаг в развитии «на отечественном подзоле» представленной выше версии прикладной этики как *этики открытых вопросов* – идентификация ее по таким основаниям, как характер проблем, являющихся ее предметом, и особое соотношение этики и морали, предпринятая в таких работах А.А. Гусейнова, как учебник «Этика»⁴², статья о прикладной этике в энциклопедическом словаре «Этика», статья «Размышления о прикладной этике», написанная для журнала «Ведомости» (НИИ прикладной этики)⁴³ и т.д. Автор предложил ряд оснований для характеристики предмета прикладной этики. «Прикладная этика – область знания и поведения, предметом которой являются практические моральные проблемы, имеющие пограничный, междисциплинарный и открытый характер. Показательные примеры таких проблем – смертная казнь, эвтаназия, трансплантация органов, клонирование, продажа оружия и др. Они являются пограничными, т.к. касаются фундаментальных моральных принципов, ценности самой жизни; междисциплинарными, т.к. являются предметом осмысления ряда дисциплин; и открытыми, т.к. имеют форму дилеммы,

⁴² Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. М.: Гардарики, 1988.

⁴³ Гусейнов А.А. Размышления о прикладной этике // Общепрофессиональная этика. Ведомости. Вып. 25 .

каждое из взаимоисключающих решений которой способно быть предметом моральной аргументации»⁴⁴.

Конкретизируя специфику этико-прикладных проблем, автор выделил ряд признаков. Во-первых, эти проблемы «возникают в публичных сферах жизни, предполагающих и требующих кодифицированного (юридического, административного, профессионального) регулирования и контроля, в зонах институционального поведения, где поступки по определению имеют осознанный и общественно-вменяемый характер». Во-вторых, это проблемы, для решения которых «недостаточно одной доброй воли, нравственной решимости; к этому требуется еще профессиональная строгость суждений. Здесь моральная обоснованность выбора теснейшим образом сопряжена с адекватным знанием предмета выбора». В-третьих, по вопросу нравственной квалификации этих проблем «среди специалистов и в общественном мнении господствуют противоположные по существу, но соразмерные по удельному весу и общественному статусу позиции». В-четвертых, этико-прикладные проблемы «не могут быть решены в рамках казуистического метода, хотя и имеют казусный характер; они являются открытыми не потому, что не найдено логически безупречного обоснования, а потому, что не имеют его, они всегда единичны и требуют каждый раз частных, одноразовых решений». В-пятых, способ решения такого рода проблем «является публичным, процессуально оформленным, чаще всего он осуществляется через особые этические комитеты, в которых представлена вся совокупность относящихся к делу интересов и компетенций. В случае этико-прикладных проблем как бы выносятся наружу тот, выявленный еще Аристотелем, внутриличностный механизм рационального взвешивания и борьбы мотивов, который предшествует принятию нравственно вменяемого решения. Правда, одновременно с этим размывается (деперсонализируется) ответственность за решение и оно отчасти теряет нравственное качество».

По поводу конкретных признаков «этико-прикладных проблем» можно как соглашаться, так и полемизировать. Но более важно отнестись к *основаниям* выделения «этико-прикладных проблем». В дополнение к сказанному выше, в реплике по поводу статьи А.А. Гусейнова в «Философских науках», зададим вопрос: насколько обязательно называть выделяемые автором проблемы именно *этико-прикладными*? Этическая теория прилагается к моральной практике? Однако автор, отмечая, что в понятии «прикладная этика» «термин

---

⁴⁴ Здесь и ниже мы цитируем по статье: Гусейнов А.А. Размышления о прикладной этике.

“этика” имеет смысл, приближающийся к моральной теории», все же специально подчеркивает, что это понятие «в первую очередь употребляется для обозначения определенного фрагмента самой моральной реальности».

Здесь надо вспомнить известную точку зрения автора на отношения этики и морали, в том числе и представление о том, что сама мораль способна выполнять некоторые функции этики (об этом ранее писали и О.Г. Дробницкий, и А.И. Титаренко). В рамках этой точки зрения вполне логичен тезис автора, согласно которому прикладная этика представляет собой «первичный моральный опыт – сознательный, осознанный, даже теоретически насыщенный», который потом «становится предметом философских и иных специализированных обобщений». Мы готовы, уклоняясь здесь от уточнений (об активной, в том числе проективной, роли этического знания в постановке морально-значимых проблем), разделить этот тезис автора. В рамках нашей концепции есть сходное представление: прикладная этика в одной из ее ипостасей – как нормативно-ценностная система – создает предмет для этико-прикладного знания как второй ипостаси прикладной этики.

Однако полагаем уместным оспорить суждение А.А. Гусейнова о том, что «когда В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов говорят об этико-прикладном *знании* в его соотнесенности с фундаментальным *знанием*, то надо полагать, что они имеют в виду разные уровни самого морального сознания. В частности, под фундаментальным знанием в этом случае подразумеваются не философские концепты, а основоположения (принципы) самой морали – то, что составляет общую посылку в силлогизме поступка. Речь, следовательно, идет о соотношении, связи конкретных моральных решений с общими моральными принципами. Прикладная этика представляет собой особый тип или, если рассуждать в историческом разрезе, особую стадию такой связи». Действительно, о прикладной этике в значении нормативно-ценностной подсистемы общественной морали можно говорить и как о связи конкретных моральных решений с общими моральными принципами. Действительно, высший уровень морального сознания, его мировоззренческий ярус, весьма близок к теоретизированию. Но это не отменяет роли теоретизирующего этического знания, в рамках которого и уместно различать фундаментальный и прикладной уровни, имея в виду, что последний представляет собой специфический, в том числе проектно-ориентированный, вид теоретизирования, «подготавливающий» приложение теории к моральной практике.

В соответствии с таким представлением о теоретизировании этико-прикладного уровня, мы полагаем спорным и суждение автора,

согласно которому прикладные этики «не являются частями, разделами этики как науки о морали, они в большей мере принадлежат соответствующим специальным областям знания: биомедицинская этика – биологии и медицине, этика науки – науковедению и т.д.». Вполне можно говорить о том, что прикладная этика возникает «на стыке этики и др. конкретных форм научно-практической деятельности», но одно дело – *источник* проблематизации прикладной этики, акцентирование реактивности этико-прикладного знания в отношении практических проблем, другое дело – (не)допущение необходимости теоретизирующего этико-прикладного знания. Не оговаривая роль последнего, можно вольно-невольно оставить за рамками рефлексии одну из двух ипостасей прикладной этики.

В самом начале нашего проекта «Прикладная этика», в 70-80-х годах, мы выдвинули тезис о *встречном движении* этики и морали. И, конечно, исходили из укрепляющейся в те годы в этической литературе идеи особой взаимосвязи этики и морали, в том числе о потенциале рефлексирующего морального сознания. Мы полагали, что прикладная этика (этико-прикладное знание и нормативно-ценностные подсистемы морали) – одна из точек такого *встречного движения*. И демонстрировали этот подход развитием метода этических деловых игр и опытом экспертных опросов, ориентированных на самопознание организаций и профессиональных ассоциаций, оргпроектом «целевых бригад» исследователей и практиков, проектирующих профессиональные кодексы, программы нравственно-воспитательной деятельности с обязательным сочетанием мировоззренческого и нормативного «ярусов» морали, и т.п.

Поэтому нам во многом близко суждение А.А. Гусейнова, согласно которому «в рамках прикладной этики теоретический анализ, общественный дискурс и непосредственное принятие морально ответственного решения сливаются воедино, становясь содержанием реальной, соответствующим образом организованной общественной практики»⁴⁵. Сложнее с его продолжением: «это особая форма теоретизирования; теоретизирование, непосредственно включенное в жизненный процесс, своего рода теоретизирование в терминах жизни. И это – особая форма принятия ответственных решений, самой человеческой практики, когда последняя поднимается до теоретически осмысленного уровня». Дело в том, что за рамками этой красивой формулы остается вопрос о прикладной этике как таком *специфическом* теоретизировании, которое предполагает профессиональную ис-

---

⁴⁵ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. С. 393.

следовательскую деятельность этиков, проведение прикладных исследований и разработок, ориентированных и подготовленных к прямой и обратной связи с практикой. Иначе говоря, в этой формуле за рамками исследовательской рефлексии остается существенный признак одной из сторон «встречного движения» – проектирование и производство этико-прикладного знания, особое – *этическое* – творчество, не отменяемое *моральным* творчеством.

ПЕРЕКЛИКАЮЩИЙСЯ с рассмотренным, но обладающий спецификой вариант идентификации прикладной этики предлагает Р.Г. Апресян. В статье, написанной для журнала «Ведомости» (НИИ прикладной этики), автор характеризует прикладную этику как «раздел, направление, а лучше сказать – аспект исследований морали, наряду с философской, нормативной и дескриптивной этикой (статус, смысл и состав прескриптивной этики еще подлежит прояснению). Предметом прикладной этики является императивное и ценностное содержание профессионально и/или предметно определенных практик; ее задачей является этическая рационализация, т.е. осмысление, критика или обоснование тех или иных стратегий, тактик и методов профессионально и/или предметно определенных практик». Уточняя свою позицию, Р.Г. Апресян пишет далее: «Возвращаясь к определению прикладной этики, можно теперь уточнить ее предмет: это анализ моральной практики – императивного и ценностного содержания конкретных видов деятельности, точнее, тех отношений, в которые вольно или невольно вступает человек в процессе осуществления различных конкретных видов деятельности, а также ее социокультурные условия, ее этос, нормативный состав и те социальные устройства и механизмы, посредством которых обеспечивается его действенность»⁴⁶.

В то же время автор полагает, что «выстраивание в один ряд *нормативно-этических систем, связанных с различными видами практической деятельности*» (выделено нами. – В.Б., Ю.С.), «побуждает объединить их понятием “практическая этика” и рассматривать последнюю как совокупность разнообразных систем моральных норм – с различной степенью систематизированности, рационализированности, композиции (соотношения принципов и правил) и институциональной поддержки». «Кухню» «разработки конкретной практической этики», «схему формирования» последней, автор представляет следующим образом: «а) в экспертном анализе выделяются значимые в этическом плане аспекты конкретной профессионально-отраслевой

---

⁴⁶ Апресян Р.Г. Вид на профессиональную этику // Общепрофессиональная этика. Ведомости. Вып. 25. С. 160-181.

деятельности; б) по их поводу высказываются рекомендации в соответствии с определенными моральными принципами; в) формулируются принципы и формируется кодекс для данной области».

На наш взгляд, в такой интерпретации «практической этики» скорее «схвачено» то общее, что есть у нее с этикой прикладной, но без их видовых отличий. Полемически предположим, что Р.Г. Апресяну еще предстоит «развести» прикладную этику и практическую этику, – хотя бы потому, что автор продемонстрировал свою открытость к технологиям этико-прикладных разработок в своем собственном опыте разработки ряда прикладных этик (предпринимательской, парламентской, этики науки и техники, этики ненасилия и т.д.), что весьма существенно для рефлексии о природе прикладной этики.

ИТАК, иницируя и развивая этико-прикладные исследования, мы не были одиноки. И благодаря сотрудничеству с разделяющими нашу концепцию исследователями и практиками. И благодаря прямой и косвенной полемике с авторами иных представлений о развитии этики.

Современная ситуация прикладной этики и фактически, и в аспекте академической легитимности структурирована в духе *поликонцептуальной* статьи в словаре «Этика». Это позволяет предположить, что в перспективе, с одной стороны, параллельное развитие версий, с другой – их конструктивный диалог. «Рецепт» конструктивности? Пафосные слова о «чуде» прикладной этики – «из достаточно строгой, академической философской дисциплины, да еще, к тому же, отягощенной некоторым грузом моралистики и назидательности, она вдруг превращается в самую главную вещь, остро интересующую людей» (Л.В. Коновалова) – волнуют, но не достаточно конструктивны для модернизации этики. Может быть, прагматичности этому «чуду» придаст определение «интервала эффективности» концептуальных подходов, стремящихся определить судьбу прикладной этики, но при этом оставляющих в стороне опыт этико-прикладных исследований и разработок, с учетом которых строятся иные концепции?

Глава 3

«Три источника, три составные части...»

ТЕПЕРЬ мы можем сосредоточиться на анализе процесса проектирования биографии нашего направления прикладной этики, идея которого связана с вполне определенной интерпретацией смысла прилагательного *прикладная* применительно к существительному *этика*.

Сегодня, в *итоге* длительного *пути*, мы идентифицируем прикладную этику прежде всего через включение в поле рефлексии двух ее сторон – моральной практики и этического знания, взаимообуславливающих друг друга. Первая сторона – формирующиеся в процессе *конкретизации морали* нормативно-ценностные подсистемы («малые системы»), регулирующие и ориентирующие сегментированные сферы общества: медицинская, юридическая, педагогическая, научная, экологическая, политическая, предпринимательская, журналистская и т.д. этики (морали). Вторая сторона – опирающаяся на этико-философские и этико-социологические средства познания теория конкретизации морали; воплощающие идею конкретизации морали концепции, описывающие каждую из прикладных этик (моралей); проектно-ориентированное знание, обеспечивающее исследование и преобразующее воздействие на «малые системы»; фронестические технологии приложения, *этическое ноу-хау* для взаимодействия двух сторон прикладной этики (рациональный анализ ситуаций морального выбора, этическое проектирование, этическое моделирование, этическая экспертиза и консультирование и т.п.). Наконец, *смысл* прилагательного «прикладная» к существительному «этика» менее всего предполагает элементарную *аппликацию*, ибо речь идет о *приложении* как процессе морального творчества, процедуре *конкретизации*, акте морального *выбора*. Ситуация выбора – универсальная структура *приложения*. *Modus vivendi* прикладной этики – моральный выбор. И это вполне естественный тезис для морали современного общества, способом существования которого является свобода выбора – выбора политического, выбора образа жизни, выбора ценностных приоритетов и т.д.

НО ЗАДАЧА автобиографического эскиза – анализ *пути* к такой идентификации. *Пути*, а не *дороги*, которая *открылась* лишь в *итоге* поиска, в котором, как мы уже отметили, установка на *проектирование биографии* не отменяет поиска интуитивного, ситуативно нагруженного, с неизбежными заблуждениями и ошибками (ими мы обязаны как атмосфере наличного этического знания, свойственным ему

парадигмам, так и самим себе).

Анализ *пути*, в процессе которого формировались базовые «точки роста» концепции: рационализировалась идея этики *родительного падежа* (не этика и политика, этика и бизнес, этика и воспитание, этика и успех, и т.п., а политическая этика, этика бизнеса, этика воспитания, этика успеха и т.п.); определялся феномен *конкретизации* общеобщественной морали в «малых» нормативно-ценностных системах; обосновывались необходимость и возможность «встречного движения» этического знания и моральной рефлексии субъектов сегментированных сфер человеческой деятельности как *проектно-ориентированной* деятельности; конструировались *технологии приложения* результатов такого «встречного движения» к реальной практике и т.д.

Анализ *пути*, один из основных конфликтов которого – прокладывание маршрута *между* выведением прикладной этики непосредственно из образа этики как «практической философии», с одной стороны, и из частно-научного знания и технологий – с другой. Маршрута, не отменяющего практичность модели этики как «практической философии», с одной стороны, и моральную рефлексивность частных наук-технологий, чаще всего продуцирующих модель *параэтики* – с другой. Маршрута, на котором изобреталась именно *прикладная* и именно *этика*.

Анализ *пути*, предполагающий определение достигнутого, результатов развития нашего направления прикладной этики.

ПОЛАГАЯ возможным не объяснять смысл ставшего для нас метафорой названия известной работы по истории марксизма, зафиксируем, что прежде всего анализ *пути* предполагает обращение к *источкам*, к первым попыткам понять предмет и методы прикладной этики.

НАПОМИНАЮЩЕЕ известную работу классика марксизма название главы рассчитано на подготовку читателя к анализу предпосылок, из которых формировалось наше направление, каждая из которых связана с конкретными этапами нашей индивидуальной и совместной исследовательской и научно-практической деятельности.

Ретроспективно мы можем сегодня идентифицировать *три источника* будущей концепции прикладной этики. Три источника, которые в итоге *реконструкции* выглядят следующим образом.

Первый: исследование природы этики, направленное на модернизацию образа этики как «практической философии» через обновление смысла и технологии *практичности* этики. «Точки роста»: преодоление идеи *наложения* (аппликации) этического знания на практические проблемы, прежде всего – праксиологические проблемы мо-

рационального выбора, эффективность этического просвещения, культивирование профессиональной этики; введение в рефлексии о природе этики алгоритма фундаментального – прикладного знания; технологизация прикладного этического знания, проектирование каналов и методов *приложения*, прежде всего в сфере этического просвещения и нравственного воспитания (фронестика, этический практикум как комплексная технология, технология гуманитарной экспертизы) и т.д.

Второй: поиски в сфере социологии морали, прежде всего с точки зрения социокультурной динамики морального феномена. Динамики, приведшей к формированию рациональной морали гражданского общества, которая, в свою очередь, обусловила рождение и развитие прикладной этики. «Точки роста»: преодоление гиперморальности и гиперсоциальности в анализе дуалистической природы феномена морали; формирование этосного («реально-должное») подхода; обоснование природы профессиональной морали и т.д.

Третий: проектирование *системы взаимодействия* этики, морали и воспитательной деятельности по каналам *социального управления, социальных технологий* для проектного и методического сопровождения морального творчества субъектов. «Точки роста»: концепция духовно-практического производства человека как нравственного существа; методология и методика создания профессионально-нравственных кодексов, «этос приложения» и т.д.

Разумеется, эта характеристика *трех источников* – продукт реконструкции. А как они выглядели в реальности?

Начнем с предпосылок-заделов становления концепции, формировавшихся до образования нашего *товарищества, партнерства* – пока каждый из нас шел своим путем.

Один инициировал в 1976 году создание кафедры этики и кафедральной лаборатории прикладной этики Тюменского индустриального института и возглавил их. Основные направления исследовательской деятельности: формирование современной концепции этики как практической философии, способной трансформировать этическое знание, развивая его прикладные структуры, в том числе за счет технологий *приложения*; особое внимание к двум из этих структур: концепции этической праксиологии как теории рационального морального выбора личности (в том числе в ключе *этики деловитости и предприимчивости и этики успеха*) и идее управления нравственными процессами. Прикладные разработки – для экспертизы и консультирования процесса формирования Тюменского нефтегазового комплекса, а также для практики вузовского, послевузовского образования и идеологической работы, прежде всего – практикумы по общей и професси-

ональной этике, этические деловые игры, технологии профессионально-нравственной подготовки руководителей, кодексы трудовых коллективов и т.д.⁴⁷.

Другой, возглавив кафедру научного коммунизма Владимирского политехнического института, наряду с этико-философскими исследованиями инициировал активную деятельность в ряде таких направлений, как социология морали, прежде всего – исследования исторического развития нравственности, ее социокультурной динамики, конкретизации общественной морали в профессиональной этике, возможности социально-управленческого воздействия на нравственные процессы в обществе; методологические проблемы нравственного

---

⁴⁷ Бакштановский В.И. Принципы морального выбора. М.: Знание, 1974; Бакштановский В.И. Задачи этической праксиологии // Насущные проблемы этики. Тамбов, 1975; Бакштановский В.И. Проблемы морального выбора // Марксистская этика (учебное пособие) / Под ред. А.И.Титаренко. М.: Политиздат, 1976; Бакштановский В.И. Моральный выбор личности: цели, средства, результаты. Томск: ТГУ, 1977; Управление формированием активной жизненной позиции в Тюменском индустриальном институте. Тюмень, 1978; Этика и управление (методические рекомендации по подготовке и проведению операционной игры «Аттестация морально-деловых качеств личности» в системе профессионально-нравственной подготовки руководителя) / Отв. ред. В.И.Бакштановский. Тюмень: Индустриальный ин-т, 1979; Практикум по этике. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: ТИИ, 1979; Бакштановский В.И. Прикладная этика / Под ред. Ю.В. Согомонова. Тюмень: ТИИ, 1980; Бакштановский В.И. Культура нравственного сознания и поведения личности. М.: Знание, 1979; Бакштановский В.И. Этико-прикладное знание: исследования, разработки, внедрение // Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования. Новосибирск, 1980; *Etyka a prakseologia* / *Etyka*. Warszawa. 1981; Бакштановский В.И. Моральный выбор: критерий целесообразности // Вопросы философии. 1981. № 8 и др.

воспитания и др.⁴⁸ Кстати, именно во Владимире вышла первая коллективная работа, поднимающая проблемы прикладной этики⁴⁹.

«Встреча» будущих участников *партнерства*, породившая «искрящий контакт», произошла в процессе «выхода» на идею-образ прикладной этики как знания о системе социально-управленческого взаимодействия этической теории, моральной практики и воспитательной деятельности, осуществляющегося по каналу социального управления как системообразующему фактору, позволяющему задавать и достигать определенные цели по совершенствованию нравственной жизни общества. Эта идея-образ «свела» наши параллельные пути в общий, сделала отдельные *случаи* сотрудничества⁵⁰ систематическим *партнерством*. Партнерством индивидуальным и институциональным – кафедр, лабораторий, центров, НИИ, которыми мы руководили.

НЕ ИМЕЯ возможности обстоятельно рассмотреть мотивационный блок феномена нашего партнерства, отметим здесь три исходных мотива. Во-первых, нас мотивировал диагноз проблемной ситуации в

---

⁴⁸ Петросян И.П., Согомонов Ю.В. О природе профессиональной этики // Философские науки. 1969. № 2; Согомонов Ю.В. Нравственные отношения в социалистическом обществе // Марксистская этика (учебное пособие) / Под ред. А.И.Титаренко. М., 1976; Согомонов Ю.В. Нравственное воспитание. Особые сферы моральной регуляции // Марксистская этика (учебное пособие) / Под ред. А.И.Титаренко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980; Согомонов Ю.В. Методологические проблемы теории нравственного воспитания // Философские науки. 1978. № 1; Ландесман П.А., Согомонов Ю.В. Мировоззренческие основания морального сознания // Вопросы философии. 1979. № 11; Ганжин В.Т., Согомонов Ю.В. Этика и управление нравственными процессами // Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования. Новосибирск: Наука, 1980; Ландесман П.А., Согомонов Ю.В. Мировоззренческие ориентации морального выбора личности // Моральный выбор. М.: МГУ, 1980; Роль профессиональной этики в управлении нравственным воспитанием. Владимир, 1980 и др.

⁴⁹ Формирование профессиональной направленности студентов педагогических вузов / Под ред. Э.А.Гришина, В.Момова, Ю.В.Согомонова, М.Хартарски. Владимир, 1976.

⁵⁰ Кроме представленных в списке наших публикаций того периода, см.: Профессиональная этика и нравственная культура организационно-управленческого труда. Тюмень: ТИИ, 1980; Бакштановский В.И., Ганжин В.Т., Согомонов Ю.В. Нравственное воспитание: социологические и управленческие аспекты. Тюмень, 1980; Baksztanowski W., Ganzyn W., Sogomonow J. Wychowanie moralne: wyzwanie wspolczesnosci \ Prezenacje. Warszawa, 1980; Практикум: профессиональная этика и организационно-управленческая деятельность в трудовом коллективе / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: ТИИ, 1981 и др.

отношении этического знания к нравственно-воспитательной деятельности. Наиболее распространенные и принятые в этической литературе того времени взгляды на структуру этики не содержали собственно теории нравственного воспитания и, тем более, теории управления воспитательной деятельностью. Это относится и к варианту характеристики системы этики через единство общетеоретических, социологических, нормативных и специальных аспектов исследования этикой своего предмета, и к другому варианту структуры, включающему три элемента: этологию, общетеоретическую и нормативную этику. В обоих случаях нормативная этика не имела в рамках собственно этической теории ни постановки, ни решения вопроса о ее выходе в практику по каналу воспитательной деятельности. Задачей научной этики считалось преодоление антагонизма теоретического объяснения и оценочного отношения к действительности, мировоззрения и морального освоения мира, идеалов и практики, сущего и должного, исключение всевозможных идеалистических подходов в понимании процессов формирования нормативно-ценностных образцов. Предполагалось, что тем самым этика и выполнит свою роль в отношении к теории нравственного воспитания, задав ей мировоззренческие ориентиры и методологический базис. И здесь возводились пределы той роли, на которую может претендовать этика как наука философского ранга. Все, что вне этих пределов, следует делегировать частно-научным отраслям знания о морали и воспитании, которые рассматривались каналами приложения этики как методологии.

«Испытание воспитанием» – здесь мы видели самое напряженное звено проблемной ситуации в развитии современной этики. Стержнем всего цикла нашего вопрошания по поводу прикладного потенциала этики стала проблема воспитательного потенциала каждого из «ликов» этики как «практической философии», в которых она выступала в прошлом и проявлялась в наши дни. Не просто обсуждение соотношения теоретической и практической функций, к которому сводились дискуссии тех времен, но и испытание этих функций на способность решать проблемы нравственно-воспитательной деятельности – так мы обостряли проблематику поиска. Цели, каналы, формы, виды «практичности» этики, методы и средства реализации ее практической функции – в решении этих вопросов мы обнаруживали проблемную ситуацию, ограниченность возможностей традиционной постановки этих вопросов, необходимости инноваций в самом статусе этического знания, в развитии его системы.

Во-вторых, нас мотивировал «запрос» практики «нового освоения»: этноэкологическая ситуация формирования Тюменского нефтегазового комплекса, особенности воспитательной работы в трудовых

коллективах, возникающих в районах нового промышленного освоения. Здесь научного обоснования и проектирования требовали не только задачи разработки природных ресурсов, ввода новых производственных мощностей, но и соизмеримые с ними по важности и сложности задачи нравственного становления новых коллективов. Говоря языком тех лет, район нового освоения стал своеобразным полигоном, *поисковым полем* как для ЛПР, так и для исследователей этики⁵¹. В масштабном и необычном деле – создании и развитии Тюменского ТПК – проверялась новая техника, испытывалась организация производства, экзаменовались методы хозяйствования. Но главному испытанию подвергались люди, их профессиональные и нравственные качества. Здесь человек быстро рос как специалист, гражданин, личность.

Определенную уверенность в возможности ответить на «вызовы» этой ситуации нам придавали разработки идеи-технологии этического практикума как комплекса методов приложения этического знания к практике нравственной жизни.

Взгляд из сегодняшнего дня позволяет увидеть в этическом практикуме синкретическую предпосылку зрелой концепции прикладной этики в целом, мотивированной поисками эффективной технологии практичности этического знания, превосходящей потенциал активных методов этического просвещения. Поэтому вслед за элементарным этапом формирования метода (разработкой методики этических задач и упражнений, обеспечивающих активное усвоение этической теории), а затем и этапом совершенствования этой методики (благодаря технике разбора конкретных и модельных ситуаций), и наконец, вершиной методики этического просвещения (разработкой морально акцентированных деловых игр) последовала трансформация этического практикума как идеи-технологии приложения этического знания к социально-управленческой деятельности, а с развитием *поля* приложения, к многообразным сферам и каналам связи этики с практикой – благодаря разработке потенциала этической экспертизы, моделирования и проектирования.

Более того, этот потенциал начинает *возвращаться* в сферу этического образования, развивая ее возможности за счет конкретизации парадигмы практичности этики: от модели «этика – практиче-

---

⁵¹ См.: Лутошкин Г.Д. Поисковое поле для организатора и исследователя (из опыта партийной работы по идейно-нравственному воспитанию трудящихся в условиях формирования Тюменского ТПК) // Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования / Отв. ред. В.И.Бакштановский. Новосибирск: Наука, 1980.

ская философия» к модели прикладной этики. Казалось бы, зачем сегодняшнему преподавателю этики владение методами этической экспертизы и их культивирование в процессе обучения студентов? Современное этическое образование – тем более подготовка бакалавров и магистров практической этики – уже не может ограничивать свою методику потенциалом кейсов, которые, наконец-то, начали активно внедряться в процесс преподавания этики (да и то скорее в подражание зарубежному, а не отечественному опыту, который три десятка лет назад инициировали кафедра этики и лаборатория прикладной этики ТИИ). Этическая культура наших дней требует владения всем потенциалом прикладной этики, а значит, и ее технологиями – экспертной, проектной, модельной и т.д. Требуется, например, в практике саморегулирования профессиональных ассоциаций, предполагающей и самопознание сообществ, и проектирование кодексов, и деятельность этических комиссий. Или, например, в практике общественных экспертиз как одной из технологий гражданского участия. И все это, разумеется, не отменяет *старых добрых* методов этических задач и упражнений, положивших начало и идее-технологии этического практикума, и, позволим не очень сильное преувеличение – прикладной этике в целом. Но не отменяет лишь в том случае, если множась сегодня практикумы как учебные пособия преодолению соблазна *банализации*, оборачивающийся произвольным *озадочиванием*, даже и не предполагающим соответствующую методику, которую мы разработали, описали и воплотили в практикуме по профессиональной этике⁵².

А в качестве примера разработки этой идеи-технологии применительно к ситуации нового освоения можно назвать серию этических деловых игр «Кодекс трудового коллектива»: не случайно описанием такого рода игры на заводе «Электрон» Главтюменьнефтегаза открывается одна из первых обобщающих нашу концепцию работ⁵³.

Еще раз отметим: уже на старте работы над концепцией прикладной этики мы подчеркивали, что технология этического практикума не является элементарной аппликацией, простым проецирова-

---

⁵² Практикум: профессиональная этика и организационно-управленческая деятельность в трудовом коллективе. См. также: Бакштановский В. И. Культура нравственного сознания и поведения личности. С. 48-62; Бакштановский В.И., Согомонав Ю.В. Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью. С. 441-450; Они же: Этика профессии: миссия кодекс, поступок. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2005. С.361-377, и др.

⁵³ Бакштановский В.И. Этика как «практическая философия»: традиционные образы и современные подходы. С.3-5.

нием этического знания на практическую сферу: в этой технологии отражена идея специальной *трансформации* этического знания, ориентированного на задачи управления нравственными процессами и нравственно-воспитательной деятельностью⁵⁴.

В-третьих, нас мотивировала надежда на приемлемость для большинства выдвинутых в литературе того времени версий предмета и задач этико-прикладного знания объединяющей *предпосылки* нашего партнерства гипотезы о цикле «заказ – разработка – внедрение» во «встречном движении» этической теории и практики нравственно-воспитательной деятельности, о «технологическом» обеспечении каждого из этапов этого цикла и их интеграции в систему социально-управленческого взаимодействия этики, морали и воспитания как важной составляющей предмета прикладной этики, установки на развитие прикладной этики как направления модернизации этического знания с целью его практического приложения. Во всяком случае, эта гипотеза содержала наибольшее количество позиций, позволяющих заключить, так сказать, конвенцию для проведения конструктивных дискуссий.

КАКОВА судьба трех источников-предпосылок в ситуации становления и развития нашей концепции, реконструкцию которых мы представили выше? Материал для ответа на этот вопрос можно увидеть в вышедшей в начале 1986 года монографии «Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью»⁵⁵. Представляется, что развитие нашей концепции за годы, прошедшие после издания этой монографии, не отменило многие из представленных в ней идей, аргументов и выводов. Во всяком случае, этот этап развития нашего направления, акцентировавший социально-управленческий канал связи этики и морали, был представлен затем и в нашем опыте университетского словаря прикладной этики, и в энциклопедическом словаре «Этика».

* Перечитывая сегодня эту монографию, обратимся к первому из «трех источников» – нашим исследованиям в сфере модернизации образа этики как «практической философии». Соблазнительно было метафорически определить прикладную этику как «практическую философию» современности? Очень. И мы на начальной стадии разработки концепции поддались такому соблазну – достаточно напомнить

---

⁵⁴ См.: Практикум: профессиональная этика и нравственная культура организационно-управленческой деятельности в трудовом коллективе / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень, 1981. С.4.

⁵⁵ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью / Отв. ред: В.В.Петров, В.А.Чурилов / Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1986. С. 249-276.

название одной из указанных выше работ, в котором сохранение метафоры «практическая философия» оправдывалось противопоставлением традиционных образов этики и современных подходов.

Это было объяснимо ситуацией в этическом знании того времени. Каков был широко распространенный, и в этом смысле традиционный, ход рассуждений исследователей о связи этики и морали с точки зрения практичности теории? Моральное сознание обнаруживает тягу к этике, а этика, в свою очередь, – к моральному сознанию. Именно в точках взаимного пересечения их влияние друг на друга оказывается наиболее полным и эффективным, ибо моральное сознание отражается и выражается в этической теории в той мере, в какой сама эта теория ощущает потребность в практическом воплощении; и, с другой стороны, способность этики воздействовать на моральное сознание зависит от того, насколько само моральное сознание стремится к теоретизированию. Выделялись три точки такого пересечения: этика помогает моральному сознанию в выработке наиболее общих понятий (пример – возникновение самого понятия морали); ориентирует его при выборе ценностей, их субординации и координации; помогает обосновать нравственное требование.

Возможно, наша неудовлетворенность такой версией практичности этики и обращение к социально-управленческому каналу связи этики с практикой объяснялись интерпретацией одного из тезисов Маркса о Фейербахе: этика при самом максимальном практическом потенциале лишь помогала *понимать* мир, но не *проектировать* его, в то время как мир этого ждал и требовал? Во всяком случае, с этим тезисом перекликалась ориентация прикладной этики на миссию – говоря терминами эпохи НТР – «производительной силы». Благодаря ситуационному анализу тенденций в практике и в собственно этическом знании мы сформулировали задачу не просто *выявлять* объекты для реализации прикладных задач этики и не просто *реагировать* на течение нравственной жизни в формах нормативного знания, но и целенаправленно проектировать нравственно-воспитательную деятельность, создавая и развивая в этической теории потенциал, способный удовлетворить потребности стратегии и тактики социально-управленческих программ в этой сфере.

Преобразующее воздействие научного знания на моральную практику – не просто выход этика-теоретика, спрятавшегося в «башне из слоновой кости» и ограничивающегося этическим просвещением, в практику, но трансформация исследователя (и преподавателя этики) в активного и технологически оснащенного участника социально-инженерной, социально-проектировочной деятельности. *Обеспечение*

этой задачи выразилось в разработке институций (например, «целевых бригад»⁵⁶) и технологий «приложения» (методы гуманитарной экспертизы и консультирования, этического практикума, включающего решение этических задач, анализ конкретных ситуаций морального выбора, игровое моделирование и т.д.), в реальном проектировании инфраструктуры прикладной этики, в том числе этических документов (кодексов, конвенций, миссий и т.п.).

Социально-управленческий канал приложения этики, в том числе к нравственно-воспитательной деятельности, не отменяется и сегодня, в ситуации ухода (?) от гиперидеологизации, свойственной советской практике.

* Переходя к характеристике ситуации со вторым *источником* – исследованиям в сфере социологии морали, фиксируя «искрящий контакт», взаимодополнительность наших подходов и «заделов», создавших инновационный эффект научно-практического изобретения, стоит подчеркнуть, что осознание необходимости модернизации традиционного образа «практической философии» обострялось пониманием «вызовов», формирующихся процессами модернизации самой морали.

До сих пор не оцененная роль социологии морали, вовсе не исчерпываемой описанием нравов, моральной статистикой и т.п., оборачивается тем, что совсем нередко авторы работ о прикладной этике оставляют за рамками своей рефлексии феномен *социокультурной динамики* морали⁵⁷, в то время как именно эта динамика первична в формировании прикладных этик (в обоих случаях трактовки понятия «этика» – как синонима морали и как знания о морали). Уклонение же от исследования этого фактора, детерминирующего формирование прикладной этики (и прикладного знания, и «малых систем»), создающего не просто «вызов», но и прямой «социальный заказ» этическому знанию на проектирование его прикладных структур, порождает иллюзию эффективности формальной аппликации некой универсальной теории и универсальной морали к «неуниверсальной», конкретной практике.

Именно исследования социокультурной динамики морали (моралей) дали нам серьезный аргумент в пользу модернизации модели практичности этики. Наша общая амбиция в проектировании этико-

---

⁵⁶ См., напр.: Чурилов В.А. Практика научного управления нравственным воспитанием: от заказа до внедрения // Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. Томск, 1980.

⁵⁷ См. об этом в одной из последних наших публикаций на эту тему: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Социология морали: нормативно-ценностные системы // Социс. 2003. № 5.

прикладного знания проявилась в соединении идеи этики как «практической философии», трактуемой с точки зрения определенной *методологии практичности* этического знания, – и представлений о социокультурной динамике морали, исследуемой на этом этапе становления нашей концепции в таких аспектах, как (а) развитие профессиональных этик (моралей) и (б) конфликтность сосуществования традиционной морали и морали индустриального общества в ситуации *нового освоения*.

Так, например, развиваемый в рамках научно-практической программы «Этика Севера» проект «Освоение без отчуждения»⁵⁸ был посвящен экспертизе сценариев-моделей политического решения проблем этнического выживания, убережения и развития коренных народностей Тюменского Севера со свойственным им патриархально-традиционным общественным укладом и типом сознания в условиях интенсивного промышленного освоения территории. Экспертам (социологам, психологам, этикам, деятелям культуры, партийным работникам, журналистам и т.д.) было предложено оценить гуманитарный потенциал каждого из трех, наиболее активно продвигаемых, сценариев решения этой проблемы нового освоения: (1) «Невмешательство», (2) «Заповедная зона», (3) «Культурная ассимиляция». Трудно было рассчитывать на спокойный тон экспертных суждений. Прежде всего потому, что они, эксперты, были вовлечены в ситуацию выбора в конфликтном противостоянии двух систем ценностей – традиционной и рациональной. Кроме того, анализ экспертных суждений давал возможность говорить о драматичности ролевых позиций. Во-первых, это драма самих коренных народностей, среди которых есть приверженцы всех упомянутых экспертами моделей решения: можно ли говорить об общей судьбе для всех народов Севера? Во-вторых, драма власти, стремящейся совместить гуманизм с прагматизмом: удастся ли ей сотворить нечто, кроме «меньшего зла»? В-третьих, драма гуманитариев, рискнувших перейти от традиционной (критической) позиции в отношении к политическим решениям – к позиции конструктивной, пытающихся участвовать в политической деятельности при очевидной противоречивости критериев морали и политики, при неразвитости политической этики в ситуации переходного периода⁵⁹.

* Перейдем к третьему (не по порядку) источнику: *этико-прак-*

---

⁵⁸ См.: Освоение без отчуждения (т.1-2). Материалы экспертного опроса // Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень: ИПОС СО АН СССР, 1989.

⁵⁹ См., напр.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Глава 13.

сиологической интерпретации феномена морального выбора как одной из граней предмета прикладной этики. Интерпретации, в которой сделаны два акцента: на оптимизацию морального выбора субъекта, в том числе и выбора им достижительской ориентации, идеи *успеха*, и на возможности «сквозного цикла» связи мировоззренческого и этико-праксиологического подхода к проблеме морального выбора. Одним из доказательств развития этико-праксиологического подхода является его применение к двум другим *источникам* нашей концепции: придание технологиям этико-прикладного знания миссии *испытания и воспитания выбором* – это, на наш взгляд, стало одним из know-how концепции прикладной этики.

За метафорой *испытание и воспитание моральным выбором* – трактовка ситуации *приложения* этического знания как ситуации, предполагающей свободу выбора, возможность выбирать, способность выбирать и субъекта (индивида, группу, общество в целом), которому можно доверить выбор. Выбор мировоззренческого масштаба и выбор поступка. Доверить риск морального выбора и ответственность за его последствия. Решений в ситуации неопределенности, рискованности выбора, противоречивости его последствий при предпочтении любой альтернативы; чаще всего – ситуации нравственного конфликта. Глубина противоречия, масштаб риска, мера ответственности и прочие признаки проблемной ситуации морального выбора требуют особой компетентности и, соответственно, такой технологии выбора из альтернативных вариантов, как экспертиза. Гуманитарная экспертиза и консультирование как одна из технологий прикладной этики здесь – знание, умение и деятельность, *приложенные* к различным ситуациям морального выбора, к проблемам, встающим перед субъектом решения и поступка, и ориентированные на анализ и оценку степени свободы выбора и меры гуманистичности процесса подготовки, принятия и продвижения в практику значимых решений.

Этот подход – с акцентами на проблемы целесредственного аспекта морального выбора – представлен через опыт ряда гуманитарных экспертиз, проведенных в последние годы перестройки⁶⁰, в главе 5.

ИННОВАЦИОННЫЙ эффект *искрящего контакта* не был «разовым». Сложение и интеграция «трех источников» в дальнейшем обеспечили *развитие* образа прикладной этики, ее методологии, технологии, предметов приложения, *составных частей*.

---

⁶⁰ См.: Бакштановский В.И., Чурилов В.А. В ситуации выбора // Коммунист. 1989. № 13.

Поэтому далее мы рассмотрим развитие эффекта *партнерства*, новые моменты *трансформации предпосылок* в итоге *искрящего контакта* в инновационную концепцию, обладающую кумулятивным эффектом.

Глава 4 «Этапы большого пути...»

ОДНО ИЗ оснований для периодизации развития нашего направления прикладной этики – ключевые этапы его институциональной организации, развития инфраструктуры *партнерства*, ибо каждая из новых структур фактически была связана с новым этапом развития прикладной этики⁶¹.

Как уже было отмечено, кафедра этики и кафедральная лаборатория прикладной этики ТИИ передала эстафету другим институциям. Сначала – лаборатории прикладной этики Института проблем освоения Севера Сибирского отделения АН СССР, получившей затем статус Центра прикладной этики Президиума Тюменского научного центра АН СССР-РАН (1989-1994). Деятельность этой институции связана с развертыванием многогранных исследований проблем становящегося в стране гражданского общества в его «этическом измерении». В этот период были созданы первые в стране монографические работы по ценностям гражданского общества⁶², политической этике⁶³, этике предпринимательства⁶⁴, этике воспитания⁶⁵. Особое направление развития прикладной этики в этот период связано с разработкой

⁶¹ См., напр.: Бакштановский В.И., Богданова М.В., Согомонов Ю.В., Согомонов А.Ю. НИИ прикладной этики ТюмГНГУ: Летопись первого десятилетия (1995-2005). Тюмень: НИИ ПЭ, 2005.

⁶² Будь лицом: ценности гражданского общества. В 2-х томах / Под ред. В.И. Бакштановского, Ю.В. Согомонова, В.А. Чурилова. Томск: Томск. гос. ун-т, 1993. См. также: На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции. (Материалы экспертного опроса) / Под ред. В.И. Бакштановского. Москва: Прометей, 1991; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Социально-политический процесс и гражданский этос: феномен коэволюции // Социологические исследования. № 7. 1991.

⁶³ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в политическую этику. Москва-Тюмень: Философ. общ-во СССР, Ин-т проблем освоения Севера СО АН СССР, 1990; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Игра по правилам (политическая этика в гражданском обществе). М.: Знание, 1991. См. также: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Политическая этика: дух соперничества и сотрудничества // Философские науки. 1991. № 12.

⁶⁴ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства / Т.1. Игры рынка. Т.2. Торговец в Храме. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1992. См. также: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика предпринимательства // Вестник Российской академии наук. Том 63. 1993. № 11.

⁶⁵ Бакштановский В.И., Потапова Е.П., Согомонов Ю.В. Выбор будущего: к

методологии и методов гуманитарной экспертизы⁶⁶ и их применением к исследованию проблем общегосударственного и регионального масштаба, в том числе – гуманитарных аспектов нового освоения, этики Севера и т.д.⁶⁷.

Особый этап жизни нашего направления прикладной этики связан с деятельностью ЗАО «Центр прикладной этики и ФИК «Югра». Кроме инициируемых ими экспертно-консультативных проектов и монографических исследований, прежде всего – монографии В.И. Бакштановского, Ю.В. Согомонова и В.А. Чурилова «Этика политического успеха», выделим издаваемый этими институциями журнал «Этика успеха», ставший самостоятельной инфраструктурой и даже способом существования направления.

В свою очередь, эстафету принял созданный Тюменским нефтегазовым университетом НИИ прикладной этики (1995 г.), открывший новую ситуацию в отечественных этико-прикладных исследованиях и разработках. Прикладная этика получила уникальный шанс проектирования своей биографии: университет намеренно спроектировал не только структуру для внутреннего консультирования процесса своего развития, но и исполнил одно из своих предназначений – инициировать и поддерживать инновационные научные исследования.

Издаваемый НИИ ПЭ журнал «Ведомости» (основная тематика которого представлена в приложении 3), также стал самостоятельной инфраструктурой и способом существования направления на его новом этапе.

Параллельно действовал принявший эстафету от ЗАО «Центр прикладной этики» АНКО «Центр прикладной этики: XXI век». Его журнал – «Тетради гуманитарной экспертизы»⁶⁸. Цель издания – публика-

---

новой воспитательной деонтологии. Томск: Томск. ун-т. 1991.

⁶⁶ Бакштановский В.И. Лаборатория в храме свободы. В 3-х частях. Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера СО АН СССР. 1990; Гуманитарная экспертиза: Возможности и перспективы» / Под ред. В.И.Бакштановского, Т.С.Караченцевой. Новосибирск: Наука, 1992.

⁶⁷ Бакштановский В.И, Согомонов А.Ю. Конфликт инновации и традиции: дилеммы, ценностные суждения, выбор. Тюменский научный центр СО АН СССР. Тюмень, 1990; Арктическая политика: человеческое измерение. Материалы эксперт. опроса к междунар. конф. Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера СО АН СССР. 1990; Этика Севера, т. 1, 2. / Под ред. В.И. Бакштановского. Ин-т проблем освоения Севера СО РАН. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1992.

⁶⁸ Тетради гуманитарной экспертизы / Отв. ред. В.И. Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век. 1999 – 2005. Вып. 1-6.

ция материалов гуманитарной экспертизы и консультирования ситуаций становления нового этоса в современной России. Виды и форма материалов: результаты экспертных опросов, проблемных семинаров, практикумов, деловых игр, аналитические тексты и т.д. Выпуски 1-6 были нацелены на проблемы журналистской этики, а обобщением материалов первых пяти выпусков стала монография «Моральный выбор журналиста».

Периодизация биографии концепции, в значительной степени связанная с ее инфраструктурой, может быть организована и по такому основанию, как публикация ключевых монографий. С известной мерой условности можно сказать, что первый этап завершился монографией «Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью», второй – монографией «Этика политического успеха», третий – монографиями «Этика профессии: миссия, кодекс, поступок» и «Введение в прикладную этику». Подготовленная к изданию в конце 2007 года монография «Прикладная этика: природа, основания, созвездие, мастерская» может считаться одновременно и финалом третьего периода, и стартом следующего.

Разумеется, ключевые монографии выросли как на основе конкретных проектов, так и в итоге рефлексии теоретико-методологического характера. И именно поэтому определяли этапное продвижение идеи-технологии прикладной этики.

НАСЛЕДУЯ работам 70-80-х годов – *первый этап* жизни нашего направления, – в которых была предпринята пионерная попытка проектирования этико-прикладного знания и его экспериментального применения в общественной практике, исследовательская и экспертно-консультативно-проектная деятельность партнерства и институализирующих его структур характеризовалась известным концептуальным продвижением, непосредственно связанным с проектными разработками времен второго и третьего этапов.

Второй и третий этапы развития концепции объединяет направление пути: анализ современного этапа социокультурной динамики морали привел к выводу, что наш путь не «от «прикладной» – к практической»⁶⁹, а от практической – к прикладной. При этом оба пути мы оцениваем не по принципу «или-или», а исходя из «интервала эффективности» каждого из них.

Объединяет эти этапы и последовательное внимание к предпосылкам, раскрываемым через характеристики: морального феномена и морального выбора; природы прикладной этики в двух ее ипостасях:

---

⁶⁹ См.: Кэллахан Д. От «прикладной» к практической: преподавание практических аспектов этики // ethicscenter.ru/ed/school1/materials/f1.html.

как нормативно-ценностные подсистемы («малые системы») – и как теории конкретизации морали, проектно-ориентированного знания и продуцирования фронестических технологий; оснований «малых» нормативно-ценностных систем (подсистем), в роли которых представлены этика гражданского общества, аксиология и праксиология морального выбора, профессиональная этика.

Эти этапы объединяет и особое внимание к разработке теории конкретизации морали и воплощающих идею конкретизации морали концепций, описывающих некоторые из прикладных этик (моралей): бизнеса, политики, воспитания, журналистики и т.д.

Различает второй и третий этапы (а) приоритет тем или иным полям приложения, зависящий от ситуации в обществе и ситуации в этическом знании; (б) соотношение исследовательской инициативы и «социального заказа» и, разумеется, субъекты «заказа» (и «внедрения»). Так, второй этап развития нашей концепции совпал, как мы уже отметили, с переходным периодом от советского к постсоветскому типу общества. Не случайно наш многолетний проект, посвященный этике гражданского общества, был инициирован в 1990-1991 годах. В его появлении, разумеется, «имели место» внутринаучные мотивы, академические интересы – например, «экспансия» в поисках «территорий», не освоенных разрабатываемой нами концепцией прикладной этики. Но решающий ангажирующий мотив пришел из реальной ситуации, из анализа обсуждаемых обществом способов разрешения ее кризисного состояния, из вселенского перестроечного-постперестроечного хаоса: не случайно некоторые из наших работ написаны в формате *научно-публицистических* монографий. Лишь откликнувшись на актуальную проблематику, мы смогли далее пойти путем развития ряда сфер прикладной этики, конкретизирующих содержание этики гражданского общества: предпринимательской, политической, журналистской, этики среднего класса, этики успеха, этики воспитания и др. И уже на основании этих исследований получили возможность идентифицировать этику гражданского общества как инвариант «малых систем», прежде всего – *этик публичных арен*, как своеобразный интегратор прикладных нормативно-ценностных систем.

Различает эти этапы и новые акценты в нашей концепции прикладной этики – выход за рамки социально-управленческого канала приложения, прежде всего за счет потенциала становящегося гражданского общества в целом, профессиональных сообществ – особенно.

Одна из «точек роста» нашей концепции в этот период – развитие *этносного* подхода к исследованию «малых систем». Характерная

черта исследований оформлена метафорой в названии одной из монографий второго периода: «Выбор будущего: к новой деонтологии воспитания», ее вполне можно было поставить и на обложке книг об этике предпринимательства и политической этике.

* Вынесенная в заголовок книги об этике воспитания метафора *выбор будущего* не только отражала «встроенность» воспитания в экономику, политику, управление, образование, во все сферы культуры в роли гуманизирующей доминанты, но и его миссию по установлению контактов между прошлым и настоящим, наведению *моста в будущее*, позволяющего преодолевать его чуждость, «вселяться» в него как в освоенный мир. Монография об этике воспитания была посвящена исследованию идеалов, норм и ценностей воспитательной деятельности как в историческом, так и в современном аспектах (сравнительный анализ деонтологических парадигм традиционного и современного общества). Наряду с этикой предпринимательства и политической этикой *предпочтения* в сфере этики воспитания существенным образом влияли на выбор будущего нашего общества. Поэтому особое место было отведено воспитательному этосу в контексте перестроенных процессов. Разумеется, значительное место в монографии занимали прикладные разработки – экспертные опросы, кодексы, этические деловые игры.

* Сверхзадача монографии об этике предпринимательства – «Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства» – вполне могла быть представлена метафорой *выбор будущего*, усиленной прилагательным *свободный* выбор. Выбор в пользу гражданского общества в качестве способа цивилизованного бытия, по определению, не может не быть свободным. Причем не в отрицательной, а именно в положительной форме свободы как возможности нравственно возвышенного пути развития общества. Политический выбор в пользу гражданского общества требовал от граждан новой России признания его в качестве *достойного*. Не смириться с ним, тяготясь новыми условиями, а самоопределиться по отношению к ним и к самому факту свободного выбора. Не подчиниться крутой воле авторитаров и веригам неизбежности, а духовно освоить ситуацию, открыть для себя аргументы метафизической и моральной оправданности, предпочтительности перехода в иные – забытые и неведомые – ценностные миры.

Предпринимательская этика трактовалась как *революционизирующая* нравственную жизнь российского общества, отсюда заголовки одного из разделов: «Реформаторская миссия этоса предпринимательского успеха в нравственной жизни переходного общества». Поэтому необходимо было сравнить, что представляет собой этика

предпринимательства в той традиции, где она зародилась давным-давно, и что она может означать в ином – отечественном – социокультурном контексте. Отсюда и особое место в книге разделу «Русская тройка» и включенной в него главе «Этос предпринимательства: неклассический случай», представляющей собой экспертный практикум, с помощью которого авторы пытались вместе с читателем отследить креативные процессы переходного периода в предпринимательском этосе.

Характерно и рассуждение о том, кто должен написать книгу об этике предпринимательства для отечественного читателя: предприниматель или же этик? Отечественные или западные авторы? На первый вопрос ответ дает сам факт этой книги: пока сотрудничество этиков и предпринимателей еще только намечается, мы поспешили сделать первый шаг сами. Поспешили еще и потому, что если бы первыми книгу написали сами предприниматели, то в ней доминировал бы апологетический мотив, стремление оправдать свое призвание и ремесло, возможно, превратить этику бизнеса в выгодный бизнес или представить его окутанным аурой романтизма. Мы же стремились сбалансировать апологетику и критику, делая упор на том, что ничто человеческое предпринимательству не чуждо. В какой мере нам удалось это сделать – судить читателю. Понимая специфику и предмета книги, и ее читателя, мы решили, что в той ситуации исследование и интерпретацию этоса отечественного предпринимательства лучше произвести «изнутри», а корректировка ограниченности такого видения может быть достигнута за счет широкого привлечения зарубежных источников.

* Монография «Этика политического успеха», завершающая второй этап развития нашего направления, соединила в себе проекты «Этика успеха» и «Политическая этика». Такое соединение оказалось плодотворным для того и другого проекта и дало кумулятивный эффект.

Проект «Этика успеха» обращен к теме делового, профессионального и жизненного успеха в современной отечественной ситуации. Успех – одна из наиболее самоочевидных ценностей гражданского общества. Амбиция преуспеть атрибутивна для человека такого общества. Но развитое гражданское общество ориентировано на этическую идентификацию успеха, моральную рефлексивность как самой ориентации на успех, так и путей к нему. Этическое акцентирование успеха как ценности предполагает особое внимание к выбору ориентации на достижение как к мировоззренческому ярусу морального выбора (само стремление к достижению нравственно значимо, если оно стало полноценным актом свободного мировоззренческого выбора), и

к этико-праксиологическому ярусу (особую заботу о том, чтобы соотношение целей и средств в достижительном процессе соответствовало моральным требованиям).

Исследование природы этики успеха конкретизировано в эмпирических проектах, направленных на изучение роли ценности успеха в жизненных стратегиях политиков, предпринимателей, профессионалов в различных сферах деятельности (проект «Апология успеха»⁷⁰), в жизни людей, идентифицирующих себя как средний класс (проект «Городские профессионалы»⁷¹), в деятельности студентов, выпускников и преподавателей университета (характерны названия некоторых выпусков журнала «Ведомости» НИИ ПЭ: «Новое поколение выбирает успех?», «Какой успех выбирает новое поколение?», «Лестница жизни», «Успешные профессионалы: вчера, сегодня, завтра» и т.д.).

Монография «Этика политического успеха» открывается вводным разделом, посвященным основному содержанию доктрины этики успеха в целом. Цель этой доктрины – определить место ценности успеха в современной и постсовременной морали и раскрыть основания для стимулирования и культивирования этики успеха в России. Исходная точка теоретического поиска – понимание того, что пока этос успеха представлен в нашей стране скорее в виде «островков», чем определенной сферы. Но «пока» – не навсегда.

«Этика успеха» – не метафора, а одно из направлений прикладной этики. Его содержание можно представить некоторыми подзаголовками вводного раздела: Нормативно-ценностные системы в ситуации коэволюции: долгий путь к цивилизации достижений; Этика успеха: доктрина родительного падежа; Этическая безопасность идеи успеха; Феномен успешной деятельности: человек, который успел состояться; Мотив самоидентификации мобильной личности; Штрихи к образу человека успеха: западная, советская, постсоветская, общечеловеческая версии; Удачливым ты можешь и не быть. Успешным быть – обязан; Не-алиби в этике успеха; Успех как смысл и значение, долг и ответственность (моральная метафизика успеха); «Я емь, потому что я свершаю»: этическая праксиология успеха; Моральный риск ориентации на успех: выход за пределы конформизма и неконформизма

⁷⁰ См.: Апология успеха: профессионализм как идеология российской модернизации / Под ред. В.И. Бакштановского, Г.Э. Бурбулиса, А.Ю. Согомова. Тюмень-Москва, 1995.

⁷¹ Городские профессионалы: Ценности и правила игры среднего класса. 20 рефлексивных биографий / Под ред. В.И. Бакштановского, С.М. Киричука. Тюмень: Центр прикладной этики, 1999; Городские профессионалы: путь к успеху. Опыт рефлексивных биографий / Под ред. В.И. Бакштановского, С.М. Киричука. Тюмень: Центр прикладной этики, 2004.

возможен; Неравенство в успехе, но равенство в достоинстве; Моральная свобода уклонения от ориентации на успех; Российская модель этики успеха: возможна ли этика успеха в современной России? Идея успеха органична для родины Ивана-дурака; Реальные шансы этики успеха: динамизирующая роль целерационального типа действия и индивидуализма; Ценности этики успеха в контексте XXI века и т.д.

В четырех разделах монографии последовательно рассматриваются общий концепт политической этики, становление этой нормативно-ценностной системы в опыте Запада и России, «первоначальное накопление» ценностей этики политического успеха: политический этос эпохи перестройки и т.д. Значительное место отведено методологии и технологиям исследования политического этоса (раздел «Аксиология и праксиология политических игр») и реальному опыту его экспертизы, моделирования и проектирования в отечественной ситуации. Опыту, отражающему такие этапы, как попытка самореформирования политического этоса, политический этос накануне перемен, пренатальная стадия постсоветского политического этоса: региональная модель, кредо и кодекс российской власти постсоветского периода; постсоветская стадия коэволюции политического этоса и этоса гражданского общества.

* Важное место в этом периоде развития концепции занимал проект «Этика Севера». Наследуя предпринятому в начале перестройки проекту «Освоение без отчуждения», он сконцентрировался на теоретико-методологических аспектах проведенных ранее гуманитарных экспертиз процессов «нового освоения».

Выделим в рамках этого проекта такую «точку роста» нашего направления, как продвижение в понимании природы *конкретизации* морали. И в этой сфере конкретизации – на пересечении «географической широты» и «исторической долготы» – существуют опасности как для процесса конкретизации «сверху», со стороны проектировочной функции науки, так и «снизу», в форме «этических рационализаций» в сфере нравов. На полюсах этой опасности – абсурдная «деабсолютизация» морали и, с другой стороны, потеря в процессе приложения «особенного», получение в итоге конкретизации того же самого результата, который уже был на старте. Известная профилактика этих опасностей заложена в идее развития экспертной функции прикладной этики, предполагающей диалог этики и морали, в такой экспертизе этоса Севера, к которой причастны все субъекты морального творчества.

ТРЕТИЙ этап-период развития концепции отличается (а) обновлением предметного поля и (б) преемственностью-развитием ряда

проектов предшествующих периодов. Что касается расширения фронта наших исследований, то здесь стоит выделить этику гражданского общества, журналистскую этику и этику образования. В последнем случае созданием НИИ ПЭ ТюмГНГУ намеренно сформировал «заказ» на исследование этики образования.

Этап отличается и монографической экспансией нашего направления, в которой проявляются как расширение предметного поля, так и *развитие* ряда проектов предшествующих периодов (монографический пример – проект «Этика воспитания», статейный – в названиях ряда выпусков журнала «Ведомости»: «Политическая этика: социокультурный аспект», «Российская модель успеха», «Моральный выбор», «Этика дела» и др.).

Еще одна особенность этапа – маневрирование методологическими подходами и технологиями. В одних проектах доминировал этосный подход: развитие исследований этики бизнеса в серии статей для журнала «Ведомости»; в других – проектно-ориентированный подход: исследования по темам «Моральный выбор журналиста» и «Самоопределение университета». Сбалансированностью потенциала этико-прикладного знания отличался двухэтапный проект «Этика гражданского общества».

Отметим и наработку реального опыта преодоления альтернативности подходов фундаментальной этики и этических подходов, формирующихся в частно-научном знании, в отношении «малых систем», в том числе профессиональных этик. Например, в отношении журналистской этики и этики бизнеса. Так, собственно этико-прикладная идентификация нормативно-ценностной системы предпринимательской деятельности проявляется в критике тезиса «честность выгодна». На наш взгляд, этот тезис-принцип – либо *наложение* утилитаристской морали в формате «этика – практическая философия», либо выведенное из частно-научной практики «правило игры», которому придана роль *этического* правила.

Мы полагаем, что такой опыт весьма важен для культивирования самопознания профессиональных сообществ и для совершенствования институтов саморегулирования профессий.

* Проект «*Этика гражданского общества*»⁷² продолжает наши исследования прежних лет. Для идентификации этики гражданского общества мы используем здесь несколько метафор: *новая этика*,

---

⁷² Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: новая этика. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2003; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: этика публичных арен. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2004.

этика публичных арен, общество свободной близости и свободного антагонизма, естественная «неестественная» мораль, «моральная революция»... Что их объединяет? Возможность дать эффективную характеристику этике гражданского общества как типу морали, историческому этапу социокультурной динамики морального феномена, как нормативно-ценностной системе, совершающей, своеобразную революцию – в отношении к «традиционной морали», к феномену морали традиционного общества. И потому новой этике. Точнее: еще «вчера» новой этике, которая уже «сегодня» испытывает вызовы постиндустриального общества, эпохи наступающей глобализации.

Особое внимание проекта обращено к ценностям гражданского общества (свобода выбора и ответственность, индивидуализм и солидарность, рациональность, профессионализм, деловой и жизненный успех), к опыту самопознания его институтов, социальным технологиям гражданской активности (например, общественная экспертиза, организуемая, в том числе, методом игрового моделирования).

Среди «точек роста» концепции отметим, во-первых, попытку показать *революционность* этики гражданского общества посредством анализа «случая» – российской модернизации, особенности которой создают ситуацию *модельного эксперимента*, наглядно демонстрирующего конфликтность «прихода» «неестественной», «рациональной» морали, трудности становления в нашей стране базовых ценностей *общества свободной близости и свободного антагонизма*. Во-вторых, определенную наглядность в реализации идеи конкретизации общеобщественной морали. Речь идет об императиве «будь лицом» – первые слова сформулированного Гегелем императива гражданского общества: «Будь лицом и уважай других в качестве лиц!». Эта выразительная формула требует совершать поступки и понимать поступки Других, пользоваться благом свободы без ущерба свободе Других, опираться на самостоятельно выстроенную иерархию ценностей и на ее основе производить моральный выбор, принимая личные решения под личную ответственность. В целом речь идет о базовом элементе системы ценностей гражданского общества, о вполне определенной этике, без понимания которой трудно себе представить как само гражданское общество, так и конкретный институт, призванный руководствоваться этими ценностями в своей деятельности и культивировать их. Третья «точка роста» – этическая экспертиза социальных технологий гражданского участия.

В рамках этого проекта мы подготовили «Рабочие тетради» для Гражданского форума Тюменской области⁷³. Наряду с аналитическим

---

⁷³ «Будь лицом!» Рабочие тетради Гражданского форума / Отв. ред.

обзором литературы о природе и ценностях гражданского общества и изложением нашей концепции этики гражданского общества в его нормативной модели и отечественных реалиях, специальный раздел книги отведен Словарю ценностей гражданского общества: в том числе свободе выбора и ответственности, рациональности, жизненному и деловому успеху, профессионализму. В соответствии с форматом «рабочие тетради» мы включили в книгу анализ опыта самопознания Гражданского форума Тюменской области (форум мы рассматривали в качестве социальной технологии взаимодействия власти и общества) и рекомендации по освоению форумом новых технологий гражданского участия. Круг потенциальных пользователей «тетрадей» – исследователи процесса становления гражданского общества в современной России; гражданские активисты, стремящиеся разобраться в ценностных ориентирах и социальных технологиях своей деятельности; госслужащие, заинтересованные в эффективном взаимодействии властных структур и общественности; журналисты, считающие, что миссия избранной ими профессии связана с целенаправленным формированием в нашей стране основ гражданского общества.

Такая адресность проекта – не формальная отписка в аннотации. За ней – опыт спроектированного процесса самопознания институции. Этот замысел «тетрадей» представлен в заголовке введения с помощью метафоры «зеркало». В нашем проекте эта метафора многофункциональна. Во-первых, она характеризует своеобразную *экспертную систему*, дающую Гражданскому форуму возможность (не)узнать себя в системе «зеркал», и которую трудно отбросить на манер того, как это сделала со своим зеркалом капризная сказочная красавица-царица. Экспертная система состоит из трех основных структур: лидеров некоммерческих организаций, журналистов, исследователей. Такое сочетание позволяет совместить внешнюю экспертизу с внутренней, а также представить природу и «дух» гражданского общества в двух аспектах: с точки зрения нормативной, идеальной модели и с точки зрения отечественных реалий.

Во-вторых, метафора «зеркало» напоминает, что самопознание – процесс не только трудный, но и рискованный. Необходимо немалое мужество, чтобы решиться трезво взглянуть на себя: можно и не узнать себя «в зеркале» и соблазниться той реакцией на это, которую проявила сказочная царица. Тем не менее членам форума стоило «посмотреться в зеркало», т.к. это один из способов решить вопрос о

трансформации форума, прежде всего за счет комбинации в нем социальных технологий, характерных для институций, учрежденных «при власти», – и технологий, изобретенных самоорганизующимися гражданскими ассоциациями для взаимодействия с властью.

«Заглянуть в зеркало» проекта важно и для представителей власти, прежде всего потому, что декларируемые ею партнерские отношения с гражданским обществом предполагают, как минимум, понимание его природы и духа, в том числе особенностей собственно гражданских организаций. Воспользоваться «зеркалом» важно и для СМИ, которые являются не только одним из субъектов гражданского общества, но и – в идеале – «повивальной бабкой» этого общества, и его воспитателем, и медиатором для всех других ассоциированных субъектов и индивидов.

Отметим, что на примере этого проекта видно, что мы не впали в грех «игрового экстремизма» и пользуемся всеми моделями практичности этики. Намерение авторов «Рабочих тетрадей» ориентировать проект на потребности практики, в том числе на научно-методическое обеспечение деятельности форума, достигалось несколькими способами, отраженными в подзаголовках к некоторым главам: «путеводитель по литературе», «словарь»; в создании дайджеста современных социальных технологий, в методике общественных экспертиз, а также в попытке наработки «повестки дня» форума совместными усилиями представителей НКО и СМИ. И, разумеется, методами игрового моделирования и экспертного опроса.

* Проект «Общепрофессиональная этика»⁷⁴ представлял собой разработку амбициозной концепции вокруг инвариантного алгоритма исследования и описания нормативно-ценностных систем профессий. Предложенный нами алгоритм можно представить в виде ряда последовательных шагов исследовательской рефлексии. Первый шаг: характеристика предназначения, *миссии* (а не просто *функции*) профессиональной этики. Характеристика профессиональной этики как вида этико-прикладного знания и одной из подсистем нормативно-ценностной системы общества. Здесь же – соотношение этики (морали) профессиональной и этики *общеобщественной*; место и природа нравственных конфликтов, возникающих при столкновении ценностей общей морали и морали профессиональной, ценностей разных профес-

---

⁷⁴ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005. См. также: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Профессиональная этика: социологические ракурсы. Социс. № 8, 2005.

сий; между ценностями одного и того же профессионально-нравственного кодекса. Второй шаг: анализ «морального измерения» природы профессии как основание для рационального структурирования профессиональной этики. В рамках этого «измерения» обсуждаются: различие между профессией и *вне*профессиональными видами человеческой деятельности; специфика *высоких* профессий; этос профессиональной корпорации, саморегулирование профессии. Третий и четвертый шаги: апология и критика профессионализма в его «моральном измерении» и этика профессионального успеха. Пятый: характеристика «мировоззренческого яруса» профессиональной этики: подход к выбору профессии как к процессу морального выбора, обсуждение дилеммы «служение в профессии или жизнь за счет профессии?» и т.д. Шестой шаг алгоритма: обращение к нормативному ярусу профессиональной этики, исследование природы и духа профессионально-этических кодексов. Финальный шаг: характеристика прикладного потенциала профессионально-этического знания. В этом вопросе мы не претендовали на неперемнную инвариантность предлагаемого подхода – грани этой характеристики представлены в проекте с позиции нашего авторского опыта, в том числе опыта этического проектирования: профессионально-этической конвенции (в формате «анализ случая») и центра профессионально-этической экспертизы; а также опыта профессионально-этического образования, в том числе известного уже 30 лет метода *этического практикума*.

Одной из особенностей реализации предложенного алгоритма явилось включение в описание ряда его этапов, наряду с исследовательской позицией, эмпирических материалов наших этико-прикладных разработок, в том числе анализа опыта самопознания практиков различных профессий: деятелей образования, журналистики, менеджмента, науки и т.д. Соответственно в ряде глав монографии параграфы, в которых анализируются исследовательские подходы, сопровождаются параграфами с одинаковым названием «Самопознание профессионалов: экспертные суждения». При этом участники экспертных опросов не столько «респонденты», сколько подлинны соавторы проектов, а их тексты – не только «материал» для анализа, но самодостаточный научный и культурный результат.

Среди «точек роста» нашей концепции прикладной этики выделим в этом проекте разработку идеи *высокой профессии*, проблематизированной необходимостью решения дилеммы «высокая профессия» – «сфера услуг» и актуализацией роли мировоззренческого яруса профессиональной морали (этическая проблематизация профессии не исчерпывается традиционной темой социально-нравственной от-

ветственности профессионала за результаты своего труда, за *правильное исполнение* своей работы, требуя особого внимания вопросу о том, *правильную ли работу он выполняет*); анализ опыта проектирования и экспериментального внедрения корпоративной институции профессионально-этической экспертизы; актуализацию идеи практикума по профессиональной этике как элемента системы профессионально-этического образования и первые шаги в программировании этой системы.

* Проект «*Этос среднего класса*»⁷⁵ продолжил нашу практику исследования «малых систем» в формате «нормативная модель и отечественные реалии». Актуализация такого предметного поля прикладной этики мотивировалась трактовкой среднего класса как одного из феноменов российской модернизации и важнейшего ориентира выхода из постсоветского кризиса идентичности, имеющего в модернизирующейся России общесоциальный, социально-групповой и индивидуальный масштабы. На наш взгляд, идея культивирования этоса среднего класса выступает одним из ориентиров новой самоидентификации как для общества в целом, так и для отдельных социальных групп и, тем более, для множества индивидов, осознающих естественную связь попытки понять «куда идет Россия?» с попыткой выстраивания своей жизненной стратегии, личного биографического проекта в столь противоречивой ситуации перехода.

Идеалы, ценности и «правила игры» среднего класса способны вдохновить не только либерально ориентированный слой населения, принявший идею успеха, но и другие слои общества. В этом случае появятся основания говорить уже о доктрине национального успеха. В то же время культивирование этоса среднего класса способно противостоять отказу от ценностей рыночной экономики и демократии.

Особое внимание проекта отдано исследованию ценностей и правил игры современных *профессионалов*, о которых, благодаря их делам, особенно за последние несколько лет, можно было говорить как о *состоявшихся* людях, достигших делового и профессионального успеха. Условия «вхождения» в средний класс – не просто уровень дохода, но и шкала ценностей, мировоззрение и самоощущение человека, который полагается в этой жизни прежде всего на самого себя, который способен, сохраняя в целом близкий ему жизненный порядок,

---

⁷⁵ Бакштановский В.И., Ю.В. Согомонов Ю.В. Этос среднего класса: Нормативная модель и отечественные реалии. Научно-публицистическая монография / Под ред. Г.С. Батыгина, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: Центр прикладной этики; НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2000.

самостоятельно изменить свою жизнь, принять персональную ответственность и за себя, и за семью, и за страну. В центре проекта – образы человека среднего класса, такие его ценности, как профессионализм, деловой успех, стратегия жизненного пути и т.д.

Как и в других наших проектах, теоретический анализ сочетался с этико-социологическими исследованиями, проведенными Центром прикладной этики и НИИ прикладной этики. Так, анализ материалов серии экспертных опросов среди студентов, преподавателей и менеджеров ТюмГНГУ дал основание для тезиса, согласно которому ориентиром для перехода от духа поколений «советских интеллигентов» к духу поколений «постсоветских интеллектуалов» может быть самоопределение студентов, преподавателей, менеджеров университета к этосу среднего класса, который основан на «служении в профессии». При этом «служение в профессии» предполагает и признание, и материальный достаток.

Полагаем возможным посчитать «точкой роста» нашего направления в этом проекте сам предмет исследования. Кроме того, плодотворной оказалась конкретизация этосного подхода. Во-первых, через «этос середины»: не арифметический, не социологический («средние доходы», «средний престиж...»), а собственно моральный аспект феномена «человек середины». «Не стыдно ли быть средним?» – один из пунктов анкеты экспертного опроса. Каковы ценности «человека середины»? Добродетели, понимаемые через аристотелевскую меру? Сохранение средней позиции во всех решениях и поступках? Умеренность в реализации мотивации достижения? Балансирование всей жизненной стратегии по принципу «устойчивого развития»? Не закрывающая перечень, мы попытались провести в этом направлении исследовательский поиск. Следующий шаг конкретизации этосного подхода: интерпретация т.н. «*буржуазных*» особенностей этоса этого класса. Речь шла не только о роли ценностей жизненного, профессионального, делового успеха и т.п., но и о смысложизненных ценностях, стиле жизни, об «антигероической» ценности частной жизни, ценностях повседневности и т.п. Без понимания природы столь важных для бывших советских профессионалов, интеллигенции *новых* отношений между моральными требованиями – и реальностью, интеллигентностью – и «мещанскими» ценностями, без осознания необходимости переоценки конфликта образов жизни «Сокола» и «Ужа» и т.д. можно ли помочь носителям ценностей советского квазисреднего класса безболезненно войти в постсоветскую ситуацию? И еще одна конкретизация: самоидентификация субъектов среднего класса – *городских профессионалов* – с ценностью профессионализма.

* Проект «*Этика и этос воспитания*»⁷⁶ – наглядный пример *пре-емственности-развития* исследований на темы этики воспитания предшествующих периодов, представленных в монографии «Выбор будущего: к новой воспитательной деонтологии». Новый этап многолетнего проекта, начатый в 1998 году, сочетает теоретический поиск в сфере идеалов, ценностей и норм воспитательной деятельности в постсоветской России с этико-социологическими исследованиями ситуации воспитания в ТюмГНГУ. Продолжая наши предшествующие исследования в этом направлении, проект дал возможность существенно продвинуться вперед. Во-первых, за счет анализа новой постсоветской ситуации в теории и практике воспитательной деятельности. Диагностика дала основания для рефлексии проблемы «*Воспитатель в ситуации выбора*». Ситуация советского общества отличалась признанием лишь одной системы ценностных ориентиров воспитания, ценности были строго определены. Современная ситуация характерна одновременным сосуществованием различных – в том числе и противоположно ориентированных – ценностных систем, стремящихся сыграть приоритетную роль в воспитании. Одна из них знаменует возврат к доктрине коммунистического воспитания. Причем проблема возврата радикализируется в установке на «выбор прошлого» – слегка подкорректированное под современность знаковое «светлое будущее» с присущим этой идеализированной модели набором неотрадиционалистских ценностей, с реанимацией пропитанных этими ценностями форм воспитательной деятельности. Другую систему характеризует освоение потенциалов свободы для серьезной реконструкции целей и способов воспитательной деятельности на основе либеральных ценностей (но в сотрудничестве со здоровым консерватизмом, органически присущим всякой устойчивой воспитательной деятельности), для лучшего понимания ее общественной значимости, для выбора будущего нашей страны как демократического общества. Такая проблематизация стала предметом гуманитарной экспертизы.

Многолетние эмпирические исследования этоса воспитательной деятельности в ТюмГНГУ, проблемные семинары на кафедрах и ректорские семинары дали основания не только для теоретических выводов, но и для специального доклада, адресованного университетскому сообществу, а также для рекомендаций разработчикам университетской концепции воспитания.

---

⁷⁶ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. *Этика и этос воспитания*. Научно-публицистическая монография. Тюмень: Центр прикладной этики; НИИ прикладной этики ТюмГНГУ. 2002.

* Проект «*Самоопределение университета*» – многолетнее исследование в сфере *этики образования*, которое дало возможность одновременного развития методологии теоретизирования в сфере прикладной этики и экспертно-консультативной и проектировочной деятельности в рамках конкретной институции. В жизни проекта пока можно выделить два этапа. Первый из них начат в 1995 году манифестом НИИ ПЭ «Десять тезисов НИИ ПЭ нефтегазовому университету», продолжен одноименным с названием проекта научным докладом НИИ ПЭ (2002) и активизирован в 2005 году новым манифестом НИИ ПЭ «Десять лет спустя», посвященным исследованию глобальной ситуации трансформации *идеи* университета и локальной ситуации развития ТюмГНГУ.

Университет, *проектирующий свою биографию*, оказывается вовлеченным в острую ситуацию выбора своей миссии, адекватной идее современного университета, университета XXI века. В этой связи для университета предельно важна работа по напряженной *самоидентификации, самопознанию, осмыслению* своего настоящего, шансов будущего. При этом значимо понимание новой ответственности университета: от *использования* шансов на развитие ему предстоит перейти к их *производству*. Основные идеи: университет – образовательная корпорация; образовательная деятельность – *высокая* профессия; миссия университетской корпорации – духовное «производство» человека.

Исследовательский итог этапа – коллективная монография «*Становление духа университета: Опыт самопознания*»⁷⁷. Вынесенное в заголовок монографии нестрогое понятие «дух» означает, что речь идет не об «экономическом измерении» реформ в образовании, которое зачастую представляется самой актуальной темой, но о «моральном измерении» процесса становления университета. При этом авторы книги пытаются рассмотреть мораль не как некое «следствие» экономики, но как важнейшую предпосылку современного развития.

Характеристика намерений авторского коллектива – сотрудников университета – как «опыта самопознания» не означает отказа от теоретического исследования процесса становления духа университета, но подчеркивает значительную роль «внутренней экспертизы», которую играет рефлексия об индивидуальных биографиях жизнен-

---

⁷⁷ Становление духа университета: Опыт самопознания. Коллективная монография / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: Центр прикладной этики; НИИ прикладной этики ТюмГНГУ. 2001.

ного пути и коллективной биографии вуза. Отсюда и попытка экзистенциального анализа опыта проживания периода реформ через судьбу университетской корпорации. Книга учитывала более чем 35-летний опыт становления и развития ТИИ–ТюмГНГУ, является одним из проявлений «эстафеты поколений», способом передачи опыта и ценностей.

Следующий этап проекта посвящен проектированию *миссии университета*. Соответственно, выделим в нашей методологической позиции, во-первых, потенциал прикладной этики как *проектно-ориентированного* знания – при этом значима культура *фронезиса*, диалогическая, «понимающая» природа которого не допускает упрощенного толкования отношений «консультант – клиент», предполагая не просто передачу полученного исследователем результата для «внедрения», но совместный (эксперта и ЛПР, ГПР) поиск решения проблем, особый стиль проектной деятельности, условием эффективности которой является опора на моральное творчество субъекта.

Во-вторых, методологическая позиция проекта предполагает определенную интерпретацию феномена *самоопределения университета* через проектирование своей миссии: это не просто большая по сравнению с адаптивностью мера *реактивности* поведения, но акт нравственной *активности*. Активности во имя избранной миссии, не сводящейся к реактивному целеполаганию и предусматривающей проектирование научно-образовательной корпорацией свой биографии.

Миссия университета – *надстратегический ориентир* самоопределения, *смыслоориентирующее основание* разработки стратегии университета. Версию миссии ТюмГНГУ еще предстоит принять на ученом совете. В этой версии – весьма ригористичный вывод гуманитарной экспертизы: ценностные приоритеты университетской корпорации не тождественны духу и «правилам игры» некоей бизнес-корпорации – промышленной или финансовой, производящей *товар* как предмет *купли-продажи* и, как правило, ориентированной только на прибыль. Не имея возможности и права пренебрегать требованиями «заказчика» и «потребителя», университет, во-первых, видит своим «заказчиком» не просто *производственную сферу*, но потребности общества в целом и, во-вторых, не сводит свое *назначение* к роли «делового предприятия на рынке образования», считая своей миссией *возвышение* соответствующей рынку утилитарной *функции* «кузницы кадров» до высокого *смысла* «духовного производства человека». Университет *подчиняет* свою прагматическую стратегию ценностным ориентирам научно-образовательной профессии. Даже в сложных рыночных обстоятельствах, ограничивающих независимость *высоких*

профессий, их миссия не отменяется. Как это ни парадоксально, но именно в таком самоопределении – шанс прагматического успеха университета.

* Проект «Моральный выбор журналиста»⁷⁸ – центральный в наших исследованиях журналистской этики, которые имеют более чем десятилетнюю историю. Исследование такого направления прикладной этики, как нормативно-ценностная система журналистики, представляло собой цикл гуманитарных экспертиз, результаты которых систематически публиковались в «Тетрадах гуманитарной экспертизы». Интеграция этих результатов – монография о моральном выборе журналиста, в которой наиболее полно представлена судьба одного из *трех источников* нашей концепции, концепции морального выбора, *приложенного* к «малой системе».

Логика работы с потенциальным читателем монографии – прежде всего, журналистом – отражает последовательное предъявление проблемы морального выбора в журналистской деятельности. В первой главе читатель получает возможность включиться в рефлексивный процесс самоопределения журналистов к аргументам, раскрывающим основания выбора как атрибута человеческой свободы. Затем он может как бы изнутри исследовательского процесса проанализировать открывающиеся журналисту возможности самоопределения к базовым доктринам природы морали. Особое место в этой главе занимает диагноз и прогноз ситуации нравственной жизни современного общества. Здесь читатель получает возможность соучаствовать в выборе журналистом принципов диагностики и убеждающих его конкретных оценок ситуации. По мнению авторов, этим «оправдывается» наличие в книге академического параграфа о природе морального феномена, так как, скорее всего, попытка диагноза нашей нравственной жизни и пробуждает интерес читателя к понятию морали: праздному любопытству вряд ли было бы под силу принудить человека к продолжительной проясняющей работе. И как профессионал, и как гражданин журналист постоянно сталкивается с необходимостью оценки нравственной жизни общества. (Правда, чаще всего это не систематический рациональный процесс оценки как таковой, а скорее фоновое беспокойство, затаенные импульсы сознания, интенции, оттеняющие более частное вопрошание. Скорее всего, журналист продвигается от разбора вполне конкретных жизненных случаев к предельно широкой оценке моральной ситуации общества.)

Далее следует «оправдание» журналистской этики – читатель

---

⁷⁸ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста / Предисл. А.К. Симонова. Тюмень: Центр прикладной этики, 2002.

имеет возможность «прожить» вместе с участвующими в серии экспертиз журналистами процесс их самоопределения к ценностям профессиональной этики. В том числе мировоззренческого «яруса»: Является ли выбор профессии одновременно и моральным выбором? Служение в профессии» или «жизнь за счет профессии»? Обратим внимание на то, что с этой главы авторы переходят от собственно теоретического анализа к этико-прикладному, систематически опираясь на материалы гуманитарных экспертиз.

В название четвертой главы вынесен вопрос, состоящий из двух альтернативных метафор: «“Зеркало”?» или “зеркальщик”?», с помощью которых читатель сможет проследить процесс самоопределения журналистов к разным моделям корпоративной миссии журналистского сообщества. Сведенные в дилемму, эти метафоры побуждают разобраться в ориентирующей самопознание журналистов роли ценностей гражданского общества, конкретизировать представления о социально-профессиональном назначении журналистской корпорации. Как и в предшествующих главах, название пятой главы формулируется с помощью дилеммы: «Стремление к достижению или намеренный дезангажемент?». Соответственно читателю предстоит увидеть, как совершается самоопределение журналиста к ценности профессионального успеха: выбирает ли он ориентацию на успех или предпочитает уклониться от такой ориентации, в том числе по этическим соображениям. В главе шестой речь идет о ситуации выбора журналистом мотивов саморегулирования «цеха»: под давлением обстоятельств или по доброй воле? Читателю предстоит обнаружить, что этот выбор далеко не прост.

В седьмой и восьмой главах основная проблема проекта представлена через тюменский опыт проектирования профессионально-этической конвенции. Центральным звеном создания Тюменской медиаконвенции является попытка разработки принципов и норм поведения журналиста в ситуации морального выбора. Во-первых, это выбор статуса и пафоса конвенции в альтернативе «“Моральный кодекс строителя...” – или “скромная этика контракта”»? Во-вторых, выбор, совершаемый в процессе проектирования каждого элемента структуры конвенции: *Проблемная ситуация – Задачи конвенции – Мотивы саморегуляции – Самоопределение к корпоративной миссии – Кредо сообщества – Свобода и ответственность морального выбора – Минимальный стандарт профессионально-правильного поведения – Экспертно-консультативная комиссия – Комментарии.*

«Точки роста» нашего направления прикладной этики: выстраивание в систему аспектов морального выбора – мировоззренческого (с конкретизацией в ситуации выбора профессии и решения дилеммы

служения в профессии), нормативного и этико-праксиологического; системная конструкция конвенции: кредо и «минимальный стандарт».

На основе этого многолетнего проекта и обогащения его результатами исследования природы общепрофессиональной этики мы попытались сформировать системную концепцию профессиональной этики журналистики⁷⁹. Ее необходимость мы обосновали критикой «повестки дня», принятой в исследованиях и учебниках по профессиональной этике журналистов. Задачу обновления идентификации журналистской этики – постановкой вопроса «Профессиональная этика журналистов: предназначение и/или функция?» и определением логики дальнейших идентификационных шагов: характеристика нормативно-ценностной системы журналистики как вида прикладной этики – интерпретация этики журналистов как нормативно-ценностной системы профессии – актуализация самоопределения сообщества и общества в целом к гипотезе о нормативно-ценностной системе журналистики как этике высокой профессии и статусе журналиста как субъекта профессионально-нравственного выбора. Конкретизация предстоящих шагов идентификации журналистской этики в ее проектном образе – *конвенции*, представляющей прецедент концептуального проектирования элементов нормативно-ценностной системы журналистики.

Разумеется, мы подчеркивали возможность и необходимость обновления «повестки дня» исследовательской деятельности в соответствии с социокультурной динамикой профессии. Однако все более актуальной становится редко артикулируемая мотивация обновления «повестки дня» *кризисом идентичности профессиональной этики журналистики*, который мы рискуем обозначить как концептуальную *банализацию* природы такой этики.

В качестве основания для такого рискованного диагноза (рискованного опасностью *этического фундаментализма*) мы выделяли, во-первых, доминирование *функциональной* идентификации профессиональной этики журналистики, подмену *предназначения* такой этики *функцией* социальной ответственности. Функцией безусловно важнейшей. Но не заменяющей миссии-предназначения нормативно-ценностной системы профессии. Во-вторых, таким основанием служит заметная тенденция *деонтологизации* профессиональной этики журналистики, содержащая риск вольного-невольного элиминирования

---

⁷⁹ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. «Миссия пера»: этико-прикладная концепция нормативно-ценностной системы журналистики // Миссия университета: служение в профессии / Ведомости. Вып. 30. Тюмень: НИИ ПЭ, 2007.

этической идентичности профессии в пользу идентичности *правовой*.

Указанные выше кризисные моменты институализации нормативно-ценностной системы журналистики в определенной степени обусловлены идентификационным кризисом профессионально-этического знания в сфере журналистики. Очевидно, что оба кризиса взаимообусловлены. Но прежде чем ожидать от нормативно-ценностной системы журналистики рационально обоснованных ориентиров преодоления ситуации кризиса идентичности профессии, необходимо поработать над теорией профессиональной этики журналистики. И не просто в *кафедральном* формате, а в *исследовательской лаборатории*, моделирующей «встречное движение» теории и практики.

В то же время этот ряд последовательных шагов исследовательской рефлексии, позволяющий идентифицировать профессиональную этику журналистики (в обеих ее ипостасях) – только одна из задач применения концепции прикладной этики. Несомненно важные попытки решения этой задачи, важные и для *самоидентификации* профессионального сообщества, требуют продолжения в виде попыток *воздействия* на ситуацию профессиональной морали. Отсюда вторая задача – подключение потенциала этико-прикладного знания как *проектно-ориентированного знания*.

* Интеграция «кафедры» и «лаборатории» вокруг обновленной версии *оснований* нашей концепции стала главной задачей итоговой монографии третьего этапа – «Введение в прикладную этику». Цитируя на первой же странице «народную мудрость» из фольклора науковедов – *Всякая инновация проходит три фазы. Первая: «что за чушь?!», вторая: «что-то в этом есть», третья: «кто же этого не знает?»*, – мы объявили о решении начать свою новую работу не только ради напоминания читателю, что наша концепция прикладной этики трудно пережила ситуацию первой фазы и вдруг обнаружила, что уже прошла фазу вторую и, честно говоря, не рассчитывала на скорое наступление фазы третьей. Нашу новую работу во многом мотивировали *риски* наступившей третьей фазы, наверняка связанные с незнанием или пренебрежением разработчиками различных сфер прикладной этики и первых учебников цены и результатов «еретического» периода. Результатов прежде всего в сфере *оснований* прикладной этики.

Поэтому в трех разделах монографии рассматриваются последовательно: (1) предпосылки прикладной этики, раскрываемые через характеристики *морального феномена* и *морального выбора*; (2) природа прикладной этики в двух ее ипостасях: нормативно-ценностные

подсистемы («малые системы») и теории конкретизации морали, проектно-ориентированного знания и продуцирования фронестических технологий; (3) основания «малых» нормативно-ценностных систем (подсистем), в роли которых представлены этика гражданского общества, аксиология и праксиология морального выбора, профессиональная этика. В ряд глав включены фрагменты наших этико-прикладных разработок, материалы которых позволяют представить феномен конкретизации морали, с одной стороны, потенциал «технологий приложения» – с другой.

Одна из «точек роста» нашего направления в этой монографии – продвинутое формулирование идеи прикладной этики, связанной с вполне определенной интерпретацией смысла прилагательного *прикладная* применительно к существительному *этика*. Понимание природы *приложения* зависит от ответов на алгоритмизированное вопрошание «*что? – к чему? – каким образом? – зачем?*».

Этот *алгоритм*, заложенный в типологизацию проявленных в специальной литературе интерпретаций идентичности прикладной этики, позволяет представить основные версии следующим образом: * прикладная этика и практическая этика (древнейшая метафора: «практическая философия») – одно и то же; * прикладная этика – это современная разновидность существующей с древних времен практической этики, предметным полем которой являются открытые моральные проблемы; * прикладная этика – современная практическая этика, но, в отличие от профессиональной этики, это форма регуляции деятельности не изнутри, а извне; * прикладная этика – практическая этика, предметным полем которой являются конкретные виды человеческой деятельности; * прикладная этика – применение общеэтических концепций к частным ситуациям; * прикладная этика – это нормативно-ценностные подсистемы, конкретизирующие общественную мораль (и своеобразная подсистема – этика частной жизни и межличностных отношений), с одной стороны, теория конкретизации морали, проектно-ориентированное знание, фронестические технологии приложения (этическое ноу-хау) – с другой.

Последняя версия этой типологии отражает наше направление. Его ответ на вопросы алгоритма предполагает, во-первых, тезис о развитии системы этического знания («*что?*») применительно к особенностям теоретизирования о нормативно-ценностных подсистемах («*к чему?*») за счет проектирования и производства этико-прикладного знания, методологический арсенал которого оснащен как этико-философскими и этико-социологическими средствами познания нормативно-ценностных подсистем общества (теория конкретизации морали), так и проектно-ориентированным знанием и фронестическими

технологиями приложения, этическим ноу-хау: рациональный анализ ситуаций морального выбора, этическое проектирование, этическое моделирование, этическая экспертиза и консультирование и т.п. («*каким образом?*»); знанием и технологиями, ориентированными и приуроченными для исследования и преобразующего воздействия на нормативно-ценностные подсистемы («*зачем?*»). Во-вторых, тезис о конкретизации («*каким образом?*») общественной морали («*что?*») как процессе формирования нормативно-ценностных подсистем, регулирующих и ориентирующих сегментированные сферы общества («*к чему?*»). Вопрос «*зачем?*» уместен, если речь идет о целенаправленном, намеренном воздействии на нормативно-ценностные подсистемы.

Другие «точки роста» направления, представленные в этой монографии, отражены в главе 6.

Глава 5

Лаборатория гуманитарной экспертизы

ФАКТОР проектирования биографии направления наглядно проявился в изобретении такой технологии прикладной этики, как гуманитарная экспертиза. В изобретении и последовательном применении технологии, обеспечивающей не только неадаптивную активность прикладной этики к доминирующим в науке парадигмам, но и нереактивные, инициативные проекты в отношении к практическим ситуациям морального выбора. Технологии, атрибутивной именно для прикладной этики – в ее сравнении с моделью практичности этики в формате «практической философии».

Гуманитарная экспертиза как технология прикладной этики не знает периодов лишь «академической» востребованности. Практически всегда она жила в ситуации острого «социального заказа», а нередко – опережала его. При этом очевидно, что требования такого «заказа» имели свои социокультурные основания. Чаще всего они совпадали с основаниями представленных выше этапов пути нашего направления.

Наша версия гуманитарной экспертизы – как и концепция прикладной этики в целом – не возникла сразу в ее современном виде. Она становилась и развивалась по мере теоретико-методологических исследований и практического применения их результатов, порождающих новые задачи для исследователей. Отсюда задача – показать не просто разные *предметы* приложения гуманитарной экспертизы, но сочетать эскиз конкретных экспертных проектов с рефлексией *оснований* и совершенствования *инструментария* гуманитарной экспертизы. Стремясь не повторять сюжеты о гуманитарной экспертизе из предшествующих глав.

СВОИ первые исследования в сфере гуманитарной экспертизы мы мотивировали прежде всего логикой приложения этического знания⁸⁰. Речь шла о методах инициирования и культивирования морального творчества субъекта в напряженных ситуациях выбора, методах, эффективных в сфере нравственно-воспитательной деятельности. Прежде всего о технологии игрового моделирования. Зафиксированное в литературе первое применение этой технологии связано с этическими деловыми играми «Кодекс трудового коллектива» и «Аттеста-

---

⁸⁰ См., напр.: Бакштановский В.И. Этика как «практическая философия»: традиционные образы и современные подходы. М.: Знание, 1983.

ция морально-деловых качеств руководителя», проведенными в коллективах Тюменского объединения «Сибкомплектмонтаж», заводов «Электрон», «ТЭМЗ», «АТЭ»⁸¹.

Подчеркнем, что на этом этапе развития нашего направления еще рано было говорить о «встречном движении» теории и практики, в идеале предполагающем синхронность и равноэффективность для каждой из сторон. Лаборатория прикладной этики выступала здесь скорее «возмутителем спокойствия», что является долгом этико-прикладного знания даже в том случае, когда практика, если она не готова к организации безотлагательного внедрения предложенных разработок, стремится поддерживать инициативы исследователей исходя из соображений «завтрашнего дня». Говоря языком тех лет – из соображений научной политики в сфере этического знания, говоря современным языком – из соображений проектирования этико-прикладного знания. Идея-технология гуманитарной экспертизы в доперестроечные годы переживала этап одновременной выдачи практических результатов и выращивания теории «на ходу».

Наработанный потенциал не долго ждал активной практической востребованности. Ощущение настойчивого «социального заказа» на актуализацию исследовательской работы с идеей гуманитарной экспертизы и скорейшее доведение ее до технологии этического ноу-хау связано в нашем опыте со временем перестройки. Это Время мы трактовали как инновационную ситуацию морального выбора⁸². Конкретизируя экспертную оценку формирующейся ситуации как ситуации реабилитируемого выбора, содержащей шанс смягчения морального отчуждения, сформулировав проблему мировоззренческой и социально-технологической готовности общества не упустить этот шанс в напряженных, нравственно-конфликтных ситуациях переходного периода (когда особенно трудно принимать ответственные решения, соотносить цели и средства), мы интенсифицировали разработку и применение идеи-технологии гуманитарной экспертизы как технологии испытания моральным выбором.

---

⁸¹ Там же.

⁸² См.: Бакштановский В.И. Перестройка как ситуация выбора: проблемы гуманитарной экспертизы и консультирования (Послесловие редактора) // Самоглорский практикум. Тюмень, 1987.

В ж. «Ведомости» (вып.29, 30) представлены материалы проекта «Двадцать лет спустя», в основе которого лежит гипотеза о том, что современная ситуация в нашем обществе – новое перепутье, ситуация выбора обществом ценностных ориентиров своего развития. И, тем самым, новый вызов развивающейся прикладной этике – и идее-технологии гуманитарной экспертизы.

Проектное оформление этого предложения – *экспертная инициатива* «Самотлорский практикум» (название инициативы принято на многодневной этической деловой игре «Нравственная жизнь, воспитательная деятельность, воспитание воспитателей: гуманитарная экспертиза и консультирование», г. Нижневартовск, 1987) – попытка «зримого колледжа» гуманитариев вырастить в качестве социально-нравственной инновации гуманитарную (средствами гуманитарного знания, центрированного вокруг этико-прикладного знания) экспертизу и консультирование ситуации выбора в нравственной жизни и воспитательной деятельности обновляющегося общества.

Проект был посвящен экспертизе нравственной ситуации – ее «болевым точкам» и «точкам роста» в советском обществе первых лет перестройки, трактуемой авторами проекта как *ситуация морального выбора*, и, одновременно, анализу готовности отечественной этической теории ответить на вызовы перестройки, прежде всего – *экспертным потенциалом прикладной этики*⁸³, о чем мы уже говорили в главе 3. Это была первая попытка инициативного движения этического сообщества приложить потенциал знания о морали к современной практике, работая в формате этического форума, технологизированного основными методами гуманитарной экспертизы – экспертного опроса и игрового моделирования.

Систематическое развитие идея-технология гуманитарной экспертизы в нашей версии получила на излете перестройки и в начале постперестроечной ситуации. Не случайно в предисловии к первой, насколько нам известно, отечественной книге о гуманитарной экспертизе – «Гуманитарная экспертиза: возможности и перспективы» – мы с оптимистическим пафосом отмечали: «Пожалуй, пришел час, которого ждали многие исследователи-гуманитарии», а одним из конкретных показателей «современности этики, ее реального участия в нравственном обеспечении поступательного движения общества» называли «готовность удовлетворить его потребность в гуманитарной экспертизе и консультировании практики принятия важнейших решений»⁸⁴.

СРЕДИ проектов того времени обратим внимание на серию гуманитарных экспертиз процесса нового освоения в Тюменском нефтегазовом регионе.

Имея самостоятельное значение, проанализированное нами в

---

⁸³ См.: Самотлорский практикум; Самотлорский практикум-2. Материалы экспертного опроса / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень, 1988.

⁸⁴ Указ. соч. С.3.

специальных работах⁸⁵ тех лет, эти экспертизы принесли в банк нашей идеи-технологии опыт «экспертизы экспертиз» – гуманитарной экспертизы подходов и результатов серии *частно-научных* экспертиз и, в содержательном плане, опыт рефлексии этической значимости понятия «человеческое измерение». Так, например, в рамках проекта «Арктическая политика: человеческое измерение»⁸⁶ была предпринята экспертиза концепции сбалансированного развития, точнее – идеи, которой еще только предстояло развернуться в концептуальную систему. В процессе *экспертного опроса и построенного на его основе игрового моделирования* версиям сбалансированного развития Севера предстояло, во-первых, отстоять себя средствами морального обоснования и оправдания не только перед альтернативными императивами типа «закон-тайга» или «человек человеку и природе – Друг», но и перед результатами реконструирования стоящих за идеей нравственных идеалов, ценностей, норм и, во-вторых, испытать себя на толерантность к иным моральным ценностям, на сотрудничество с ними. Подчеркнем, что участникам экспертизы предстояло, в том числе, отрефлексировать этическую значимость самого понятия «человеческое измерение», попытавшись определить его, реагируя на суждение о том, что это лишь «речевая фантазия» эпохи перестройки. Экспертиза стала и испытанием гипотезы авторов проекта о том, что одно из решений проблемы «освоение без отчуждения» пребывает в координатах *этно-экологической этики*, придающей арктической политике «человеческое измерение». А одна из трудностей морального выбора заключается в возможно маскирующем характере стратегии идеи «сбалансированного развития», за которой могут стоять скрытая конкиста, прогрессорство, высокомерие индустриально-урбанистической цивилизации и т.п. Профилактирующим средством эксперты посчитали идею «сбалансированной аксиологии».

* Гуманитарная экспертиза Ямальского конфликта⁸⁷ мотивировалась не только политическим давлением на процесс принятия решений о дальнейших судьбах Ямала (государство нуждалось в дополнительных миллиардах кубометров газа и этим определялись реальные

---

⁸⁵ См., напр.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в политическую этику. Москва-Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера СО АН СССР, Философское общество СССР, Гл. 4.4, 1990; Этика Севера. Т.1. / Под ред. В.И. Бакштановского, Т.С. Караченцевой. Томск: Изд-во Томск.гос.ун-та, 1992. С. 5-29.

⁸⁶ Арктическая политика: человеческое измерение / Под ред. В.И. Бакштановского / Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера СО АН СССР, 1990.

⁸⁷ Ямальский конфликт: гуманитарная экспертиза / Под ред. В.И. Бакштановского / Тюмень: Тюменский научный центр СО АН СССР, 1991.

способы решения конфликта между ведомствами и территорией, центром и регионом, коренными народностями и мигрантами, современными и будущими поколениями, между человеком и природой). Важный для нас мотив заключался в том, что различными исследовательскими группами в стране уже была проведена серия частно-научных экспертиз по многим аспектам освоения Ямала, однако эти экспертизы не содержали в себе в проявленном виде гуманитарного подхода к характеру взаимодействия всех сторон, вовлеченных в конфликт. Причины этому: дисциплинарная узость лежащих в их основании парадигм (технико-технологическая, экологическая, социальная, экономическая и т.п.), ведомственная предназначенность (в том числе научная ведомственность) экспертиз. Используемые в них парадигмы содержали «гуманитарный аспект» лишь в качестве признания необходимости «учета человеческого фактора». Задача нашей экспертизы – попытка «экспертизы экспертизы», коллективного рефлексивного анализа как средства проявления базовых ценностей и ценностных ориентаций, из которых исходили частно-научные экспертизы.

Проектом экспертизы предполагалась реконструкция ценностных приоритетов в поведении конфликтующих сторон. «Размещение» результатов (и их оснований) геологических, экономических, социологических, конфликтологических, этнологических и прочих экспертиз как элементарной кооперации прикладных результатов «в одной лодке» – условие лишь необходимое. Достаточные условия – в поиске гуманитарных ориентиров, способных комплементировать и сбалансировать конфликт интересов всех субъектов (в том числе и тех, кого считали лишь «объектами») решения судьбы Севера. Тем самым «Ямальский конфликт» трактовался как ситуация морального выбора, нравственного конфликта, столкновения многих правд, противостояния различных систем моральных ценностей.

* *Инструментальной* особенностью проекта «Освоение без отчуждения», о котором мы уже говорили, были предложенные экспертам *этические контрпозиции*, сопровождающие каждую из моделей и отражающие сомнение в нравственности, справедливости соответствующего сценария, высказанные группой участников пилотажного опроса. Кроме того, в банк инструментария нашей технологии этот проект внес собственно опыт экспертизы *сценариев*, ставшей атрибутом ряда последующих проектов; опыт постановки и решения проблемы *внутренних* и *внешних* экспертов – в ситуации несомненного для гуманитарной позиции права самого этноса выбирать свою судьбу: каков статус «внешних» – относительно этноса – экспертов? так ли уж очевидна моральная недопустимость позиции Понтия Пилата? «трудно быть богом»? а может быть, не брать на себя его роль? И

наконец, опыт включения материалов этой экспертизы в процесс *игрового моделирования* в рамках поисковой игры «Этос и этнос: социально-этническая справедливость как объект политического решения» («Самотлорский практикум-2»).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ситуация перестройки породила острый запрос на экспертизу альтернатив стратегии развития общества. Здесь потенциал гуманитарной экспертизы как экспертизы альтернатив морального выбора был востребован с максимальной полнотой.

Проект «Партия на пути к правовому государству: ситуация выбора»⁸⁸, инициированный в этот переходный период, был построен на методах экспертного опроса и этико-прикладных игр⁸⁹. Такие игры, обладая атрибутивным признаком *феномена игры* – способностью воспроизводить, моделировать все виды человеческой деятельности благодаря эффекту *двуплановости* серьезного-условного, характеризуются «проживанием» реальных ситуаций выбора в искусственных условиях, имитированием решений, оценок, поступков в обстоятельствах выполнения той или иной роли и т.п. Вариабельность условий, решений, оценок, поступков, возможность и необходимость акта выбора, поиска творческого решения особо важны для деловой игры как таковой. Технология этико-прикладных игр отличается особым вниманием к деятельности участников игр как субъектов *морального выбора*. Столкновение традиции и инновации (особенно, когда новое приходит в облике зла, когда должное достигается насущными и потому не адекватными средствами), конфликт ценностей, принадлежащих разным нормативно-ценностным системам, экзистенциальный риск морального выбора, ориентация на успех и самоопределение к его этосу, решение проблемы цели и средств в моральном выборе – значимые предметы *игрового моделирования*.

В предложенной участникам игры *программе* обосновывалась актуальность темы экспертизы сценариев-моделей обновления партии и мотивировался ее метод. Акценты: «вариативность путей развития советского общества, правящей партии, подход к перестройке как ситуации выбора обусловили конструирование ...механизма общественной экспертизы альтернативных вариантов выбора», сосредоточенность «на нормах и ценностях этики политической деятельности»,

⁸⁸ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Введение в политическую этику. Москва-Тюмень, 1990; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Гл. 13.

⁸⁹ См.: Бакштановский В.И. Лаборатория в Храме Свободы (III). Аксиология и праксиология этических деловых игр. Тюмень: ТНЦ СО АН СССР, 1990; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Гл. 11.

на задаче активирования «моральной рефлексии в процессе подготовки политических решений». Специально проблематизировалась целесообразность именно игрового метода экспертизы: *«До “игр” ли нам сегодня? Не уход ли это от реальности в выдуманный мир, в “игру в бисер”? “Игра в демократию”?! Паллиатив действительной политической активности? Выдуманные ценности и нормы вместо жесткой этики политической борьбы?»*. Программа обращала внимание участников игры на то, что в сценарий, который предстояло им разыграть, заложена имитация вероятного поведения *«различных течений, позиций, групп и отдельных членов партии в условиях, которые возникнут, если реализуется та или иная дискутируемая модель партии»*. Речь шла об экспертизе *«экспериментально испытываемого взаимодействия (с точки зрения самой его возможности и реальных путей) всех позиций, которые вовлечены во время экспертизы в прогнозируемую и проектируемую ситуацию, а соответственно о моделировании “плюсов” и “минусов”, характеризующих нововведения»*.

Обстоятельно трактовалась роль условности игровой деятельности: ее правдоподобность, вероятностный характер ситуаций должны снять целый ряд проблем *«реального эксперимента и защитить участников экспертизы от последствий того риска, на который они идут при выборе той или иной модели. Именно риска, ибо игра – социальное изобретение для освоения нового, для приобретения опыта, в котором нет учителей, это социально-технологическая лаборатория, в которой “исследователь” и “объект” – в одном лице, это эксперимент на самих себе»*. Из программы следовало, что условность ситуации, в которую вовлекались участники экспертного практикума, должна была позволить совершить невозможное в реальной жизни: «прожить» все возможные сценарии-модели выбора, испытать каждый из прогнозов. Чтобы успеть за временем – в реальной жизни оно шло быстрее, чем находились ответы на вопросы, вызванные инновационными ситуациями, – его предстояло «свернуть», ускорить, интенсифицировать опыт проживания ситуаций, сценарного испытания каждой альтернативы.

В программе специально определялись *игровые обстоятельства, «правила игры»*, необходимые для экспертизы альтернативных моделей и конструирования переходной технологии обновления партии: *«Экспертиза концентрируется на действиях секций условного клуба, объединившихся вокруг каждой из испытываемых моделей, на самоопределении лиц и групп, для которого у многих из нас просто нет положительного нравственного опыта, ибо в предшествующих ситуа-*

циях развития общества этот опыт в его позитивном выражении не запрашивался».

Следующий фрагмент программы этой экспертизы показывает, как для участников игры обеспечивалась свобода выбора: «Сейчас вы войдете в зал, разделенный на секторы. Членам клуба – в зависимости от выбранной ими модели – выделены отдельные ряды. Зарезервированы и места для возможных новых моделей. Игра содержит *элементы ролевого поведения*, что предполагает выбор не обязательно согласно личным убеждениям эксперта, но и возможность, так сказать, “влезть в шкуру” оппонентов. Для тех, кто еще не определился в отношении к той или иной модели или не принял нормы кодекса клуба, также выделены секторы зала». И авторы программы обращались к участникам с особой просьбой: «Задержитесь на мгновение перед входом. Прочитайте на “придорожном камне” модельные варианты платформ. Простите за известную категоричность вопросов, но, пожалуйста, взвесьте перед выбором одной из моделей свои предпочтения: несут ли в себе предлагаемые модели шанс на разрешение проблемы? Содержит ли ситуация подлинный выбор? допустима ли для конфликтующих моделей ориентация на победу? можно ли рассматривать выживание общества как высшую ценность консенсуса сторонников каждой модели? Вам предстоит серьезная работа, у вас есть возможность повлиять на ход и результаты партийной дискуссии, на формирование важных политических решений, уровень демократичности и гуманистичности процесса их подготовки и их результатов».

В разработке игры «Выбор» («Выборы секретаря первичной партийной организации») модель гуманитарной экспертизы и консультирования испытывалась, развивалась и конкретизировалась в процессе соотнесения социально-нравственных и процедурно-организационных аспектов выборов руководителя. Кстати, краткое название игры – инициатива практиков, стремящихся задать игре смысл, выходящий за пределы разработки управленческой процедуры. Авторский коллектив рассматривал ситуацию выбора как клеточку активности (политической, социальной, моральной), как «точку роста», которая инициирует пласты морального возрождения через демократизацию политической жизни трудовых коллективов, партийных организаций. Именно так воплощался тезис о *воспитании выбором*. Выборы руководителя партийной организации (как, впрочем, и выборы руководителя хозяйственного, советского и т.д.) рассматривались как в значительной степени и выбор организацией, коллективом своего будущего, как акт принятия личной ответственности. Это такая самореализация, в которой воспитание выбором осуществляется и процессом трудной этики борьбы (за создание самой ситуации выбора, развитие

соревновательных начал, испытание нравственной ценности избираемых средств борьбы, за реализацию победившего курса и т.п.).

Конкретная задача игры – разработка регламента выборов. При этом мало только разработать на игре технологическую схему, не разрушающую демократический дух выборов; задача и, тем более, «сверхзадача» игры заключается в том, чтобы убедить ее участников в необходимости поиска и в ценностной сфере, в том, что регламент как операционный элемент модели выборов является средством, определяющим достоинство цели и испытывающим его, в особой взаимной связи смысла, цели и средств, технологии. Этим, прежде всего, отличается этическая деловая игра от известных организационно-деятельностных игр, посвященных выборам: игра была направлена на разработку такой модели выборов, в которой технология обеспечивает реализацию, воплощение выработанного в процессе игрового поиска смысла, духа выборов.

Акцентируя смысло-ценностную сторону модели выборов, разработчики должны были обеспечить ее соответствующими игровыми заданиями. Одно из них – «Контрвыборы». В начале игры это задание требует провести анализ аргументов и фактов, выдвигаемых против широкой практики выборов руководителей. В специально подобранных материалах отражены и трезво-скептические настроения против новаций, которые принимались «на ура», а «сходили со сцены» молча; против «бюрократических игр в выборы», когда в новые одежды наряжаются старые методы (например, выборы из того, «что дают»), против демагогических «социальных игр». Участникам игры были представлены аналитические обзоры социологов, содержащие сравнительные оценки отзывов самих руководителей «за» и «против» выборности. В рамках задания «Контрвыборы» при разработке регламента выборов подключалась позиция, аргументирующая опасность абсолютизации роли процедурных разработок, – они гасят творческую инициативу. Недостаточность спонтанно выраженной воли коллектива (это еще не демократия) и, одновременно, опасность бюрократической деформации демократических выборов, превращения их в пустую формальность, и потребовали разработки такого регламента, который был бы способен обеспечивать дух и смысл процесса демократизации.

Не ушли ли обе эти экспертизы в прошлое? Свободный выбор и сегодня еще во многом предстоящее нашему обществу открытие, заново открываемое социальное изобретение, особая социальная технология. Прежде всего социальная технология, *обогащенная* парадигмой выбора. Именно такой технологией является в нашей версии гу-

манитарная экспертиза. Особый ее эффект – *иницирование* ситуаций выбора и *воспитание* через вовлечение в такие ситуации. Здесь и *реабилитация* выбора как атрибута социальной активности, и *эмансипация* выбора как шанс на преодоление отчуждения, и *культивирование* морального выбора.

МОРАЛЬНАЯ ситуация перепутья переходного периода – от советского к постсоветскому – стала предметом двух экспертиз. Один из проектов был посвящен ситуации «на пути к гражданскому обществу», проблематизированной нравственными оппозициями «рынкофилия» – «рынкофобия»⁹⁰. Гуманитарная проблематизация: диагностика конфликтного состояния общественной нравственности в ситуации перехода к рынку, трактуемой как ситуация морального выбора, и экспертиза восприимчивости-невосприимчивости духовно-нравственной ситуации в обществе к обновлению. Вниманию экспертов были предложены материалы предварительной оценки отношения обыденного морального сознания к рыночной экономике. В сконструированной нами таблице были даны характерные для лексики тех лет *ценностные суждения* носителей двух условно выделенных, идеализованных позиций – «рынкофобов» и «рынкофилов». Их полярность отражала, на наш взгляд, реальность раскола в моральном сознании общества, дух нетерпимости и недиалогичности, интонации и методы идейно-нравственного противостояния. Конкретные этапы работы, предложенные экспертам: а) экспертная оценка системы ценностных суждений «за» и «против» рынка; б) дополнение набора ценностных суждений как в группе «рынкофилий», так и в группе «рынкофобий»; г) выяснение мировоззренческих оснований той и другой системы ценностных суждений; д) классификация нравственных конфликтов в современной ситуации; е) определение возможного поля консенсуса между рынкофобическими настроениями и аргументацией в защиту рынка.

В *инструментарий* гуманитарной экспертизы этот проект внес процедуру и критерии *конструирования экспертной системы*. И на стадии разработки «анкеты для эксперта», и на этапе нарративного анализа⁹¹ мы испытали гипотезу об экспертно-ролевой репрезентации внутри интересующего нас публичного дискурса. Учитывая строгую направленность опроса-консультации, мы условно исходили из приоритетности внутри социально-гуманитарного знания следующих экспертных специализаций (научных жанров): философия, социология,

⁹⁰ На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции (материалы экспертного опроса) / Под ред. В.И.Бакштановского. М.: Прометей, 1991.

⁹¹ См., напр.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Гл. 14.

этика, психология, филология. Кроме этого, были представлены и другие гуманитарные специализации – политология, правоведение, футурология.

В этом проекте нарабатывался и опыт *формулирования «заказа» экспертам* в тексте анкеты: «а) просим оценить полноту представленной в таблице совокупности ценностных суждений. Мы будем благодарны за все внесенные вами дополнения и коррективы. При этом мы меньше всего ждем от экспертов редакционных, стилистических и даже смысловых уточнений к предъявленным позициям. Нам важнее: б) дать анализ реальной “силы”, влиятельности того или иного совокупного суждения и связанного с ним образа рынка (антирынка). Мы, разумеется, понимаем неравнозначность сил “фобии” и “филии” в восприятии их моральным сознанием: “левая” колонка таблицы дана в опыте каждого либо как система догматов, либо через личную осведомленность о ситуации на рынке, в то время как “правая” – почти не дана в непосредственном опыте советского человека и поэтому может восприниматься как сумма “измов”; в) просим вас также дать комментарий относительно тех ценностных суждений, в которых сфокусированы наиболее острые проблемы современного нравственного конфликта; г) наконец, последний аспект нашего заказа на этот этап консультации: провести анализ мировоззренческих оснований (идеалов-ценностей-норм), детерминирующих социальное бытие приведенных суждений».

В НОЯБРЕ-декабре 1991 года по заказу Правительства РФ академическим Центром прикладной этики и организованным им временным творческим коллективом была проведена гуманитарная экспертиза вероятных последствий политического решения о либерализации цен. Запрос на гуманитарную экспертизу последствий либерализации цен был сформулирован заказчиком в двух аспектах. Первый из них, социально-философский, концентрировался в тезисе о либерализации цен как *первом шаге* в направлении к либерализации экономики, жизни общества в целом. В свою очередь, этот тезис сопрягался с оценкой либерализации цен как *«лучшего из худшего»*, что могут предпринять реформаторы в сложившихся обстоятельствах. Второй аспект, организационно-управленческий, фокусировался в тезисе о необходимости срочного испытания эффективности структур, созданных правительством России и, в случае их неэффективности, проведения опережающей управленческой коррекции.

Стремясь зафиксировать процесс формирования *инструментария* идеи-технологии гуманитарной экспертизы, выделим в этом

проекте⁹² феномен *интерпретации заказа*, которая выразилась в выборе в качестве предмета экспертизы «правил игры» переходного периода к правовому государству и гражданскому обществу, конфликтологии норм и ценностей взаимодействия субъектов рыночных реформ в ситуации формирующегося политического этоса гражданского общества. В соответствии с замыслом исследовательского коллектива, в аванпроекте экспертизы были сформулированы три гипотезы. Первая требовала экспертизы *моральной* допустимости идеи намеренности в формировании гражданского общества, т.е. известного проектирующего воздействия на самоорганизующийся в нормальных (естественных) исторических условиях процесс, и конкретных способов ее реализации в деятельности властных структур.

Вторая гипотеза – экспертизы возможности и целесообразности самого процесса прогнозирования поведения в условиях либерализации цен *не* в привычных как для заказчика, так и для большинства участников экспертизы социетальных характеристиках (профессиональных ролях, социально-демографических параметрах и т.п.), а в характеристиках морально-психологических, в этико-культурных идеализованных типах.

Предполагалось, что экстремальная ситуация, в которой окажется российское общество после «Дня X», будет соответствовать двум моделям поведения. И это не «сторонники» или «противники» реформ, «инноваторы» или «реваншисты», и даже не «рынкофилы» и «рынкофобы». Массовая ситуация может быть понята путем различения типов «человека рискующего» и «человека, стремящегося к гарантиям и стабильности», иначе говоря – *людей игры* и *людей порядка*.

Третья гипотеза заключалась в том, что для реализации идеи намеренности важно знание *реального этоса*, «правил игры» субъектов рыночных реформ и, что особо значимо, культивирование «честных правил» взаимодействия этих субъектов; способом выявления практикуемых норм и влияния на них является игровое моделирование поведения субъектов и органов государства и гражданского общества. В целом *игровое моделирование как метод* гуманитарной экспертизы рассматривалось как способ «проживания» различных моделей деятельности заказчика с целью стратегической коррекции его программы. Три элемента экспертной системы – «модель региона N», «экспертный кабинет министров», «гражданская экспертиза» – явля-

---

⁹² См., напр.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Гл. 15.

лись своеобразными «зеркалами», стимулирующими и организующими рефлексию заказчика.

ОБРАЩАЯСЬ к нашему опыту последних лет, выделим проекты, в которых более или менее наглядно проявились существенные признаки гуманитарной экспертизы, идентифицируемой как ноу-хау прикладной этики. В рамках проекта «Моральный выбор журналистов» была проведена серия экспертиз ситуации кризиса идентичности профессионального сообщества. «Катастрофа? кризис? рождение нового?» – эти варианты отражали типичные оценки ситуации, данные участниками экспертного опроса, которые, в свою очередь, были предложены для «экспертизы экспертизы» участникам проблемного семинара (и в экспертном опросе, и в работе семинара участвовали по большей части одни и те же эксперты). Придать рациональный характер экспертизе ситуации, смягчить катастрофичность либо цинизм настроений могло не столько даже напоминание о том, что тоску вызывают скорее *нравы*, чем собственно морально-должное в журналистской этике, сколько предложение авторов проекта профессиональному сообществу отрефлексировать современную профессионально-нравственную ситуацию СМИ в терминах *этоса* – «духа» и «правил игры» отечественной прессы. Речь шла о «понимающей экспертизе» – совсем не случайно название одного из выпусков «Тетрадей гуманитарной экспертизы» – «Медиа этос: ценности и “правила игры” регионального сообщества журналистов. Попытка понимания». Понимание в данном случае – конструктивно. Намерение авторов проекта – результаты такой экспертизы позволят профессиональному сообществу сконструировать «зеркало» («Свет мой, зеркальце, скажи...»), посмотревшись в которое отечественная журналистика сможет отрефлексировать специфику нравственной жизни постсоветского общества в целом, нравственной жизни журналистской корпорации – особенно.

В свою очередь, проведенная в рамках экспертизы диагностика послужила средством профилактики неадекватных результатов самоопределения профессионального сообщества к мировому и отечественному опыту саморегулирования, в том числе – опыту кодифицирования профессиональной морали журналиста. Акцентируя процесс формирования *инструментария* идеи-технологии гуманитарной экспертизы, отметим, что предпринятая в рамках проекта экспертиза практики кодифицирования этоса профессии дает возможность выделить здесь эффект связи идеи-технологии гуманитарной экспертизы с важной для этико-прикладного знания идеей *конкретизации* общественной морали в «малых» нормативно-ценностных системах. Этот

эффект «выращивался» в процессе экспертизы практики проектирования профессионально-нравственных кодексов, взвешивания экспертами аргументов «за» и «против» формата «Минимальный стандарт» как нормативной части кодекса профессиональной этики, который в практике саморегулирования сообщества журналистов часто ограничивается «правилами игры», «регламентами», «инструкциями» и проч. проявлениями *параэтики*, и конкретизировался «интервалом эффективности» инструментализации нормы: пока такая процедура оставляет субъекту возможность выбора и решения, пока выбором рекомендуемого «стандартом» конкретного решения, средства, действия прямо или косвенно затрагивается какая-либо нравственная ценность.

* Проект «Самоопределение университета» представлял собой систему гуманитарных экспертиз ситуации самоопределения современного отечественного университета. Сконструированная под проект экспертная система рефлексировала как современную идею университета в ее глобальном и локальном (региональном) измерении, так и «анализ случая». Конкретным предметом гуманитарной экспертизы явились моральные дилеммы отечественного университета и модели его миссии.

Оба вида экспертизы – внешняя (приглашенные эксперты) и внутренняя (эксперты, представляющие инициировавший экспертизу университет) – особое внимание сосредоточили на центральной *дилемме самоопределения*: университет – «хозяйствующий субъект» или научно-образовательная корпорация? научно-образовательная деятельность университета: «сфера услуг» или *высокая* профессия? Прежде всего потому, что ее решение – ключ к формированию той или иной модели миссии. А выбор «той или иной» зависит еще и от того, чему отдаст предпочтение экспертиза: *менеджерскому* или *гуманитарному* видению модели миссии. Найдут ли экспертиза аргументы для ограничения интервала эффективности менеджерской парадигмы, трактующей университет с позиций теории управления организацией как хозяйствующим субъектом рыночной экономики» и полагающей, что основные идеи стратегического менеджмента не связаны никакими условиями с видом деятельности организации?

С точки зрения особенностей *технологии* в этом проекте отметим характерное – как и для экспертизы нравственной жизни журналистской корпорации – сочетание *внутренней* и *внешней* экспертизы, разумеется, с особым вниманием к рефлексии вовлеченных в проект сотрудников и студентов университета по поводу его миссии. Еще одна характеристика связи идеи-технологии с особенностями этико-

прикладного знания – обращение к *мировоззренческому ярусу* ценностного мира современного образования. Это проявилось в ориентации внутренней экспертизы на выведение языка самопознания за рамки категорий *прагматики и маркетинга* («функции», «услуги» и т.п.) и попытке перевести рефлексию на *язык смыслов и ценностей* («идеальный образ», «миссия» и т.п.). Результаты попытки видны уже из процитированного выше фрагмента проекта миссии.

* В проекте «Гражданское общество: этика публичных арен» предметом гуманитарной экспертизы стали *ценностные ориентиры* идеологии и практики изобретения и применения *социальных технологий гражданского участия*. Актуальность такой экспертизы была связана с заложенным в ней потенциалом *самопознания* двух значимых институтов гражданского общества – НКО и СМИ, входящих в Гражданский форум Тюменской области, и самого Гражданского форума, рассматриваемого в качестве социальной технологии взаимодействия власти и общества. Проблематизация экспертизы достигалась обращением к нередким случаям заблуждения, а то и самообмана, проявляющихся в идентификации и самоидентификации отечественных институтов гражданского общества.

Две экспертные процедуры проекта: (а) экспертный опрос руководителей некоммерческих организаций – участников Гражданского форума Тюменской области, призванный проявить позиции, суждения и оценки экспертов в отношении деятельности руководимых ими НКО, других НКО в Тюменской области, гражданской жизни современного российского общества в целом, работы Гражданского форума Тюменской области в том числе; (б) экспертиза ценностных оснований социальных технологий гражданской активности. В рамках первой процедуры отметим такой аспект рефлексии экспертов, как подлинность-неподлинность общественных организаций с точки зрения ценностей гражданского общества, в частности, самооценку своих НКО через «приложение» гипотезы о том, что бывшие советские организации, сохранившиеся и в «постсоветской» ситуации, нередко являются *квази-гражданскими* организациями, ибо, как и прежде, они сориентированы на роль «приводного ремня» от власти к объединенному в общественные организации *населению*. В рамках второй процедуры – «взаимного аудита» представителей тюменских НКО и СМИ – экспертиза была сконцентрирована вокруг проектирования совместной для этих институтов гражданского общества «повестки дня» общественных экспертиз.

С точки зрения особенностей *идеи-технологии* в этом проекте отметим *двухуровневое* «испытание выбором»: через *ценностное из-*

мерение направленности социальных технологий гражданского участия, во-первых, через искусство выбора методов гражданской активности – во-вторых. Прежде всего – «испытание выбором» такой технологии, как общественная экспертиза, предполагающая особую отрефлексированность своего инструментария. При этом речь идет об акцентировании ориентиров, которое не сводится к анализу этических *ограничений*, обычно накладываемых обществом на использование любых технологий, а предполагает выделение смысловых аспектов этих технологий. Смыслов, проявляющих не только прагматические *цели*, но и (не)согласование этих целей с *ценностями* гражданского общества: общественная экспертиза – не только инструмент деятельности институтов гражданского общества; она должна способствовать *развитию самих этих институтов*.

Глава 6

«“Законная” планета в кругу исчисленных светил»

Завершим (авто)биографический эскиз попыткой представить в сжатом виде теоретические результаты развития направления, обещанной в главе 4. Результаты далеко не окончательные: скорее о них стоит говорить с помощью образа, который мы предпослали характеристике этапов жизни нашей концепции в главе 3, – образа *дороги*, открывшейся в итоге уже пройденного *пути*. А рациональная интерпретация этого образа – в следующей ниже краткой расшифровке тезиса о вполне определенной интерпретации в нашем направлении смысла прилагательного *прикладная* применительно к существительному *этика*.

Напомним прежде всего, что эта интерпретация предполагает включение в поле рефлексии о природе прикладной этики обеих ее сторон – моральной практики и этического знания, взаимообуславливающих друг друга.

1. **Прикладная этика как нормативно-ценностная подсистема.** С определенной долей условности можно сказать, что современная *Вселенная морали* – это универсальное «ядро» нормативно-ценностной системы общества, вокруг которого вращаются *планеты* прикладных этик (моралей). Эти «планеты», нормативно-ценностные подсистемы, формируются в процессах *конкретизации* морали.

Подчеркнем: конкретизация морали – не просто неизбежная *детализация* норм и оценок, обусловленная спецификой той или иной сферы человеческой деятельности как предмета *приложения* морального универсума. Если концентрировать внимание исключительно на изменениях в артикулировании норм или даже в конфигурациях ценностей, – это будет лишь слабая версия *приложения*. Существует и сильная версия, толкующая о принципиальных превращениях морального феномена, сумма которых позволяет именовать обретенный в опыте культурной эволюции результат «*постестественной*», *рациональной (рационализированной)* моралью.

Освоение моралью сегментированного социума посредством *предваряющей* конкретизации *обогастило* мораль, и она была востребована многообразными сферами человеческой деятельности. Востребованной благодаря тому, что, предприняв «на первых порах» вынужденное «отступление» из неведомых ей прежде автономных функ-

циональных подсистем общества, мораль на стадии зрелости переходит к продуктивной «работе» в этих подсистемах, работе, которую предварило ее *приложение* к установкам, правилам, оценкам, обеспечивающим эффективность жизнедеятельности социальных подсистем.

Из какого духовного материала «лепятся» нормативно-ценностные подсистемы? Например, профессиональная мораль? В этической литературе и в работах авторов профилированных работ и учебных пособий, описывающих природу профессиональных этик (моралей), предполагается, будто с незапамятных времен существовала некая, уже *сложившаяся*, «общественная мораль». Затем при каких-то обстоятельствах от нее откололась, сепарировалась часть, которой предстояло лечь в основу нормативно-ценностных подсистем, практикуемых в различных профессиональных сферах; стать как бы «прикомандированными» для «обслуживания» указанных сфер.

В таком подходе дает о себе знать инертное, неотрефлексированное должным образом понимание и «общества» – как некой надприродной данности, а не сложнейшего итогового продукта длительной исторической эволюции, и морали. До определенной поры, пока из разрозненных, разнородных и многоликих общностей со своими локальными поведенческими правилами не началось становление общества и общественной морали *per se*, с их известным универсализмом, не существовало актуальной потребности в соответствующих обозначающих понятиях. И это утверждение отнюдь не является данью социолингвистическому пуризму – без осмысления всей совокупности социальных процессов и последующего их понятийного оформления невозможно понять происхождение и природу Современности и выйти к рациональной интерпретации прикладной этики.

Нормативно-ценностные подсистемы – *ровесники морали в ее развитом виде*. И общество, и мораль – феномены Современности: превращение «предобщества» в «общество», а «предморали» – в мораль представляет собой длительный исторический процесс, практически совпадающий со становлением гражданского общества, процессом модернизации и началом постмодернизации.

Таким образом, мы исходим из того, что в процессе *конкретизации* общественной нравственности ставится и решается вопрос о подлинном *развитии* содержания общеморальных повелений, запрещений и разрешений, о развитии формы морали, ее своеобразного «кода», типов нравственной ответственности. И результаты такого развития не могут быть извлечены из всеобщих представлений и правил по аксиоматической методике – в этом случае прикладная этика

имела бы дело лишь с элементарной *аппликацией*, в очень незначительной степени предполагающей *моральное творчество*.

Акт приложения-конкретизации выступает как *акт креации* прикладной этики (морали). Выделим в этом акте три момента.

* В процессе конкретизации возникает важная и сложная проблема перевода *идеально-должного* (вниманием к нему обычно довольствуется формальный анализ) в *реально-должное*. Мир идеально-должного, с его морально безупречной мотивацией, взаимодействует с миром реально-должного, с его смешанной по истокам и по итогам мотивацией, оформляясь в «сцеплениях» институциональных и безынституциональных регулятивов, моральных по происхождению и функциям норм, ценностей, санкций и т.п. с множеством иных регулятивов – правовых, политических, экономических и т.п. и рождая тем самым множество конфликтов с обычно неясными, подчас спорными схемами их разрешения. При этом актуализируется проблема этической аутентичности инфраструктуры «малых систем», например, профессионально-нравственных кодексов. Отсюда необходимость в процессе этического проектирования профилактировать подмену кодексов «регламентами», «функциональными стандартами» и т.п.

* В эпоху Высокого Модерна отодвигаются «на периферию» традиционные сегменты социума типа «производственных», «сервисных» и на передний план выдвигаются выходящие за профессиональные рамки медицины проблемы биоэтики; территориальные сегменты социума с этикой «низового» соседства; сегменты публичных гражданских отношений со сложным соподчинением прав человека и прав гражданина, с этикой новых солидарностей; виртуальный сегмент с его этикой дробления рациональности на техническую и коммуникативную (Ю. Хабермас) и т.д. Мультикультурность продуцирует новые возможности развития прикладной этики в радикально меняющихся измерениях социума. Таков один из возможных прогнозов развития прикладной этики как составной части *моральной онтологии*.

* В акте креации «малых систем» повышенную роль играют *институционализованные субъекты этики публичных арен*: профессиональные ассоциации, группы внепрофессиональных мнений, центры этической экспертизы, этические офисы бизнес-компаний, организации публичного контроля, действующие на основе специализированных кодексов этические комитеты и т.д. В то же время этика публичных арен не отменяет *последнюю инстанцию* морального выбора – индивидуальное решение. И конечно, в акте креации особую роль играет этико-прикладное знание.

2. Этико-прикладное знание. Многие исследователи предпочитают понятию «прикладная этика» понятие «практическая этика»

либо из-за неудовлетворенности зачастую применяемым *аппликационным* смыслом первого из них, либо из-за концентрации внимания на том общем, что есть у «практической этики» с этикой прикладной, без исследования их видовых отличий. В итоге «за кадром» остается содержание понятия, связанное с актом собственно *приложения* применительно к связи этического знания с практикой морали. Аналогичная ситуация и в случае предпочтения исследователей понятию «прикладная этика»: и здесь особенности собственно *прикладной* этики, связанные с характеристикой акта *приложения*, остаются вне сферы специального внимания. Более того, идентификация прикладной этики как этики *открытых вопросов* скорее расширяет предмет первой (и в этом ее эвристичность), чем говорит о природе *приложения* этического знания и на самом деле оставляет смысл *акта приложения* тождественным смыслу *практического применения* этики.

Одно из объяснений – неотрефлексированность *интервала эффективности* формулы «этика – практическая философия». Мы полагаем, что она недостаточно эвристична для знания, которое в своей практичности исторически уже развилось до миссии и функции прикладного, в том числе проектно-ориентированного, технологизированного и т.п. Предмет же для этико-прикладного знания как второй ипостаси прикладной этики создает не вообще мораль, а прикладная этика в ипостаси нормативно-ценностной подсистемы.

Существенная методологическая предпосылка формирования идентичности этико-прикладного знания – характеристика *акта приложения* через соотнесение универсальных характеристик «фундаментальная наука – прикладная наука», которые в *современных* подходах выводят на проблемы проектно-ориентированного знания, социальной инженерии, социальных технологий, фронезиса.

* В идентификации этико-прикладного знания применение науковедческой *оппозиции* «*фундаментальное знание – прикладное знание*» вполне эффективно.

Учитывая дискуссионность критериев для различения и связи этих характеристик, важно подчеркнуть, что прикладная этика не сводится к элементарной аппликации фундаментального этического знания; это скорее характерно для некоторых версий *практической* этики. Относительная самостоятельность прикладной структуры системы этического знания объясняется тем обстоятельством, что она не просто *использует* какую-либо информацию фундаментальных этических исследований, но создает фактически новое знание, преобразованное для нужд практики.

Этико-прикладное знание – это, во многом, *изобретение нового знания*.

* Характеристика *акта приложения* как условия формирования идентичности этико-прикладного знания конкретизируется при подходе к нему как виду *проектно-ориентированного знания*.

Аргументация этого тезиса опирается, во-первых, на трактовку *акта приложения* в современных методологических концепциях проектно-ориентированного знания, наглядно проявляющуюся при сравнении двух ситуаций. В первой речь идет о попытке применить уже существующее, «изготовленное для чего-то другого “знание”» *не по функции*, а «придельвая устройство, которое нам позволяет использовать полученную конструкцию как “приклад” или “протез”». Во второй ситуации вместо «изготовления протезов» «значима задача изготовления сразу того, что должно использоваться».

Во-вторых, прикладная устремленность проектно-ориентированного знания проявляется в подчинении *познания* нормативно-ценностных подсистем задаче их *развития*, в том числе через конструирование моделей инфраструктуры нормативно-ценностных подсистем, разработку технологий связи этического знания с моральной практикой, проектирование целевых и инструментальных блоков социально-управленческих программ (напр., кодексов и конвенций), институций экспертизы, принятия и исполнения решений (этических офисов фирм, этических комиссий ассоциаций и т.д.) и т.п.

При этом важнейшее «техусловие» освоения методологических предпосылок из внеэтических сфер знания – формирование особого стиля проектной деятельности в сфере прикладной этики, предполагающего опору на *моральное творчество субъекта*.

* Существенная методологическая предпосылка проектирования этико-прикладного знания – освоение *идеи фронеzisа*.

Рассматривая технологичность этического знания как один из ключевых факторов его квалификации в качестве этико-прикладного, а программы, эталоны, проекты, экспертные заключения, кодексы, этические комиссии, методики и т.п. продукцию прикладных исследований и разработок как «опредмеченную силу» прикладной этики, уместно интерпретировать их как *фронестические* технологии (на этапе создания и в процессе их применения).

Не забывая о том, что понятие «фронеzis» используется в различных методологических подходах и, соответственно, трактуется и употребляется далеко не однозначно, выделим разделение Гадамером технического и гуманитарного ноу-хау, различение элементарной *аппликации* знания как технической процедуры – и *интерпретации* как творческой конкретизации.

Для нас *идея фронеzisа* – один из гносеологических и социо-

культурных идеалов этико-прикладного знания, не просто профилирующий риск его технократической интерпретации при освоении достижений проектно-ориентированного знания, но и дающий основание для интерпретации технологий приложения этического знания как *этического ноу-хау*. В целом освоение идеи фронезиса в прикладной этике – знание-умение в сфере морали, сильно ориентированное на индивидуальность приложения – проявляется и в *мягком теоретизировании* (например, в этике воспитания), и в мудрости индивидуального морального выбора, и в технологиях связи первого со вторым. Идея фронезиса эвристична не только в процедуре применения нормы к конкретной ситуации, в чем, кстати, весьма успешна модель этики как «практической философии», но и в разработке технологий прикладной этики – этического моделирования, экспертизы, проектирования и т.п. Так, например, фронеистична технология этической экспертизы и консультирования, снимающая противоречие между абстрактно-научным знанием и собственно практическим умением: диалогическая, «понимающая» природа фронезиса предполагает не просто передачу «готового» результата научного исследования для «внедрения», но совместный (эксперта и субъекта, принимающего решение) поиск решения проблем.

* В арсенале нашей концепции выделим идею морального выбора как *modus vivendi* прикладной этики. Суть идеи: в природе морального выбора содержится важнейшая *предпосылка* формирования и развития прикладной этики в обеих ее ипостасях. *Сущностная предпосылка*: ситуация выбора – универсальная структура *приложения*.

Ситуация морального выбора – предпосылка *креации* прикладной этики (морали). Во-первых, потому, что предполагает выбор в пользу моральности и акт самоопределения субъекта к той или иной системе нравственных ценностей. Во-вторых, потому, что предполагает *акт приложения* как *конкретизации* универсальной (общеобщественной, общечеловеческой) моральной системы *применительно к «малым системам»*. В-третьих, потому, что выбор является *актом конкретизации морали в поступке*. В-четвертых, потому, что в ситуации выбора содержится запрос на «фронезис», «этическое умение» в сфере принятия моральных решений; запрос, который по мере развития и практики, и теории морали, становится существенным моментом этико-прикладного знания (вторая ипостась прикладной этики).

Однако в природе морального выбора мы видим не только *предпосылку*, но и одно из *оснований* прикладной этики, *способ ее существования*. И, может быть, даже так: способ существования прикладной этики как науки и искусства морального выбора. Морального выбора как *науки и искусства приложения*.

Приложения как рациональной процедуры конкретизации морали в ипостаси *нормативно-ценностной системы*. Рациональной процедуры морального творчества. Рациональных оснований: предпочтения субъектом, принявшим саму моральность, в пользу нормативно-ценностной системы гражданского общества (этика гражданского общества, «постестественная», рациональная мораль); самоопределения субъекта, принявшего нормативно-ценностную систему гражданского общества, к ценностям и нормам той или иной конкретизированной морали – в рамках изобретения гражданским обществом «малых систем»; выбора, совершаемого субъектом в такой ситуации приложения, как нормоприменение (в том числе морального решения в ситуациях нравственного конфликта). И не только в ситуациях, характерных для «малых систем», но и, в *допустимой мере*, ситуациях нравственной жизни индивида.

Что касается *ответа* прикладной этики (в ипостаси *проектно-ориентированного этического знания*), то он выражается в виде обеспечения рациональных оснований выбора субъекта посредством «технологического» – моделирующего, экспертирующего, проектирующего, консультирующего и т.п. – потенциала этико-прикладных исследований и культивирования фронестической способности субъекта.

Не случайно одна из наиболее разработанных нами прикладных этик – журналистская – представлена в монографии с названием «Моральный выбор журналиста».

* Характеризуя еще одну структуру этико-прикладного знания, – технологии исследования прикладных этик (моралей), во-первых, технологии проектирующего воздействия результатов этих исследований на практику «малых систем» – во-вторых, мы считаем *риторическим* вопрос о том, может ли и должно ли этико-прикладное знание дать моральному субъекту нечто большее, чем квалификацию ситуации морального выбора как «бремени», передав ответственность за выбор всецело самому субъекту. Уточним: передать ответственность за выбор всецело самому субъекту этико-прикладное знание не только может, но и должно, – чтобы не подменить нравственные искания личности, сообщества, общества в целом. Но вполне может – и должно – не позволить себе «умыть руки». Может и должно создавать многообразные технологии приложения.

В нашем опыте разработаны и внедрены в практику основные технологии этико-прикладного знания. *Этического проектирования* (например, корпоративной институции профессионально-этической экспертизы «Центр медиаэкспертизы», в соавторстве с Ю.В. Казако-

вым) или этической комиссии профессиональной ассоциации в «несудебном» – консультативном формате. *Этического конструирования* (например, конвенции профессионального сообщества журналистов или миссии университета). *Этической экспертизы* (общественной, гражданской); один из примеров – экспертиза проекта этнонациональной политики в регионе. *Этического консультирования* ассоциаций и организаций (например, рефлексии ценностных ориентиров технологий гражданской активности НКО – таких, как общественная экспертиза, переговорная площадка, гражданские экспедиции, гражданский контроль, общественные дебаты, общественные слушания и т.п.). *Этического моделирования* (серия этико-прикладных игр, применяемых в большинстве наших проектов). Технология *управленческого воздействия* на нравственно-воспитательную деятельность (на примере трудового и учебного коллективов). Технологии учебного (в рамках «этического практикума») и исследовательского «кейс-стади» (самопознание образовательной и журналистской корпораций).

Один из важных аргументов в пользу идентификации технологий прикладной этики как *этических* связан с развитием в них потенциала *испытания выбором*, который проявляется в каждой из технологий прикладной этики. А особенно – в игровом моделировании, являющимся в нашем опыте элементом и экспертизы, и консультирования, и проектирования, и образования и т.д. Этико-прикладные *игры* – способ включения лиц и групп, принимающих решение, в *ситуацию морального выбора*, стимулирующую этическую рефлексию.

Заключение
**«Нажмите на "стрелку",
чтобы увидеть правильный ответ»?**

В одной из своих последних работ мы уже отважились предположить появление в ближайшем будущем в учебниках для магистров прикладной этики теста на выбор интерпретации базового понятия избранной ими специализации, содержащего набор следующих альтернатив:

А) прикладная этика – современная разновидность практической этики, предметным полем которой являются открытые моральные проблемы;

Б) прикладная этика – практическая этика, предметным полем которой являются конкретные виды человеческой деятельности;

В) прикладная этика – применение этических концепций к частным ситуациям;

Е) прикладная этика – нормативно-ценностные подсистемы, конкретизирующие мораль (этика бизнеса, журналистская этика, биоэтика и т.п.), и теория конкретизации морали, проектно-ориентированное знание, фронестические технологии приложения.

Какой вариант будет предложен в качестве *правильного*? В современных отечественных учебниках по этике доминирует версия А. Пока? Скептически относясь к *самому методу тестирования*, мы включили в тест и свою версию – Е. Включили, предполагая возможность более сложного выбора из множества версий: выбора, основанного на определении «интервала эффективности» каждой из них. «Интервала», одним из критериев которого является испытание разных версий анализом их реального эффекта в исследовании конкретных «малых систем», а также разработкой know-how прикладной этики. Свои результаты такого рода испытания мы предъявили в (авто)биографии направления, дальнейшую судьбу которого при сверхоптимистичном настроении можно представить поэтической строчкой о «*законной*» планете в кругу исчисленных светил.

Приложение 1 В зеркале критики

А.И.Титаренко

Задачи развития тюменского опыта прикладных этических разработок⁹³

...Основное, центральное звено, которое позволяет оценить тюменский эксперимент столь высоко – как новый, перспективный, заключается в специфике решения им морально-этических проблем, органически соединяющего в себе «трех китов»: исследования – разработки – внедрение.

...Здесь оказываются органически объединенными: а) непосредственный, живой «зондаж» морального состояния коллектива, то, что традиционно представлено в конкретных этических исследованиях, проводимых с помощью методик анкетирования; б) своеобразное «возбуждение» моральной активности членов коллектива, заинтересованно вырабатывающих от этапа к этапу все более точную нравственную оценку явления, согласующих и уточняющих общие моральные ориентиры и критерии совместной жизнедеятельности, устраняющих различные поверхностные, иллюзорные моральные предубеждения и разноречивые в оценках, столь характерные для стихийного, обыденного сознания; в) выработка и принятие моральных кодексов жизни трудовых коллективов, выступающих в виде повседневных программ поведения.

Единство этих трех сторон невозможно недооценить. Если первый аспект представлен в нашей этике в виде конкретных этических исследований с традиционной методикой, то второй – почти не представлен, оттеснен скорее куда-то в область педагогики, а третий отдан полностью в руки тех, кто «по должности» обязан «воспитывать» людей в коллективе. А ведь эти три аспекта – это три звена связи этики с жизнью, только и составляющие единую цепь этой связи. И дело не в последовательности даже – можно, например, в теории начинать с реально сложившихся в нравах моральных кодексов коллективов, а в единстве этих аспектов. Исследование реального состояния нравственной жизни коллективов может остаться только описанием, если его результаты не станут ориентирами их деятельности (хотя бы в

---

⁹³ См.: Опыт прикладных исследований и разработок, их экспериментального внедрения в управление воспитательной работой. Тюмень, 1983. С. 268.

виде «кодексов»); однако предложение самых идеальных кодексов может выглядеть как умозрительное прожектерство, парящее над реальной нравственной практикой; эти две стороны (условно говоря, дескриптивная и нормативная) оказываются саморазорванными, если потеряна их связующая ось – сам процесс моральной активности субъекта деятельности, коллектива.

То, что эта ось не потеряна в опыте тюменских этиков, и придает особую творческую перспективу их смелому начинанию...

Ф.Н.Щербак
Послесловие⁹⁴

...Автор данной работы в полной мере осознает необходимость дальнейшего уточнения предмета «прикладной этики», ее статуса в общей системе этических знаний и форм взаимодействия со смежными областями. Автор не отрицает практической значимости профессиональной, нормативной, педагогической и т.д. этики, но исходит из необходимости более четкой фиксации их «прикладного уровня», справедливо настаивая на разграничении: 1) общей направленности этики к практике; 2) сфер нравственной жизни, к которым применяется этика; 3) прикладной структуры среди других структур этики. В порядке обсуждения круга этих вопросов хотелось бы высказать некоторые пожелания уточняющего характера.

Объектом этических приложений в конечном счете всегда является сфера нравственной жизни, мораль. Реальное противоречие состоит в том, что установка на конструирование особой области этического знания, непосредственно направленного на приложение этих знаний к практике по циклу «исследование – проектирование – внедрение», наталкивается на вопрос о границах сознательно организованного воздействия на область нравственной жизни. И здесь со всей очевидностью выявляется важное обстоятельство, состоящее в том, что далеко не все аспекты нравственной жизни можно проектировать, ибо проектировать можно лишь объекты, а человек никогда не может быть только объектом, он одновременно выступает как субъект нравственной жизни.

Что же в таком случае проектируют и внедряют представители прикладной этики? Судя по их заявлениям, речь идет о «реальном проектировании в сфере морали» (с. 54). Но так ли это? Думается, что проектируется все же не «сфера морали», а собственные действия

---

⁹⁴ См. в кн: Бакштановский В.И. Этика как «практическая философия»: традиционные образы и современные подходы.

этиков и действия тех, кто занимается нравственным воспитанием. И это, как уже говорилось выше, чрезвычайно важное и полезное дело. Но было бы слишком опрометчивым считать, что можно проектировать творчество, целеполагание и целеосуществление «в сфере морали».

Иначе говоря, нельзя подменять два принципиально различных вопроса. Внедрение моральных кодексов, аттестации, деловых этических игр и т.д. не есть еще проектирование реальных нравственных процессов, ибо последние реализуются по своим законам, законам жизни, а не по воле проектантов. В лучшем случае мы своими организационными и воспитательными действиями можем способствовать осуществлению этих процессов, но не подменять их.

Суть дела не должна заслоняться тем обстоятельством, что, организуя и воспитывая, мы можем добиваться реальных изменений в сфере нравственной жизни. Но при этом важно помнить, что «автором» (субъектом) нравственной жизни во всех ее проявлениях является сам человек. Если это так, то надо признать, что вся практика разработок и внедрения методик, кодексов, деловых этических игр и т.д. есть не что иное, как процесс обучения, способ повышения нравственной культуры управления, а не способ «организации нравственных исканий личности, поиска и выбора ею ценностей, идеалов, норм, решений, обретения позиции». Следует поэтому подчеркнуть: существует принципиальное различие между моделями (проектами) моральной деятельности и самой этой деятельностью. Последняя представляет собой реальный процесс морального творчества, которое осуществляется в самой практической жизни, а не в условиях ее имитации. С этой точки зрения любая этическая игра имеет вторичный и подсобный характер. Главное поприще морального творчества – это реальный процесс жизнедеятельности коллективного труда, строительства новых форм общественной связи между людьми. Механизмы выявления и кристаллизации этих связей, осознания их нравственного смысла далеко выходят за рамки деловых этических игр составления кодексов и проведения аттестаций.

Смешение указанных аспектов чревато серьезными издержками. Если мы признаем, что автором нравственных действий выступает сам человек, то мы не можем и не должны идти по пути такой детализации нравственных норм, которая не оставляет личности никакой свободы выбора. «Прикладная готовность» наших предписаний, кодексов, методик будет неизбежно оборачиваться этическим формализмом.

Важно отметить и то, что специфика нравственных норм и предписаний как раз и состоит в том, что последние содержат (и не могут

не содержать) в себе момент неопределенности. В этом смысле нравственная норма существенно отличается от технических правил, поскольку предполагает творческую активность со стороны субъекта. Момент «неопределенности» (вариативности) нравственных требований – не недостаток, а огромное преимущество и специфика моральной реализации. Вот почему «прикладную готовность» этического знания нельзя связывать лишь с детализацией нравственных представлений. Обмен живым опытом воспитательной работы, умная этическая пропаганда, обращенная непосредственно к личности, являются не менее практичными, чем детально расписанные кодексы и проекты.

И последнее. Признавая огромную роль организации и управления в деле нравственного воспитания, нельзя рассчитывать на то, что можно как-то совершенствовать нравственную жизнь, не усовершенствуя жизнь вообще. Как бы ни были важны сами по себе наши организационные усилия по повышению культуры управления, как бы старательно ни отработывали мы методику аттестации и т.п., их явно недостаточно для реальных изменений в сфере нравственной жизни.

Понимание указанных обстоятельств является необходимым условием эффективности большой и плодотворной работы, которую проводят представители «прикладной этики». Автор в полной мере осознает отмеченные сложности и трудности предпринятого эксперимента. В конечном счете дело не в сторонних рекомендациях, а в том реальном опыте, который уже накоплен и который явственно заявил о себе практическими делами, плодотворным сотрудничеством ученых и практических работников тюменских предприятий, интересными публикациями.

Г.С.Батыгин
Между долгом и пользой⁹⁵

Рец. на кн.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства. Т.1-2. Томск: Изд-во ТГУ. 1982.

Морализирование – удел неудачников либо удобная форма камуфляжа для отъявленных проходимцев. Это резюме не общепринято, но вряд ли стоит сомневаться в том, что в жизни есть места, куда моралисту вход не то чтобы запрещен, а скорее нежелателен, потому что самим фактом своего присутствия он может привести тамошних обитателей в немалое смущение. Впрочем, многие моралисты научились оставлять добродетель у порога таких мест и тем самым заслужили привилегию участвовать в бомонде.

Нет нужды осуждать тех, кто выходит за пределы морали, желая получить удовольствие. Важно установить существование порога и, если брать шире, зоны обитания морального суждения. Были времена, когда, опираясь на чудо, тайну и авторитет, мораль контролировала почти всю вселенную (Дике – богиня справедливости не могла позволить и солнцу уклониться от предзаданного пути), оставляя для своеволия лишь сумрак подсознания. У нее хватало желаний, а часто и силы держать шевелящихся в подполье монстров под надежными замками табу. Когда Просвещенческий энтузиазм разрушил sacramентальные устои авторитета и власти, монстры стали появляться при свете дня, и общественность смогла убедиться, что они приятны в общении и, более того, чертовски привлекательны. Один из таких явился в свое время к герою «Доктора Фаустуса».

Они – просветители – доказали, что мораль лишь по недоразумению воспринималась в качестве эпифеномена запредельного, на самом же деле она наряду с политической властью и иными формами регуляции (именно регуляции!) несет в себе полезную функцию. Отныне мораль приобретает место-зону в мире всеобщей полезности. Тем самым и ответ на вечный вопрос об оправдании добра приобретает завершенную форму: мораль существует, ибо она полезна.

Теоретическое обоснование этой хитрой контаминации лучше всего представлено новоевропейской индивидуалистической философией. В локковско-бентамовско-спенсеровской традиции принято квалифицировать как моральное все то, что приносит удовольствие, а наивысшее удовольствие приносит, конечно, чувство исполненного долга перед общественностью. Коль скоро единственной движущей

---

⁹⁵ См.: Свободная мысль. 1993. № 8. С.122-124.

силой индивида остается «аппетит», мораль уже не находит иного источника легитимации. Следует отдать должное трезвости британских моралистов. Спенсер, завершивший эту классическую традицию, признал, что совпадение удовольствия и долга вряд ли возможно в нынешнем состоянии общества, поэтому следует ждать грядущего «этического состояния».

Итак, есть два пути: широкий и узкий. Надо выбрать один из них, потому что нельзя служить двум господам, нельзя соединить несоединимое. Если так, то огонь древней альбигойской ереси получает новую силу: «Или – или...». Но возможен ли, скажем, «средний» путь? Не между высоким и низким, а самостоятельный путь, точнее, способ такого прохождения по пути широкому, как если бы он был узким: речь идет об этической экспертизе прагматических задач. В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов берут на себя решение сизифовой проблемы. Они развертывают идею «честной игры» – прикладной этики, принципы и техника которой отработаны авторами в деталях. Надо указать, что их новому двухтомнику предшествовали «опыты» этической экспертизы в сфере политической деятельности. Это книги – «Введение в политическую этику» (Москва, 1990), «Выбор будущего» (Томск, 1991), «Правила игры. Политическая этика в гражданском обществе» (Москва, 1991).

Коль скоро Бакштановский и Согомонов соединяют несоединимое, они должны отстраниться от романтической трактовки морали, гиперморализма, признающего лишь добро высшей пробы – беспримесное. Авторы исходят из историко-этической концепции форм нормативной регуляции общественной жизни, концепции, соотнесенной с традиционным и индустриально-урбанистическим типами цивилизации. Первый тип, основанный на сакраментальной сословно-корпоративной структуре и патерналистском контроле, не оставляет места для частной жизни. Второй тип цивилизации создает универсальные нормы рациональной этической регуляции, вытекающие из приоритета частных интересов. Собственно говоря, мораль как форма определенного выбора поведения достигает своей зрелости только при условии автономизации личности. Смыслообразующее ядро, которое и делает этику предпринимательства (в широком смысле, охватывающем все бытие в мире «полезностей») этикой, а не просто правилами игры, – это свобода личности. «Таким образом, нравственный образ жизни и нравственность каждого поступка не навязываются (коллективом, общностью, организацией, царями, вождями и иными опекунами, «воспитателями»), а опосредуются стремлением граждан к свободе и, стало быть, оказываются итогом собственных нравственных исканий

и автономного “морального выбора”, всего того, что называется духовным суверенитетом личности» (т. 1, стр. 54).

Рассмотренная в филогенетическом ключе мораль связывается со становлением гражданского общества, которое являет собой принципиально иной, нежели корпоративно-сакральный, ценностный мир. Новые цели, например богатство как универсальный стандарт жизненного успеха, предполагают легитимацию и новых средств их достижения, в том числе таких, которые в рамках предшествующей этической картины мира считались аморальными: накопительство, расчетливый эгоизм, соперничество, отношение к людям как средству для достижения собственных целей, скептицизм. Если добавить к данному перечню уважение частных интересов, отказ от насилия и личную ответственность, мы сформируем, если угодно, этический синдром гражданского общества. ...Переход от политической культуры патриархального типа к партиципационному окончательно определился только в новоевропейском мирозерцании, когда легитимация политической системы стала сопрягаться с «суверенитетом народа». Нормы поведения в ходе просветительской революции стали приобретать универсальный характер и при этом отношения соперничества не превращались в войну всех против всех. Бакштановский и Согомонов пишут, что выигрыш не ведет здесь к тотальному попранию интересов проигравших. «Презумпция честной игры такова: принятие всеми ее участниками гуманистических ценностей не только в качестве побудителей к политической деятельности, но и в качестве ее же ограничителей, способность сбалансировать то и другое, а также понять, где и когда надлежит отказаться от применения правил целесообразности (в первую очередь самого страшного из них – “по отношению к врагу дозволены все средства!”) в пользу гармонизации с императивами Добра» (т. 1, стр. 36).

Рассматриваемый сдвиг в системе целеполагания выходит за рамки нравственных ценностей и являет собой симптом изменения «образа мира» в целом. Западная Европа осуществила переход к целерациональному типу жизни в XVII – XIX столетиях, пройдя через кровь революций. Аналогичный процесс претерпевает в конце XX века Россия: новые декларированные цели частного предпринимательства осуществляются в условиях аномии – отсутствия социально и этически признанных средств их достижения. Стандарты трудовой (корпоративной, распределительной) этики не согласуются с этикой предпринимательства. Более того, достижение успеха в условиях аномии соотносится с принятием асоциальных стандартов в качестве своеобразной нормы. Обращение к знаменитой статье Р. Мертон «Социаль-

ная структура и аномия» (1938) поможет нам прояснить данную ситуацию: асоциальное поведение вызывается к жизни институциональными ценностями культуры и классовой структурой, сопряженной с различным доступом к возможностям законного, придающего престиж достижения обусловленных культурой целей. Иными словами, причина аномии заключается не столько в недоступности целей (богатства, власти, образования), сколько в недоступности «нормальных» средств достижения существующих в группе стандартов успеха. Дисбаланс целей и средств приводит, например, к тому, что преимущество в достижении «новых» целей получают маргинальные группы, – те, кто менее всего связаны нормами табу, статусными обязательствами и этическими условностями. Форту в бизнесе получают «рисковые люди», «джентльмены удачи», наиболее удобной формой существования которых является высокая социальная мобильность. «Встречное» требование предъявляет к ним стандарт успеха: на данном этапе перехода к рынку более всего необходима раскованность (в том числе этическая) и минимальная зависимость от каких-либо институциональных, вне рыночных обстоятельств. Вполне понятно, что авангардную роль в «новом классе» играют люди, которых Р. Парк вслед за Г. Зиммелем называл «чужими». Они начинают делать свою игру, будучи свободными от институциональных обязательств, а также «местных» норм, и добиваются успеха с несоизмеримо большей эффективностью, чем «аборигены», повязанные своими статусами. Как правило, именно из «чужих» формируются преступные корпорации. Так было в начале XX века в Чикаго, то же в конце XX века в Москве.

Что же представляет собой «честная игра» на российском рынке? Продолжающийся почти триста лет спор о «русском пути» в истории человечества обычно сводится к одной из двух версий: первая заключается в том, что Россия, по мере исторического развития, будет усваивать универсальные ценности западной цивилизации; вторая основывается на постулате самобытности «русского менталитета». Аргументы «самобытников» апеллируют прежде всего к этосу послушания – так в свое время определил «московский тип» русского человека Г. Федотов. Идея гражданского права не находит отклика в русской душе – из-за тяги последней к державности, к слиянию государства и общества, пренебрежения всем внешним и преходящим ради истинного и вечного. Д. Мережковский как-то заметил, что русский человек одержим страстью совлечения: он стремится совлечь всякую личину и всякое украшение с голой правды вещей. Соответственно, «русская этика» – это этика любви, в отличие от рассудочной благопристойности «немцев». Иногда русская «идея» предстает в виде саморазоблачения: трагедия усматривается в том, что Россия не

пережила ни одной реформации, которая бы утвердила труд в качестве «мирской аскезы»; если бы Достоевскому удалось стать Лютером, а Толстому – Кальвином, большевистская революция была бы предотвращена. Американский социолог Андреас Басе (перевод его статьи помещен во втором томе рецензируемой книги), развивая взгляд М. Вебера на несовместимость патримониальной российской государственности и мистически ориентированной иерократии с рациональной мирской аскезой, полагает, что даже русское сектантство не смогло создать капиталистической хозяйственной этики. В России не привилась идея господства над миром, поскольку отрицался сам мир как ценность, а вместо модели целерационального жизненного успеха принимался архетип Ивана-дурака, которому никакой умник не указ.

Концепция русской самобытности содержит исключительно важное для этического самосознания и нормативной регламентации экономической деятельности отграничение моральности от легальности. Это принципиальное различие было сформулировано Б.П. Выше-славцевым в 1914 году: к соблюдению внешней правовой регламентации можно принудить (субъект здесь не более, чем тело), а добрую волю можно только воспитать; мораль как последняя и высшая ступень царства свободы недостижима для права и лежит по ту сторону всего юридического; более того, не существует никаких моральных законов, ибо никакие общие правила не определяют нравственное самосозерцание индивидуума, его совесть. Таким образом, совесть находится по ту сторону «честной игры» и, если эта черта русского самосознания действительно существует, существует и реальная опасность ее выхода из подчинения правилам – ведь совесть не признает иного закона, чем самосозерцание. В итоге совесть как высшая инстанция превращает правила поведения (законы, обычаи, этикет, «честную игру» и т. п.) в нечто условное и эпифеноменальное – они оправданы лишь в том случае, если выполняются «по совести».

Универсалистские, «прозападные» версии этического обоснования рынка представлены в книге В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова фрагментами западных этиков и социологов. Некоторые из них можно резюмировать знаменитой сентенцией: «Рынок хорош только тем, что ему не найдено альтернативы» (Амартия Сен); в других фрагментах разворачивается теория нравственного обоснования рынка. Роберт Уатноу, социолог из Принстонского университета, трактует рынок как сферу нравственных обязанностей, выполняемых индивидом в обществе; именно на рынке формируется чувство индивидуального достоинства, лежащее в основании лояльности к экономической системе. Концепцию Уатноу можно воспринимать не только как этическое оправдание рынка, но и как рыночное оправдание этики. Эта

точка зрения отражает нынешний ренессанс идеи свободного предпринимательства в западной публицистике, переполненной уверенностями в высоких моральных ценностях бизнеса. Опять воспроизводятся нравоучительные формулы Б. Франклина, легенды о нравственной чистоте кальвинизма (Ричард Хубер), а также требования открыть талантливый, но бедный, доступ к хорошему образованию (Пол Джонсон).

На этом фоне выглядят в высшей степени реалистическими суждения о безразличии рынка (как техники жизни) к нравственному самоопределению. Основу этики предпринимательства образует «стандарт успеха» – некое смысложизненное измерение, в соответствии с которым оценивается и сам человек. Это измерение обладает универсальным масштабом: все те, кто не признают богатство, престиж и власть в качестве базовых ценностей, считаются «девиантами» (ретрестистами, маргиналами, придурками). Социум интерпретируется здесь как тотальная лестница, ступени которой обозначают социальные страты. Люди должны взбираться все выше и выше, зная, что выигрыш одного – это проигрыш другого. Жизнь превращается в респектабельное (по возможности) соревнование. Кто не участвует в нем, не участвует в жизни. Но Бакштановский и Согомонов усматривают этический компонент рыночного соревнования в общепризнанности определенных норм, которые не только оправдывают выигрыш, но обеспечивают интересы проигравшего.

Разрабатываемая авторами концепция опирается на постулат свободы личности как высшей ценности гражданского общества. Каким же образом преодолевается противоположение долга и пользы? В свое время Кант прокомментировал поговорку «Может быть, это хорошо в теории, но не годится для практики» применительно к императиву долга и пришел к жесткому заключению, что моральный поступок никогда не соотносывается с обстоятельствами. Классическая дилемма долга и пользы решается авторами не альтернативным предпочтением «полезного» варианта, а распространением свободной воли должностования на «деловой мир», который в этом случае превращается в «честную игру». Й. Хейзинга назвал такую игру *fair play* – эквивалентом порядочности. При этом он отличал честную игру от господства псевдоигры, когда доминирует полуграмотная масса и «состояние духа незрелого юнца, не связанное воспитанием, формой и традицией, в каждой области тщится получить перевес и слишком хорошо в этом преуспевает». Честная игра – это не только высокие принципы, но и скромная этика контракта, форма присутствия долга в пользе, мораль, ставшая повседневным рутинным трудом.

Каждая книга интересна не только тем, что в ней написано, но и как разворачивается тема. Стиль работы авторов можно с полным основанием определить как гуманитарную экспертизу. В результате вырисовывается широкая панорама социально-этических проблем предпринимательства.

Г.С.Батыгин⁹⁶

Рец. на кн.:

Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А.
Российская идея успеха: ведение в гуманитарную экспертизу // Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов, ЛПР / Центр прикладной этики. Вып. 10. Тюмень-Москва, 1997.

Принципиальная проблема, которая обсуждается в очередном, десятом, выпуске «Этики успеха», может быть сформулирована сакраментальным вопросом: «Успех или добродетель?». Обычно эта проблема решается в альтернативном ключе. Пытаясь преодолеть этический ригоризм и трансценденталистское понимание морали, авторы развивают мировоззренческую доктрину прикладной этики применительно к выбору культурных и ценностных оснований российского общества. В этом и заключается суть программы тюменского Центра прикладной этики и его журнала. Данный выпуск можно считать в определенной мере итоговым, поскольку упомянутая доктрина получила в нем развернутое освещение. Цель программы выходит за рамки академических исследований и связана с преодолением идейно-нравственного раскола России по оси «западники-патриоты». Как и в российской публицистике XIX в., нынешняя полемика сводится к вопросу: пойдет ли Россия по особому пути или ей предначертана интеграция в западную культуру? Естественным кажется акцент на нравственных основаниях «русской идеи» – речь идет прежде всего о поиске национальной идентичности, традиционно соотносящейся с «духовностью» русского народа. Острота полемики поддерживается убежденностью в необходимости идеи, которая объединила бы расколотое российское общество. По мнению авторов, такой объединяющей идеей является этика успеха.

Теоретические основания доктрины неординарны. Ее создатели развивают посткантианскую этическую концепцию, преодолевающую

---

⁹⁶ См.: Вестник Российской академии наук. 1998. Том 68, № 1. С. 90-93.

извечное противостояние долга и склонности, добра и пользы, и, следуя теории рационального выбора, играющей заметную роль в современной западной общественной науке, разрабатывают технологию гуманитарной экспертизы. Обосновываются решения в политической, предпринимательской, педагогической и других сферах практической деятельности, которые обычно трактуются как не имеющие прямого отношения к моральному выбору. Неординарность предлагаемой концепции заключается именно в том, что этика становится прикладной.

С некоторой долей условности современные общественно-научные концепции можно разделить на отстраненные от оценочных суждений и активистские, цель которых – пропедевтика определенных ценностей и формирование идеологий. При этом декларированная ценностная нейтральность не должна восприниматься слишком серьезно, поскольку она нередко используется в качестве средства продвижения на «рынок идей». Реже приходится сталкиваться с противоположным – развертыванием ценностно нагруженной доктрины. Вероятно, этот процесс отчасти обусловлен маятниковым эффектом. Деидеологизация социальных теорий, особенно популярная в период разоблачения советской версии марксизма, уступает место поиску идей и ориентиров, легитимизирующих новый социальный и экономический порядок. Доктрина этики успеха представляет собой вполне развернутую идеологию. Разумеется, на этом пути встречаются почти неизбежные опасности. Авторы легко преодолевают одну из них – сведение национальной идеи к ее этнонациональной и «государственной» версиям. Можно сказать, они зарекаются претендовать на «госзаказ», недвусмысленно отказываясь от претензии на государственную идеологию и ограничивая свои задачи выработкой ценностно-нормативной системы, поддерживающей солидарность российского общества. Искренность их намерений несомненна. Однако следует заметить, что до тех пор, пока сфера влияния (или, как принято сегодня говорить, поле) Центра прикладной этики не выходит за пределы интеллектуального сообщества и важных персон, выдвигаемая концепция постулирует главным образом морально-философские принципы. Но, рассуждая в терминах «объективной возможности», естественно предположить, что упомянутый центр становится федеральным учреждением и получает права государственного комитета. Тогда «кодексы» и «кредо» рискуют превратиться в нормативные документы, а безупречные нравственные принципы их создателей не смогут помешать утверждению прикладной этики в качестве настоящей идеологии.

Идея успеха рассматривается авторами как «практическая философия современности», способная по мере реформирования

страны превратиться в идею общенационального, общедемократического масштаба (с. 17). В ее основе лежит последовательная теоретическая концепция, с которой вряд ли согласятся сторонники этического ригоризма. Речь идет об ответственности не только за мотивы и цели действий, но и за их последствия, в том числе непреднамеренные. Ссылаясь на М. Вебера, авторы различают две ориентации этического действия: на убеждение и ответственность. Этика убеждения предписывает поступать так, как велит долг, не принимая в расчет возможные последствия поступка. Если же последствия действия, вытекающего из чистого убеждения, окажутся скверными, то действующий (актер) считает ответственным за них не себя, а мир, глупость других людей или волю Бога, который создал их такими (с. 121). Этика ответственности (консеквенциальная этика) переносит акцент с целей на последствия поступков. В этом случае этические предписания приобретают практический характер, и этика становится прикладной.

Анализ проблемной ситуации, связанной с поиском национальной идеи, подкреплен широким диапазоном мнений, которые представлены в современной отечественной публицистике. Этот раздел книги дает достаточно цельную картину полемики, развернувшейся вокруг интеллектуального поиска путей развития российского общества. Здесь можно обнаружить и «идеофобии», обоснованно трактующие стремление изобрести еще одну национальную идею как крайне опасную глупость (Д.С. Лихачев), и «идеофилии», связанные с попытками преодолеть социальные и культурные противоречия в российском обществе и сформулировать новые ценности (Л.А. Аннинский), и объективный анализ «госзаказа» на идеологию (с. 23-32). Впрочем, внимание акцентируется прежде всего на компромиссе между различными позициями, принципе толерантности и возможности комплексного обоснования социальных ценностей. Точки соприкосновения конкурирующих идеологий относятся скорее к области возможного, чем реального. Опираясь на мнение А.С. Ахиезера о закономерном формировании «гибридных идеалов» в результате культурного и социального раскола, авторы, вероятно, считают «этику успеха» одной из идеологических форм нового синтеза, позволяющей выработать общую платформу для участников публицистических столкновений. В качестве примера конвергентной позиции они приводят предложенную А.С. Панариным евразийскую интерпретацию морали успеха, которая являет собой альтернативу «опыту вестернизаторов», ослабляющему постиндустриальный потенциал российской культуры. По мнению Панарина, вестернизаторы «неутомимо преследуют все то, что не соответствует односторонне понятым императивам экономического либе-

рализма (культура, наука, образование), все те сферы, в которых концентрируется главный потенциал нации, поставлены в условия, предопределяющие их неуклонную деградацию» (с. 54). Очевидно, евразийская трактовка российской модели успеха обладает отчетливым конфликтным потенциалом, недвусмысленно указывает на врага – «западное эпигонство» – и поэтому имеет основания претендовать одновременно на роль доминирующей национальной идеи и моральной доктрины (в той мере, в какой последняя несет на себе печать морализаторства и поиска врага).

В своем стремлении к «коэволюции» и «конвергенции» различных версий национальной идеи создатели этики успеха не учитывают особенностей формирования совокупного идеологического текста. Прежде всего, как и любой текст, национальная идея имеет самодостаточный характер, то есть непосредственно не соотносится с различиями, релевантными для массового сознания, не говоря уже об интересах социальных групп. Иными словами, национальная идея возможна лишь постольку, поскольку существует смысловое поле, заданное газетно-журнально-телевизионными дебатами. Российское национальное сообщество в этом отношении представляет собой скорее многомиллионную аудиторию, чем «народ», обладающий мотивами и целями. Поэтому даже конвергентная национальная идея, на роль которой успешно претендует этика успеха, рискует остаться фактом литературной жизни России, в то время как «силы сокрытые» дают о себе знать именно тогда, когда этого не ждут. Следует также учитывать, что идеи, в том числе национальные, создаются публицистами, ремесло которых заключается в том, чтобы артикулировать явный и неявный конфликт.

Когда обсуждается национальная идея, рассчитывать на консенсус неправомерно, поскольку каждая доктрина нуждается в оппозиции. Иными словами, тезис о революции как опиуме интеллектуалов продолжает сохранять свою силу. Если не принимать в расчет почти стопроцентной грамотности и господства «голубого экрана», нынешняя ситуация в России в чем-то аналогична ситуации конца прошлого века. Столкновение народнических «платформ», полемика о «мужике» и «рабочем», высокие слова о правде-истине и правде-справедливости являли собой коды отрицания социального порядка и «правительства». Это отрицание, поддерживавшееся преимущественно нравственными аргументами, создавало основу, на которой достигалось взаимопонимание между сторонниками конституционной монархии и анархистами. Попросту говоря, ситуация, когда председатель

областного суда участвует в демонстрации ссыльнопоселенцев, и сегодня, как почти сто лет назад, служит типичным выражением национальной идеи.

Если национальные идеи существуют, то не в виде хорошо выстроенной и поэтому убедительной идеологической доктрины, а в виде мифа о нации. Здесь возникает вопрос: как создается миф? Одна из особенностей мифотворчества заключается в том, чтобы разгадать очертания уже существующего или по крайней мере созревающего мифа и сделать его явным. Среди полемических позиций, упоминаемых в книге, есть использованная Н.Е. Покровским метафора океана, с которым имеют дело проектировщики различных этик. «Мы касаемся некоего колосса, массива истории и культуры», – пишет Покровский (с. 51), и сама постановка такого вопроса наводит на мысль о шпенглеровских прафеноменах, живущих собственной жизнью.

Авторы именуют свои притязания на создание национальной модели успеха «дерзкими». Несмотря на уверения в конвергентности и диалогичности доктрины, она резко противопоставляется «люмпенизированному мифу» об успехе как беспроектной ставке в жизненной рулетке. Успех противопоставляется здесь удаче, иррациональной надежде на счастливый случай или милость начальства. В центре этой действительно дерзкой доктрины оказывается этическая составляющая успеха как индивидуального достижения при соблюдении «правил игры». Более того, этика успеха трактуется как символ современной цивилизации. Если в традиционных обществах социальное взаимодействие регулировалось преимущественно предписанными статусами и мораль была отделена от индивидуального успеха, то «открытое общество» формируется на основе «рациональной морали», а не на принципах абстрактного долженствования. Этика любви («возлюби ближнего как самого себя») уступает место конвенциональной этике ответственности («всякому воздастся по делам его»). Это различие имеет принципиальный характер для понимания мировоззренческой доктрины, развиваемой соавторами. Конвенциональная этика включает в сферу моральной ответственности не только мотивы, но прежде всего последствия действия, не позволяя автору считать себя морально безупречным тогда, когда его, казалось бы, добрые поступки приводят к «злым» последствиям.

Конвенциональные этические требования являют собой сверхзадачу – нужно знать последствия своих поступков, то есть обладать «хитростью разума», недоступной смертному. Этот теоретический постулат лежит в основе концептуального определения успеха, которое включает такие структурные элементы, как смысл, мотив,

цель и средство действия. Собственно говоря, принципиальное различие, вводимое авторами, заключается в понимании успеха не как пользы (этики-утилитаристы описывали этот феномен в терминах «удовольствие» и «страдание»), а как экзистенциальной ценности, рядоположенной с фундаментальными ценностями игры, труда, любви, смерти, господства (с. 91). Здесь возникает довольно сложная проблема интерпретации рационально осознанных целей и средств как экзистенциальных ценностей. Игра, любовь, смерть, труд, господство проблематизируются лишь в специфических смысловых контекстах, отграниченных от решений, принимаемых в жизненном мире. Иными словами, вопрос о том, как добиться успеха у женщин, требует не столько этического, сколько инструментального обоснования. Поэтому, преодолевая принципиальную несовместимость аксиологического и праксиологического измерений успеха, авторы рискуют получить «кашу с гайкой» – обнаружить внутри экзистенциально интерпретированного успеха противостояние морали и пользы. Исключения из этой контроверзы, явленные образами «счастливых неудачников», подтверждают правило.

Авторы достаточно отчетливо сознают, что этика успеха требует социологического обоснования: во-первых, анализа исторических форм успеха как жизненной ценности, во-вторых, дифференцирования видов деятельности, в которых наблюдается консистентность аксиологического и праксиологического измерений. В центре их внимания оказывается профессиональный успех, в котором цель функционально сопряжена с нормативными средствами ее достижения. В структурно-функционалистской традиции профессия уверенно интерпретировалась как «паттерн» нормативной регуляции поведения, исключающий какие-либо отклонения от ожиданий, в том числе тогда, когда возникает необходимость нарушить нормы ради самих норм. В «Этике успеха» последовательно проводится функционалистская идея, что нормально устроенное современное общество немислимо без установки на фундаментальную ценность профессионального успеха: «Профессиональный успех выступает не только универсальным критерием оценки любой личности, но и универсальным социопсихологическим мотивом и первоосновой для полновесной самоидентификации мобильной личности» (с. 104). Отсюда следует требование о реабилитации ценности успешного профессионализма. Вероятно, авторы считают эту ценность очевидной. Они убеждены, что профессиональная этика «не просто совпадает с объективной логикой функционирования подсистем и организаций, а обязательно требует

такого совпадения на основе определенным образом ориентированного поведения специалистов всех профилей, что и позволяет соединить нравственность с профессионализмом» (с. 144).

Действительно, сегодня найдется немного пишущих людей, которые всерьез воспринимают жесткие аргументы теоретиков «нового класса» от Бакунина и Махайского до Миллса и Горовица. Более респектабельны и популярны среди гуманитариев идеи Хабермаса о господстве «системы» и ее творцов-профессионалов над «жизненным миром». В любом случае обсуждение этических ценностей профессионализма может стать более осторожным и взвешенным, если учесть тезис о принципиальном аморализме интеллектуального освоения мира и превращении профессионалов в касту, диктующую «профанам» нормы результативной морали, среди которых может найти место и «этика успеха». Здесь опять возникает «каша с гайкой». Различение результата и успеха аналогично различению пользы и счастья: «В качестве успешных (либо неуспешных) оцениваются не только праксиологические аспекты человеческой деятельности, не только эффективные и результативные ее акты, но и, прежде всего, аксиологическая составляющая целей человека успеха» (с. 109). Решение контroversы выходит за рамки социологической модели – это дело нравственного выбора. Поэтому авторы имеют все основания говорить об этике успеха как моральной идее и ставить вопрос о том, кому она служит. Ответ на этот вопрос вполне прямолинеен: «Этика успеха революционизирует социальные структуры и отношения, “обслуживая” вовсе не “новых русских”, если под этим выражением понимать лишь известную часть предпринимательского и чиновничьего сословий, а новых в культурологическом смысле, т.е. “молодых русских”» (с. 162). Не вполне ясно, кто имеется в виду под «молодыми русскими», но, вероятно, за этой метафорой стоит «служение делу», основанное на «честной игре». Авторы ссылаются на исследования, фиксирующие группы населения с развитой коммуникативной рациональностью в поведении, которым присущи умеренные формы индивидуализма и солидаризма и в то же время нормы и ценности этики успеха. Возможно, операциональные параметры этики успеха остаются неясными. Но так или иначе в российском обществе происходит мобилизация индивидуалистических ценностей, сопровождающаяся формированием «контрактных» норм и соответствующих санкций. Пока общественное сознание вынуждено существовать в «расколоте» мире. Коллективистско-общинный идеал и связанные с ним патерналистские надежды утратили универсалистские претензии и могут занимать лишь одно из мест в культурном пространстве постсовременности.

Этика успеха, конечно же, не обладает очарованием морального ригоризма. Зато она практична и открыта, совместима с другими типами этоса и, по мнению авторов книги, преодолевает извечное противостояние «древних» и «новых».

Книга «Российская идея успеха» представляет интерес прежде всего поставленной в ней сверхзадачей – дать этическое обоснование национальной идеологии. Если доктрина получит признание и распространение, ее судьба может оказаться похожей на судьбу этических, религиозных и социальных доктрин, которые уже завершили свой исторический путь. В данном случае авторам, несомненно придерживающимся принципов этики ответственности, полезно помнить об объективных последствиях своих намерений, а также о судьбе великих доктринеров, не имевших возможности контролировать своих последователей. Если же предлагаемая доктрина не получит признание в качестве российской идеи, она останется примечательным событием в научно-публицистических дискуссиях 90-х годов.

М.В. Рац

Журналистский цех в современной России⁹⁷

...Цель редакторов (они же – инициаторы проекта, первый этап которого реализован в «Духе корпорации»⁹⁸) представляется точной: «уловить дух современного журналистского сообщества и по возможности оказать влияние на процесс нравственной рефлексии этого сообщества с точки зрения становления журналистской корпорации» (с. 6). Причем редакторы не говорят даже о влиянии на становление духа корпорации, а ограничиваются стимуляцией собственной рефлексии журналистов по этому поводу. И находят адекватный способ экстернизации этой рефлексии в форме диалога, «консультативного опроса экспертов».

Принятая составителями сборника установка на диалог, понимание и рефлексию в высшей степени плодотворна и отвечает духу нашего времени и состоянию мысли конца XX века. По сравнению с привычными большевистскими методами эта работа ювелирная.

Тем более, что и эксперты – не журналисты «вообще», а представители разных позиций в сфере СМИ: внутренних (главные редакторы и собственно журналисты) и внешних (лидеры профессиональных ассоциаций, исследователи и – особая позиция – разработчики

⁹⁷ См.: *Общественные науки и современность*. 1998. № 6.

⁹⁸ *Становление духа корпорации: правила честной игры в сообществе журналистов. Консультативный опрос экспертов / Под ред. В.И. Бакштановского, Ю.В. Казакова, А.К. Симонова, Ю.В. Согомонова. М., 1995.*

профессиональных кодексов). Текст книги структурирован соответствующим образом, и в итоге читатель получает объемную, многомерную картину представлений журналистов о связанных с темой вопросах, а редакторы книги – исходную позицию и материал для следующего шага – «экспертизы экспертизы», направленного не «вперед», а вглубь, в сторону «второго этапа реализации проекта, когда сами участники первого этапа смогут отразиться его итоги и когда в число экспертов второго тура будут вовлечены и новые авторы» (с. 361).

Здесь возникает несколько взаимосвязанных тем, обсуждение которых необходимо на следующем этапе и которые относятся по большей части к понятиям, лежащим в основе авторской концепции проекта, а вслед за тем и в основе представлений, развиваемых большинством экспертов – авторов сборника.

Первая и важнейшая из этих тем связана с вопросом о «свободной корпорации» как возможной форме профессионального сообщества. Вторая тема: о профессионализме вообще и журналистском профессионализме в особенности. Можем ли мы говорить о будущей организации множества уже существующих профессионалов – либо профессионализм как таковой предполагает наличие каких-то форм организации сообщества? Иными словами, надо различать профессионализм как личную характеристику и профессионализм как общественно значимое социокультурное явление. Третья тема: о правилах честной игры и журналистской этики, но взятых более широко – в контексте профессиональной культуры. Четвертая тема: функции или миссия журналистики в современном мире вообще и в России в особенности.

Разумеется, каждая из этих тем заслуживает отдельного обсуждения, и, надеюсь, оно осуществится в «экспертизе экспертизы».

Здесь моя задача скорее постановочная, «затравочная», и в ней отражается важнейшая особенность методологической критики, не претендующей на истинность, а ориентированной на проблематизацию обсуждаемых утверждений. В связи с этим подчеркну разницу между привычным нам обменом знаниями, информацией, характерным для научных конференций и совещаний, с одной стороны, и диалогом – с другой. Первая, в сущности кооперативная, форма организации предполагает обмен готовыми продуктами интеллектуальной работы, домашними заготовками, пополняющими запас знаний всех участников. Коммуникативная, напротив, ориентирована на возбуждение, индуцирование мысли оппонента по поводу высказываемых тезисов. Новые идеи не столько привносятся в диалог извне, сколько рождаются в диалоге, являются продуктом коммуникации, способствующей развитию ее участников.

Именно установка на диалог окажется наиболее плодотворной, во-первых, для дальнейшей работы над проектом, перерастающим тогда в программу действий; во-вторых, для формирования профессионального сообщества журналистов; в-третьих, для становления новой «коммуникативной» журналистики. Установкой на диалог объясняется и непривычная для научного журнала форма данного текста: не дескриптивная, претендующая на объективированное описание и объяснение неких процессов и явлений в обществе, а скорее перформативная (Дж. Остин), ориентированная на репрезентацию позиции автора и провокацию встречного самоопределения читателя, на наше общее включение в упомянутую программу действий, имеющую перспективу дальнейшего развертывания в ближайшем будущем...

С.В. Перминова

Перспективы этики успеха в современной России⁹⁹

Этическая проблематика – этика бизнеса, политики, журналистики, нравственной культуры общества в целом – все более явно выходит на первый план в современной России. В Санкт-Петербургском Доме ученых 25 мая состоялось организованное Международной кафедрой (ЮНЕСКО) по философии и этике в Санкт-Петербурге обсуждение итоговых материалов первого этапа масштабного проекта «Этика успеха», осуществленного в 1994-1998 гг. Центром прикладной этики¹⁰⁰. Речь фактически идет о глубоком и обстоятельном исследовании перспектив либералистской этики в России.

Проект представил один из его участников – заведующий Международной кафедрой (ЮНЕСКО) по философии и этике в Санкт-Петербурге проф. Тульчинский Г.Л., подчеркнувший исключительно важную роль в реализации проекта его организаторов – директора Центра прикладной этики проф. В.И. Бакштановского (г.Тюмень), проф. Ю.В. Согомонова (г.Владимир) и президента Финансово-инвестиционной корпорации «Югра» В.А. Чурилова. По мнению Г.Л. Тульчинского, несомненными результатами реализации проекта стали квалификация этики успеха, выявление составляющих успеха, различение успеха предпринимательского и успеха компетентных профессионалов, выявление природы энергетической неудачи, зачастую предстающей потенциалом будущего успеха, особенностей «успеха по-русски», в котором преуспевание слабо увязывается с трудовой деятельностью.

⁹⁹ См.: Этика современного воспитания. Ведомости. Вып. 11 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1998.

¹⁰⁰ Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Вып.1-11. Москва-Тюмень, 1994-1998; Ведомости НИИ ПЭ ТюмГНГУ. Вып. 1-10. Тюмень, 1995-1998.

Особое внимание в проекте уделяется природе и содержанию политического успеха¹⁰¹. В этой связи специальными предметами рассмотрения стали современная политическая этика и политический этос, этика российского президентства, депутатства, этос избирателя. Отмечая особенности и перспективы постсоветской этики успеха, авторы проекта прежде всего обратили внимание на роль СМИ в формировании нравственной культуры общества, на исключительную роль этики современного российского бизнеса, в котором перспективы либералистски ориентированной этики связываются с корпоративной культурой и духом корпорации, на возрастающее значение профессиональной компетентности, а значит, и успеха состоявшегося и востребованного профессионала. Для авторов проекта было важным показать, во-первых, что речь идет именно об этике успеха, т.е. об этической доктрине. Во-вторых, что доктрина этики успеха не является чуждой российской ментальности. И, в-третьих, что она адресована не столько «new russians», сколько новому российскому среднему классу, в том числе – предпринимателям и успешным профессионалам.

По мнению Г.Л. Тульчинского, традиционным заблуждением исследователей, проявившимся и в материалах проекта, является увязывание перспектив этики успеха и индивидуализма. Заблуждение это основано на односторонних наблюдениях за нравственной культурой западных обществ и упрощенно понятой М. Вебером в его анализе протестантской этики. Если в этом случае и можно говорить об индивидуализме, то как о проявлении зрелой социализации личности, об этике свободы и ответственности.

Б.И. Липский обратил внимание на некоторые особенности восприятия успеха в российской культуре, которые можно проследить на фольклорном материале (пословицы, поговорки, сказки, песни) и в литературной классике. Так, в пушкинском «Борисе Годунове» о Самозванце говорится, что он вор, а молодец. И вообще, не пойман – не вор. Важно не что ты делаешь, а как.

...Успех по-русски – это удача? Представляется, что речь идет о довольно архаической традиции, подробно описанной в «Золотой ветви» Д. Фрэзера, согласно которой вождь и правитель признавались соплеменниками только в том случае, если их удача переходила на все племя. Поэтому так важно оказаться около удачливого и отстраниться от неудачника. С этой точки зрения, успех – это то, чем можно делиться, что дает что-то окружающим, но это «что-то» отнюдь не ра-

---

¹⁰¹ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Тюмень-Москва, 1997.

бочие места. Именно такими представлениями об успехе и можно объяснить, например, отношение к новоявленным фермерам в российской деревне. Он чего-то добился, но он один, а нас много, и он не делится с остальными не только добром, а именно удачей. Тогда возникает вопрос: что есть удача? Очевидно, это не личные качества и не заслуга личности. Удача космична. Причем зачастую она оказывается даже не выполнением некоего замысла, а возникает вопреки ему. В сказках можно найти множество примеров такой удачи: что ни задумает Иван-дурак, все удастся с точностью до наоборот.

Есть удачливые люди и есть люди, которых систематически преследуют неудачи. Эта фактическая реальность подтверждается не только обыденным опытом, но и, как подчеркнул А.П. Ляликов, специальными исследованиями. Что же касается собственно обсуждаемого проекта, то, согласно А.П. Ляликову, вопрос об этике политического успеха просто лишен смысла, т.к. понятия этики и политики несовместимы в принципе. Этика политического успеха – это нечто вроде круглого квадрата или деревянного железа. Еще Аристотель подчеркивал, что политика есть отрицание этики, это система достижения цели, в которой хороши любые средства. С другой стороны, сама этика стоит вне политики.

В развернувшейся дискуссии были разведены понятия успеха как результата систематически организованной деятельности по достижению поставленных целей и удачи – того, что удалось в силу счастливо сложившихся обстоятельств. Было отмечено, что прочитывающееся в проекте соотношение удачи преимущественно с предпринимательством, а собственно успеха – с успешным востребованным профессионализмом – вряд ли оправдано. Многие участники обсуждения отмечали излишне усложненный стиль публикаций по проекту.

По мнению Г.А. Погорелова, квалификация успеха и удачи возможна также на основе различия детерминистского и вероятностного типов мировоззрений. В первом случае успех – то, что зависит от качеств личности, способности реализовать некий план, когда и сам план, и его реализация оцениваются людьми. Во втором же – успех предстает удачей, благоприятным случаем. По мнению З.Ю. Серой, удача – внеценностна, тогда как успех – всегда этичен. Но в политике вряд ли можно говорить об этической оценке успеха. Этические критерии применимы к успеху как награде за старание, но не применимы к удаче как к тому, что ловится, хотя, по ее мнению, успех включает в себя удачу, но как внеэтичную составляющую успеха. Что же касается «несовместимости» этики и политики, то точно такую же «несовместимость» можно обнаружить также и в соотношении этики и науки, этики

и искусства, этики и бизнеса. Все они – суть рационально (эффективно) организованные сферы деятельности со своими критериями эффективности: как результативности, так и затратности. Но, с другой стороны, все они представляют собой субкультуры со своим этосом, вплоть до двойной морали – для своих и чужих. Успех связан с созидательным началом, воплощением некоей позитивной идеи. Политический же успех эфемерен и зачастую не созидателен. ...По мнению Л. Волковой, православный никогда не добьется успеха, т.к. он ориентирован на благие пожелания, на авось, а не на мобилизацию личных усилий и эффективную деятельность. В этом плане показательно, что уже в нынешних российских условиях начинает вызревать идея честного бизнеса как наиболее прочного и результативного. О внерелигиозности успеха можно говорить именно на примере бизнеса, который, при всем своем цинизме и расчетливости, оказывается этичным.

Б.И. Липский охарактеризовал удачу как достояние общности. Отсюда и концентрация удачи на вожде в традиционных обществах. Удача является одним из компонентов харизмы лидера. В случае же неудачливости необходима его замена: переизбрание, а то и физическое устранение. Если человек присваивает плоды удачи, то он воспринимается как узурпатор и должен быть наказан. Успех же является достоянием индивида и принадлежит ему. В общем цивилизованном процессе удача переходит в успех, что может порождать серьезные разночтения в интерпретации одного и того же достижения. Например, когда индивид рассматривает его как свой успех, а сообщество, к которому он относится, – как удачу. Такова, к примеру, типичная ситуация, когда человек, приехав в город, добился успеха, хотя бы в виде обогащения, но его родственники воспринимают это как удачу и требуют поделиться. Таково же, кстати, и восприятие успеха «братками». Таким образом, для традиционного общества характерна удача, для цивилизованного – личный успех. В переходном же обществе происходит искажение их восприятия. В этой связи, наверное, можно говорить как об этике успеха, так и об этике удачи.

...Е.М. Сергейчик полагает, что рост внимания к проблеме успеха обусловлен повышением в общественном развитии роли индивидуализированной личности. В этой связи можно говорить о нарастании «протестантизации» личности. Вместе с тем, полагает Е.М. Сергейчик, роль православия в российской трактовке успеха несколько преувеличена. Далее выступающая отметила, что всякая реорганизация повышает роль удачливых людей, а Россия знала множество реорганизаций – от «серальных переворотов» до радикальных экспериментов над обществом и природой. В любую переходную эпоху успех

и удача сближаются. В том числе и за счет личных связей с влиятельными лицами. Главной проблемой в анализе успеха является вопрос о том, кто оценивает (сам человек или какие-то уровни социума) и по какой шкале. Шкалу призвано задавать право. В России же нормативность успеха связана со способностью выйти из нормативов. Разговоры об этичности успеха, об этике бизнеса, политики и о прочих моральных кодексах – суть выражение отсутствия или неразвитости правовой культуры. Поэтому для современной России важно не столько обсуждать этику успеха, сколько способствовать развитию правовой культуры...

В.Борисов

Рец. на 1-9 выпуски журнала «Этика успеха»¹⁰²

...Почти полувековое вынужденное топтание на месте многих наших «общественных наук» привело к тому, что они отстали от жизни на эпохи. Российское общество изживает сегодня период индустриализма, переходя в «послепромышленное», даже послесовременное состояние. Но общественные науки все еще ассоциируются с просвещением.

Не случайна поэтому и радищевская, просветительская установка, присущая многим периодическим обществоведческим изданиям, в том числе «Этике успеха». К 1996 году вышли в свет девять номеров журнала. Поэтому можно подвести некоторые итоги.

Первые номера представляли собой как бы мозаику мнений, раздумий, наблюдений самых разных авторов. Характерно заглавие одного из первых материалов, написанного Л. Аннинским, – «Междумье. Заметки на полях...».

Позднее, по мере углубления в «жизненный материал» и проводимого редакцией достаточно жесткого отбора авторов, стали выпускаться тематические номера. Наконец, сложилась концепция, определилось «направление главного удара»; возник проект, названный «Кредо и кодекс российской власти». Сейчас номера «Этики успеха» постепенно становятся похожи на тома монографии, итога размышлений о реалиях и мифах российского общества.

Целенаправленными усилиями десятков специалистов удалось проанализировать такие сложные проблемы, как российская модель успеха, президентство и парламентаризм в России, значение корпораций, эволюция электората и, наконец, новое поколение (не путать с

---

¹⁰² См.: Социологический журнал. 1996. № 3-4.

молодежью!). К сожалению, рамки короткого обзора позволяют рассмотреть только некоторые из представленных в «Этике успеха» тем.

...Центральное место в журнале занимают поиски «русской идеи», некоего единого смысла существования россиян, без которого само понятие «русское общество» превращается в геополитическую абстракцию. ...Даже столь непростая, раздираемая множеством противоречий, общественная система, как считают некоторые авторы «Этики успеха», может и должна быть одухотворена некоей единой идеей. Речь идет об идее успеха.

Понятие успеха в данном контексте не следует упрощать, привычно сводя все к победе сильнейшего над слабейшим. Более того, успех, понимаемый таким образом, скорее будет отвергнут средним россиянином. Причиной тому служит отнюдь не пресловутый страх перед успехом. Суммируя новейшие исследования западных социологов и психологов, А.Согомонов (вып. 3) приходит к заключению, что в современном обществе нет ни стремления избежать успеха, ни тем более страха перед успехом. Суть дела заключается в избрании человеком той или иной социально-профессиональной стратегии деятельности, а именно – соревновательной или кооперационной.

Особенно важным представляется вывод: если раньше, скажем, во времена античности, люди главным образом руководствовались стратегией соревнования, то ныне безусловно преобладает стратегия сотрудничества. Похоже, эпоха индивидуалистического идеала успеха уходит; ему на смену грядет «человек организации».

...Концепцию школы успеха предлагает в выпуске 8 Центр прикладной этики. На рубеже третьего тысячелетия проявляются новые признаки и стандарты успеха как универсальной категории и образовательной установки. Новые критерии успеха – риск и ответственность, умеренность победителя и стоицизм проигравшего, «скромная этика контракта», призвание и рутина профессионального долга, моральные абсолюты и правила честной игры. Разумеется, научить всему этому — задача чрезвычайно сложная. Главное в проекте — совпадение культуры сообщества воспитателей и передаваемой ученикам культуры успеха. Понадобится, вероятно, вводить в педагогических колледжах и университетах многие новые дисциплины: педагогику этосферы, ценность детства и права ребенка, жизнь человека как искусство и другие.

Важно, что проект школы успеха отнюдь не предполагает обратить течение жизни вспять, хотя подобное нередко случается с новыми образовательными доктринами. Напротив, он полностью соответствует моделям жизни настоящего нового поколения.

...Каковы недостатки «Этики успеха»? Первые, еще нетематические, номера обещали все же нечто большее, чем сегодня дают «монографии». Конечно, сосредоточение значительных сил и средств на узком участке — необходимое условие прорыва. Но ведь важен и неожиданный, незапланированный маневр.

Серия бы выиграла, если бы в ней получил отражение и юридический аспект проблемы.

Безусловно, содержание журнала имеет первостепенную важность. Вместе с тем нет содержания без формы. Редакторам следовало бы проявить большую требовательность к авторским текстам. Потомки простят все, что угодно, только не язык. Кроме всего прочего, отдельные материалы «Этики успеха» перегружены латинизмами.

Первые девять книжек «Этики успеха» — несомненный успех. Главное значение журнала в том, что он институционализировал новое направление в междисциплинарных исследованиях — прикладную этику.

Л.А.Козлова

Ценности и правила игры среднего класса¹⁰³

Основная идея монографии¹⁰⁴ заключается в том, что средний класс обладает специфической этической ориентацией. Иными словами, социальная позиция, обозначаемая как «средний класс» и символизирующая успех и жизненную стабильность, обусловлена не средними доходами и даже не дефицитной профессией, а, как говорят авторы, этосом.

...В работе нет ни грана морализма — приписывания среднему классу всевозможных добродетелей. Наоборот, авторы довольно резко отзываются о моральных абсолютах, противостоящих этике контракта и «честной игре» в политике, бизнесе, образовании, журналистике, словом, везде, где уважение к норме является своего рода воздухом, который не замечается, когда он есть, и без которого нельзя жить. В книге доказывается, что «культивирование» этики среднего класса дает шанс для выхода из системного кризиса российского общества.

...Что такое «этос»? Это привычка, характер, обычай, душевный склад, стиль жизни общественной группы, иерархия ценностей. Ценностная система, называемая этосом среднего класса, позволяет

¹⁰³ Ведомости. Выпуск 17. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ. 2000.

¹⁰⁴ Бакштановский В., Согомонов Ю. Этос среднего класса: Научно-публицистическая монография.

этому классу выполнять роль стабилизатора в демократическом обществе с социально ориентированной экономикой, блокировать социальные конфликты и укреплять общественный консенсус. Авторы формулируют главный принцип этоса среднего класса по-гегелевски: «Будь лицом и уважай других лиц». В основе этоса среднего класса – рациональная мораль, сформированная рыночной цивилизацией, гражданским обществом. Именно рациональная мораль, наиболее полно представленная этикой предпринимательства, политической и профессиональной этикой, обеспечивает эффективность социальных обменов в «большом» обществе, где действуют универсальные и абстрактные правила поведения, независимые от личных качеств самих людей. В рациональной морали нетрудно обнаружить парадокс: добропорядочность является уже не личным качеством, а требованием эффективного социального порядка. Иными словами, недобропорядочность неэффективна. Такого рода аргумент основан на структурно-функциональном постулате: социальная система обеспечивает селекцию таких личностных качеств, которые нужны для поддержания стабильности, а всякого рода отклонения – не более, чем временная болезнь. Действительно, обмануть можно один раз, можно два раза, но в третий раз обман может оказаться себе дороже. Природа, в том числе природа социальных отношений, не любит фикций. Поэтому этическая идея, развиваемая В.И. Бакштановским и Ю.В. Согомоновым кажется мне в своей основе натуралистической: этос среднего класса, в отличие от безумного этоса пролетариев и симметричного пролетарскому фантастического этоса элит, натурален, хотя и обходится без высоких слов. Принципы морали здесь неотделимы от здравого смысла: «Поступай так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой», «Не стремись никого осчастливить», «Уважай себя чуть-чуть больше, чем других», «Ты – мне, я – тебе». Список этих моральных максим можно продолжить. Они не всем нравятся, но, по крайней мере, все они честные.

Было бы неплохо, если бы авторы монографии о среднем классе столь же ясно и недвусмысленно, сколь они указывают на этику ответственности, указали на этих – средних – людей. Такого указания в книге нет. Зато есть пространные суждения о «многомерности» и «духовной составляющей» среднего класса. В этом вопросе авторская мысль приобретает патетическое звучание, напоминающее о том, что авторы – профессора философии. Стоит привести некоторые их инсказания, чтобы убедиться в недостижимости идеалов среднего класса, только что казавшихся простыми как яйцо. Особенно интригующе звучит мысль, что в средний класс не переходят по достижению каких-то измеряемых показателей, в средний класс «забрасываются»

(с. 49). Здесь приходят на ум фильмы о советских разведчиках, забрасываемых в тыл врага. Далее следует разъяснение идеи «забрасывания» в средний класс: «Стать “действительным членом” этого класса – значит решиться на самовозложение долга, и не абстрактного, а вполне реального. Еще раз: в средний класс не “переходят” по достижению каких-то хорошо или дурно измеряемых показателей с явным перекосом в сторону “экономоцентризма”, а “забрасываются”, в нем “оказываются”. “Оказываются” подобно тому, как население нашей страны после нескольких лет мучительного и непоследовательного реформирования совершенно неожиданным образом обнаружило себя как бы в “другой стране”, в изменившемся экономическом и социокультурном пространстве, которое оно, население, с разной степенью усердности и успешности принялось обживать» (с. 49). Это разъяснение само требует разъяснения, кто и куда заброшен. Получается, что, вместо того чтобы попасть в средний класс, население оказалось в другой стране. Эта задача оказалась достижимой не для всех. Многим приходится жить в своей стране и становиться средним классом здесь, а не там.

Несмотря на выраженную склонность к философии, авторы книги имеют дело – конкретно – со средним классом: в книге прослеживаются материалы экспертного опроса – «рефлексивные биографии» (иначе говоря, рассказы о себе) двадцати «городских профессионалов», являющихся, насколько можно судить, образцами российского среднего класса. Редактор городской газеты, руководитель научного центра, директор завода, прокурор, ректор университета, просто профессор, средний «олигарх» – все они стремятся к профессиональному успеху. Иначе говоря, все они – деловые люди, чувствующие себя в посткоммунистической рыночной экономике вполне уверенно. Иногда лексика и стилистика «рефлексивных биографий» напоминают лексику и стилистику средней комсомольской номенклатуры: «В моем понимании средний класс, – говорит один из персонажей книги, – это тот слой общества, представители которого задали, прежде всего, себе вопрос: “Если не мы, то кто?”... Мы, средний класс, берем на себя конструктивную функцию. Созидать должны люди, которые понимают и тенденции развития общества, и то, что нужно делать для изменения его» (с. 207). Действительно, ситуация со средним классом проясняется: это те, кто понимает, что делать. «Ликвидировать третий период!».

Удивительно многообразен и правдив автобиографический материал. Люди могут лгать, а язык не лжет. Почти все обрисованные в книге «средние», что называется, задумываются (как у А. Платонова: «Он стал задумываться среди всеобщего ритма труда»). Может быть,

это проявление таинственной русской души, а может быть, следствие привычки к рассуждению. Позиция авторов вполне определена: средний класс – это профессионалы, еще не преодолевшие в себе интеллигентское призвание вносить смысл в повседневную жизнь. Кажется, что этос среднего класса – это не что иное, как обычная интеллигентская привычка задумываться и искать смысл жизни там, где надо просто работать.

И сама книга «Этос среднего класса» – свидетельство тому, что этос среднего класса существует.

Н.Д. Зотов

Уникальный опыт коллективной рефлексии¹⁰⁵

Передо мной книга¹⁰⁶, необычная по замыслу и жанру. Она решительно отлична от широко распространившихся в наше время работ, повествующих о жизни своего вуза биографически или «автобиографически». Они, как правило, представляют собой изложение *внешних* фактов истории вуза, сугубо описательны, сосредоточены на фиксации достижений, но, опять-таки, *внешних* достижений и на их *внешней* фиксации. Вузы в такого рода создаваемых ими официозных летописях в каком-то смысле тешат свое тщеславие, раздают «всем сестрам по серьгам», и описания эти скучны, как скучно всякое описание предмета извне – без проникновения в его внутреннюю суть. Книг, которые выпадали бы из этого конформистски усвоенного стандарта, я не встречал. Тем более отрадно появление книги, принципиально новой в этом отношении. Здесь представлен совсем иной срез в бытии высшего учебного заведения: обусловленное изменением статуса *новое самосознание* в процессе его *становления*. Эта книга есть коллективное раздумье о целях и ценностях собственной вузовской работы, взятой в ее внутреннем измерении, раздумье с попыткой постижения смысла, идеи университетского образования вообще и более всего – применительно к особенностям своего варианта становления университета.

Один из наиболее интересных инновационных фактов в области вузовских преобразований перестроечной эпохи – появление множества академий и неклассических (назовем их так) университетов, «произросших» из специализированных институтов, политехнических вузов и даже из военных училищ. Попал в волну связанных с этим пе-

---

¹⁰⁵ См.: Этика науки. Ведомости. Вып. 18.

¹⁰⁶ Становление духа университета: опыт самопознания.

реименований и бывший Тюменский индустриальный институт, ставший теперь Тюменским государственным нефтегазовым университетом. ...Отвлекаясь от достаточно формального аспекта «повышения классности», мотивированного в том числе поиском лучшего финансирования по линии федерального бюджета, следует обратить внимание на с самого начала возникшую у руководства университета озабоченность тем, чтобы содержанием работы, совершенствованием ее ценностной направленности соответствовать новому статусу, оправдать новое имя. Появилась потребность в реальном содержательном самосознании, адекватном изменившемуся статусу, в рефлексии по поводу нового ролевого положения вуза в обществе, в сфере образования, в регионе, в государстве.

В 1995 г. был учрежден проблемный семинар под руководством ректора Н.Н. Карнаухова с привлечением НИИ ПЭ, обеспечивающего успешную работу семинара: программирование, планирование, генерация стратегических идей для обсуждения, проведение необходимых социологических исследований и мониторинга. Во многом благодаря совместной работе ректорского семинара и НИИ ПЭ в течение нескольких лет (эта работа регулярно и стенографически подробно освещалась в выпускаемых НИИ прикладной этики номерах «Ведомостей») и явилась объемистая коллективная монография «Становление Духа университета: опыт самопознания».

Само название книги – лаконичное, точное, информативное – сразу дает читателю представление об оригинальности и ... дерзости исследовательского предприятия. Ситуация сложилась по-своему замечательная и редкая. Нет, неверно я выразился. Нельзя сказать об этой ситуации, что она *сложилась* (как бы сама собой). Такую ситуацию можно было только создать, создать преднамеренно и целенаправленно. В самом деле, чтобы она «сложилась», надо было сформировать специальную структуру – НИИ ПЭ, объединить его силы и ректорского семинара, исподволь, незаметно для участников семинара (чтобы не уstraшили ответственности) вменить им функцию непрерывной рефлексии, сделать ее эпифеноменальной (сопутствующей) процессу становления вуза в его новом, университетском качестве. И вот теперь коллективная рефлексия преобразована в книгу и книгу весьма самобытную.

На что же именно нацелена рефлексивная работа специально сформированного академического подразделения? Каким содержанием наполнено это коллективное рефлексирование? С очевидностью просматривается стремление дать содержательно глубокие ответы на ряд нелегких и чрезвычайно актуальных в обстоятельствах преобразовательного процесса вопросов: Что мы такое, явленные

окружению в новом статусе, статусе университета? Каким образом должны измениться теперь наша работа (учебная, научная) и мы сами как преподающие в университете, как исследователи университетского ранга? Должны ли стать иными наше профессиональное самопродуцирование, качество и характер нашего профессионализма? А наше воспитывающее влияние на студентов? Должно ли оно претерпеть изменение в направлении к совершенствованию? Какими должны стать обновленная деонтология и аксиология воспитания? Предполагает ли повышение статуса вуза до университетского освоение новых образовательных ценностей? Если да, то каких именно? Наконец, что собой представляет идея университета как нечто сущностное, свойственное ему всегда, в его трансисторическом существовании от момента появления первых университетов до наших дней и долженствующее сохраниться в будущем? Какое содержание идеи сохраняется как инвариантное в продолжение всего времени существования университетов и какими инновациями отмечено содержание идеи университета в ее исторической эволюции, в ее социально-исторической обусловленности сменой эпох? И каким образом все мы, каждый из нас, пребывая в университете, можем и должны соответствовать этой идее не просто новым качеством нашей работы, но образом жизни?

И, самое главное, что такое дух университета?

Может быть, он есть то, что отличает конкретно взятый университет как высшее учебное заведение с вполне определенными классификационными признаками от всех иных вузов, от всех «неуниверситетов», и предполагает, что в некотором интегративном выражении этих признаков университет есть место, где человек всего лучше может образовывать свой ум в его способности к самостоятельной работе, к генерации идей, где он приобретает необходимую широту воззрений, целостность миропонимания и где сам образовательный процесс отмечен знаком «высшего качества»?

Или, может быть, дух университета представлен тем, что выделяет «именно этот университет» из всех иных университетов «лица необщим выраженьем», выделяет не просто как высшее учебное заведение экстра-класса (есть и другие вузы экстра-класса), но как неповторимый, единственный в своем роде мир, мир, ставший для человека своим и родным, связующий его с собою духовными узами? Может быть, именно это свойство университета и имеют в виду студенты, истари называя его своей «Alma mater»? И не в этом ли смысле дух университета есть некое корпоративное подобие того, что у отдельного человеческого индивида представлено его личностью? ...Может быть, дух того или иного университета и есть своеобразный аналог

человеческой личности, есть то, что делает университет особым корпоративным образованием со своей моральной и творческой позицией, с отчетливо выраженной индивидуальностью; корпоративным образованием, способным свободно и самобытно осуществлять свое университетское предназначение и по части востребованности обществом достичь высокого градуса ... незаменимости.

Итак, в толковании понятия «дух университета» наметились два значения: они не взаимоисключающи, хотя и разделены союзом «или». Скорее они взаимно дополнительные. В каком же из значений становление духа университета рассмотрено в представленной книге? Думаю, что в преобладающей степени в первом значении. И это естественно. То, что сделано, не просто «первые шаги». Выполнена первая часть большой и чрезвычайно необходимой работы для развития вуза в университетском качестве.

Заслуживает самой высокой оценки способ работы над книгой. Я имею в виду не только и не столько стадию написания самого текста, сколько весь тот объем, характер и качество работы, проделанной в течение пяти лет и оказавшейся подготовительной по отношению к своему завершающему итогу – книге. Не знаю, предполагалось ли будущими авторами изначально написание книги, ибо то, что делалось, находило подробное освещение в выпусках «Ведомостей» и, будучи определенным в печатном слове, становилось доступным для изучения и обдумывания. Как бы то ни было, книга появилась (в основу ее, по свидетельству редакторов, положены семнадцать выпусков «Ведомостей» НИИ ПЭ, опубликованных в 1995-2000-м годах), и теперь видно, что большая работа нескольких лет предстала в едином, целостном осмыслении и через это обрела новое ценное качество.

Книга явилась обобщением уникального опыта коллективной рефлексии – этот опыт представлен в книге в виде квинтэссенции. Уникальность его выразилась в следующем. Рефлексия в самом деле коллективна: люди, мягко организованные в нечто единое, относительно целое, в структуру, в своеобразный центр, размышляют об одном и том же. И не просто размышляют, а именно коллективно рефлексиируют. Конечно, весь коллектив громадного вуза не в состоянии сообща предаваться рефлексии. Поэтому центр как бы взял на себя эту функцию. Но реально рефлексиирующая структура представляет здесь интересы всего университета, выступает его думающим органом. Думающим не вообще о чем-либо, но целенаправленно размышляющим о себе, т.е. о вузе в его переходном состоянии, в процессе его «превращения» в университет.

Понятие рефлексии употребляется в значении размышления углубленного, учитывающего по возможности все стороны предмета,

проблематизирующего предмет. И есть еще одно значение этого понятия, сохраняющее все признаки первого смысла, но добавляющее еще один, весьма существенный. В этом, втором, значении рефлексия есть размышление, обращенное на себя. Наиболее ярко выраженной формой рефлексии в этом значении является философствование. Ученые неумолимо ищут истину, а философы подобно Понтию Пилату спрашивают: «Что есть истина?». ...Философия, будучи рефлексией, выходит на уровень общеобязательных, общезначимых ценностей, смыслов, на уровень идей.

Иногда рефлексией называют размышление индивида о *собственных* психических переживаниях, т.е. сугубо индивидуальный, нередко болезненный самоанализ, раздумье о каких-то своих психических «изломах». Здесь о рефлексии можно говорить с большой натяжкой, а лучше вообще не называть рефлексией это занятие. Впрочем, «рефлексивные» процессы этого толка, точнее схожие с ними, поскольку «рефлексиование» здесь проявилось на уровне социально-психических настроений и по поводу более и комплексов групповых, представлены и в выпусках «Ведомостей», и в самой книге, но не в качестве доминантных, а скорее в качестве периферийных, не определяющих общей картины, не характерных для рефлексивного процесса в целом¹⁰⁷.

В процессе чтения книги осознал, что впервые встретился с фактом более чем удивительным: вуз, философствующий о себе. Могут подумать: «Эка хватил!». Допускаю, что в такой квалификации проис-

---

¹⁰⁷ Не могу не сказать и о неудачном, на мой взгляд, словосочетании «Рефлексивная автобиография (выделено мной. – Н.З.) становящегося университета». Выше я уже сказал об автобиографических и биографических жизнеописаниях вузов как о сугубо внешних. «Дневник самопознания» (словосочетание рядом с первым) – другое дело, это ближе к духу рефлексии. Биографических и автобиографических жизнеописаний вузов много. Ваша заслуга, уважаемые авторы и редакторы, состоит как раз в том, что вы ушли от этого тусклого жанра в иные сферы, в сферы аналитического, действительного рефлексивного размышления о ситуации. Рефлексия несовместна с биографическим или автобиографическим рассказыванием о себе. Не вводите же в заблуждение читателя, не употребляйте даже оплошно, невзначай неадекватных, неудачных номинаций для обозначения выполненной работы. Вот пишу эти строчки, тревожусь о читателе (вдруг впрямь подумает, что перед ним очередная «автобиография») и невольно вспомнил Остапа Бендера в момент, когда он говорит Эллочке-людоедке: «Не может быть. Вас обманули, Вам дали гораздо лучший мех». Остап-то шутил, а я всерьез призываю авторов быть предельно точными в номинировании выполненной работы и в самом тексте, а не только в названии книги.

ходящего есть не то чтобы преувеличение, но, может быть, некий элемент аванса. С другой стороны, из моего рассуждения о рефлексии вытекает, что она всегда бывает философского «замеса». А в философии всегда присутствует момент личностного самораскрытия и самопостижения. И вместе с тем она неизменно устремлена к ценностям общезначимым, общеобязательным, абсолютным.

...Вуз, философствующий о себе. Согласитесь, в этом есть нечто от авангарда, особенно если принять во внимание, что, с точки зрения некоторых интерпретаторов, авангард выплеснулся за пределы собственно искусства, превратясь в широком смысле в некий вид социальной, духовной практики, в некую форму нового «жизнестроительства» (М.Г. Чистякова). Ассоциацией с авангардом ни в коей мере не хочу скомпрометировать философствующий вуз. Напротив, скорее возвысить и подчеркнуть опять-таки уникальный характер рефлексивной работы, предпринятой в ТюмГНГУ. В самом названии книги заявлена рефлексия философского уровня (а только она и есть действительная рефлексия) и в некотором объеме, наряду с другими, нереплексивными, формами самоанализа, успешно осуществлена.

Я уже сказал, что становление духа университета рассмотрено в книге в преобладающей степени в первом значении (выделяющем вуз как такой, где сам образовательный процесс отмечен знаком «высшего качества»). Сказано в *преобладающей* степени, т.е. не исключительно в этом значении, и добавлено, что это естественно (имеется в виду естественно на этом, первом, этапе самопознания). Да, в этом значении понятия «дух университета», пожалуй, нет еще университетской специфики. Обозначенные здесь притязания на соответствие определенному эталону вполне могут быть характерны для любого вуза, не только для университета. Но авторы не ограничиваются рассмотрением становления «духа университета» в этом значении. Они выходят и на философский горизонт рефлексии, там где размышление осуществляется с точки зрения возможного достижения ценностей, значимых для индивидуальности вуза, проявленной в показателях неповторимости и незаменимости, в показателях, презентующих его *единственность*.

Так, в первой главе «Идея университета: повестка дня на XXI век» идея университета конструктивно анализируется в модусах ее социально-исторической обусловленности разнообразием меняющихся эпох. Интересно то обстоятельство, что в анализе, где, казалось бы, монополю реализует социологический подход в различных контекстах, вплоть до футурологического, неожиданно социально-философски высвечивается инвариантное содержание исторически эволюционирующей идеи университета. В четвертом параграфе

главы через соотнесение моделей до-современного, современного и пост-современного университетов в свете лозунга «Назад в университет!» авторы выходят на связующее все три модели содержание идеи университета, которой подобало бы существовать в вечности, т.е. на содержание идеи, сохраняющееся «твердым десигнатором» в представлениях всех времен и народов об университете как университете.

В процессе анализа миссии становящегося университета (глава II) рассмотрены в том числе и ценностные основания стратегии развития университета. В главе, посвященной проблемам воспитания (глава VII), философский горизонт рефлексирования представлен как определяющий все содержание главы: обсуждаются, главным образом, идеалы, ценности и нормы воспитательной деятельности в изменившейся ситуации. Преимущественное рефлексирование о ценностной стороне воспитания нашло отражение и в самом названии главы седьмой: «К новой деонтологии воспитания». Правда, в перечислении вопросов, на которые авторы монографии стремятся дать ответы, я бы добавил аксиологию. Деонтология, конечно, входит в аксиологию воспитания, представляя собой философско-этическое рассмотрение морально-императивной, должностной его стороны, причем входит в качестве основной составляющей, но все же не охватывает всей палитры аксиологического дискурса в размышлении о воспитании.

Таким образом, философский уровень рефлексии о становлении духа университета представлен в книге достаточно ощутимо, но на состоявшемся этапе самопознания он не мог стать преобладающим по объективным обстоятельствам. Необходимость адаптации университета к условиям рыночных отношений продиктовала смещение рефлексии в область приземленных аналитических процедур, где рефлексия перестает быть рефлексией, ибо превращается в достаточно прагматическое обдумывание сниженно-бытовых проблем, связанных с процессами «внутрикорпоративной дифференциации по материальному критерию», с процессом «классового» расслоения университета, с грядущим замещением былой «солидарности – сплоченности» ТИИ «корпоративной солидарностью», а с ней сочетается высокое напряжение внутри самой корпорации. Формулирование проблемы успешного профессионализма, ее разностороннее, конструктивное освещение, обсуждение (глава III) опять-таки вызваны к жизни суровой действительностью рынка. Очень интересно рассмотрены проблемы корпоративности, корпоративного духа в связи с процессом становления университета. Но встает вопрос: являются ли эти проблемы и весь комплекс вышеперечисленных проблем специфическими для станов-

ления вуза именно в качестве университета? Или в условиях всеобщей адаптации к рыночной действительности они не менее актуальны для всякого вуза, для всех вузов, и специфических запросов становящегося университетского бытия не отражают? Как бы то ни было, но этих проблем никому не избежать и университету в процессе его становления тоже. Да, приходится отступать на позиции прагматического обдумывания проблем насущных, требующих безотлагательного разрешения, отказываясь в этот момент от «высокой» рефлексии. Иного выхода нет.

Ловлю себя на том, что мое собственное видение соотношения «высокой» рефлексии и нерефлексивных аналитических процедур в коллективном постижении становления духа университета довольно противоречиво. Чтобы внести ясность, говорю себе: пока количественно преобладают нерефлексивные формы самопознания, но качественно лидирует рефлексия с философским горизонтом видения того, что происходит и должно произойти. И название книги стратегически верное. Оно устремляет в перспективу выявления средствами рефлексии становления духа университета в его специфических особенностях и наиболее характерном выражении. Представленная монография есть обобщение первого этапа работы. Ее завершающий характер относителен. По сути, это некоторые предварительные итоги. Впереди – главное.

Чтобы помочь читателю со стороны, можно было бы дать параграф, содержащий концептуальное истолкование рефлексии, соотнести понятия рефлексии и самопознания, показать различные формы рефлексивной деятельности, полезность и ценность рефлексии. Наверное, имело смысл познакомить читателя с понятием «дух» в его основных значениях, отказавшись от употребления его в значении «нестрогом», интуитивно-приблизительном и даже аморфном. Понятие «Дух университета» заслуживает специального и углубленного анализа опять-таки с выделением основных его значений. Даже понятие «становление» было бы неплохо разъяснить. И вряд ли можно обойтись в рефлексивном постижении становления духа университета без обращения к понятию духовности. Полагаю, что такое дополнительное понятийное оснащение монографии усовершенствовало бы воспринимающий аппарат читательского сознания и существенно облегчило восприятие структурно-сложного содержания¹⁰⁸. Это

---

¹⁰⁸ Отмечу серьезную трудность, имеющую отношение к восприятию текста монографии читателем. Тексту предпослано хорошо продуманное, информативное, терминологически привлекательное содержание-оглавление. Затем идет предисловие редакторов, где читателю все внятно разъяснено: о

важно. Книга достойна широкого распространения не только в сфере образования. Такого еще не было: написана книга, в которой университет ищет себя.

Чтение монографии убеждает в двух вещах: 1) становится университетом, созидать дух университета жизненно необходимо; 2) и делать это интересно. Есть цель и цель достойная.

В связи с этим несколько слов о главном достоинстве монографии и той человеческой активности, что содействовала ее появлению. В процесс рефлексии были вовлечены значительные вспомогательные силы (кафедры университета, выпускники, студенты). Их усилия, их размышления вкупе с рефлексией НИИ ПЭ как академического подразделения университета явились весомым *практическим* вкладом в дело становления духа университета. Размышление множества людей о становлении духа своего университета тождественно их духовной работе и тем самым практическому созиданию этого духа. Есть способы превращения университета в высококлассный культурно-образовательный центр. И есть формы жизнедеятельности, содействующие становлению университета в качестве своеобразного духовного центра.

Предварившая появление монографии многолетняя коллективная рефлексия академического подразделения с его вспомогательными структурами, подготовка и написание самой книги – все это и есть одна из таких счастливо найденных форм жизнедеятельности.

А.А. Чекушов

***Прикладная этика как инобытие морали*¹⁰⁹**

Авторы открывают свой Словарь¹¹⁰ справедливым замечанием, что «словосочетание “прикладная этика” способно поставить в тупик

чем книга? зачем? как построена? Тоже очень хорошо. Самый текст книги представлен восемью главами и заключением. Большинство глав состоит из теоретических текстов, эмпирических материалов интервью и аналитических обзоров (детали структурирования можно опустить). Тоже все продумано, максимально типологизировано, упорядочено. Но содержание подавляет читательское сознание избыточным разнообразием. Пестрота, мозаичность воззрений, позиций мешает составить отчетливое представление о процессе становления духа университета.

¹⁰⁹ См.: Моральный выбор. Ведомости. Вып. 20 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2002.

¹¹⁰ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: опыт университетского словаря. Тюмень: Центр прикладной этики, НИИ ПЭ, 2001.

даже тех, кто успел излечиться от терминологического пуризма и прошел семантическую закалку в научных и околонаучных дискуссиях» (с.5).

Прежде чем обратиться к анализу трудностей понимания существования проблемы, авторы попытались в первой части своей работы (под названием «Основания») представить читателю общий концепт философии морали, каким он им видится. Без такой пропедевтики не может быть освоенным само разделение этики на философскую и прикладную, останется непонятной внутренняя связь данных частей, тогда как последствия такого разделения имеют вполне практическое значение. Без осмысления подобного деления любые отрасли и суботрасли прикладной этики способны стать инструментом манипулирования сознанием профессионалов, и тогда профессионал может сравнительно легко превратиться в специалиста, а его ассоциации перестают быть сообществами, продуцирующими собственные ценности и нормы, специфические механизмы контроля и самоконтроля над поведением членов таких сообществ.

Подчеркну, что раздел, которому предписывалась вспомогательная роль методологического введения, оказался вполне самостоятельным исследованием, которое – как мне кажется – стало существенным вкладом в развитие общей этической теории. Не раз высказывались сожаления по поводу длительного застоя, исследовательской «дремоты» в таком развитии. Однако за последнее пятилетие у нас в стране обнаруживаются явные признаки завершения затянувшейся паузы, о чем свидетельствует и рецензируемый Словарь.

Вникая в довольно сложный – структурно и понятийно – текст раздела «Основания», нельзя не признать, что мы имеем дело с новаторской, по существу, работой в теоретической этике. Рассматривая в первой главе раздела итоги развития этической мысли доперестроечной эпохи и вводя читателя в курс дела, авторы выделили две основные тенденции или научные традиции, которые они обозначили как две интерпретационные версии, парадигмы в истолковании морального феномена, назвав их условно *историко-генетической* и *историко-системной*. На мой взгляд, было бы более точным назвать эти парадигмы метафизической, абсолютистской – и социологической, релятивистской. Последняя подчеркивает социальные функции морали, ее ролевое предназначение, инструментализм, тогда как первая указывает на социальную неангажированность морали, ее принципиальную неслужебность в социальном смысле (не может быть государственной, национальной, классовой, партийной и т.п. морали, она прокладывает вполне самостоятельную линию воздействия на социальную эволюцию и потому суть «причина самой себя»).

В этой главе обсуждаются сильные и слабые, уязвимые стороны, пункты обеих концепций и вслед за этим рассматриваются возможности их перспективного развития. Но в целом существование двух параллельных парадигм объясняется имманентными свойствами самой морали, ее дуализмом (противоречие должного и сущего, обусловливаемое бытием и обусловливающего бытие), и в этом смысле не устранимо.

В отдельном параграфе затрагивается труднейший вопрос о сопротивлении искушениям гиперморальности и гиперсоциальности в обеих интерпретациях, соблюдении чувства меры в смещениях то в пользу одной из сторон, то в пользу другой, и проводится анализ методологической амуниции, необходимой для преодоления конфликта интерпретаций на основе герменевтических подходов, когда важной оказывается культура самих интерпретаторов. Авторы признаются, что «предугадать дальнейшую судьбу конфликта интерпретаций пока не представляется возможным» (с. 23).

Вторая глава первого раздела отдана обсуждению проблем морального выбора. На мой взгляд, она выглядит скорее вставной новеллой в ткань раздела «Основания» – в отличие от третьей главы, в которой рассматриваются исторические типы эволюции нормативно-ценностных систем. В «исторической» главе авторы раскрывают выдвинутую и разработанную ими оригинальную теорию в области социокультурной эволюции морали. ...Здесь продуктивной оказалась развиваемая авторами концепция «трех моралей». Эта концепция не уместится в трихотомическую схему, практикуемую в социологии. Во-первых, потому, что в ней не исключаются инволюционные линии развития; во-вторых, потому, что в ней преодолевается давление преддетерминистского толка, ведущего к историческому фатализму и телеологизму; в-третьих, она не состыковывается с доктриной монолинейной стадильности; в-четвертых, сама эволюция трактуется таким образом, что исключает некий общий «сценарий» развития, которое во все не реализуется на одном общем эволюционном стволе, а происходит, так сказать, на разных эволюционных лестницах, хаотично расположенных по отношению друг к другу на огромном пространстве историко-культурных возможностей. В-пятых, такой подход исключает представление об одних нормативно-ценностных системах как «передовых», «лидирующих», «продвинутых» в направлении к некоему общепризнанному идеалу, а о других как «отставших», «застрявших» на предшествующих ступеньках эволюционной лестницы или же просто сбившихся с «единственно верного» азимута и потому обреченных топтаться на месте бесконечно долго или же вымирать в ходе ускоряющегося «прогрессирования». Авторы разрабатывают специальную

категорию – оксюморон «свое-иное», применяемую для фиксации стадий развития не на одном, а на разных цивилизационных стволах, когда речь идет о коренных изменениях в исходных «матрицах» морального феномена (с. 49-52). Не случайно само слово «мораль» не может быть адекватно понято и даже переведено в разных социокультурных контекстах. Наконец, в-шестых, эвристична концепция пострациональной морали, которая, при всей своей незавершенности, позволяет приблизиться к пониманию коллизий современного морального развития, продвинуться к аутентичным оценкам его как глубокого кризиса и, одновременно, как радикального обновления.

Второй раздел Словаря отведен общим и методологическим проблемам. Естественно, что начинается раздел со статьи «Прикладная этика». Авторы справедливо отмечают многозначность понятия «приложение» в связке с понятием «этика» и выделяют два значения «приложения»: по критерию *целевому* и по критерию *объекта* приложения этического знания.

В первом случае речь идет о стремлении различных социальных институтов и организаций усилить воздействие этического знания на реальные нравственные отношения, их стремлении к «этизации» данных отношений (подобно тому, как более сотни лет назад неокантианцы говорили о необходимости этизации классово-борьбы, что частично позднее и было реализовано). Целевой аспект «приложения» этики к практике подробно раскрывается в словарной статье, посвященной гуманитарной экспертизе и консультированию. Здесь представлены возникающие при разработке и применении метода гуманитарной экспертизы методологические проблемы: проблемы «рецептов», состыковки научной культуры и культуры здравого смысла, типологии экспертиз, игрового моделирования и др.

Что касается второго аспекта «приложения» этики, то в Словаре разрабатывается весьма перспективная концепция *конкретизации* морали, ее подлинного развития в данном процессе с точки зрения ее формы и содержания. Сложный и длительный процесс конкретизации общественной нравственности рассматривается в плоскости становления *профессиональных этик* и *этосов*. В данной связи прежде всего потребовалось исследовать вопросы соотношения общей и профессиональной этики (здесь авторы опирались на ряд идей М. Вебера, Р. Мертона, Н. Лумана). Обращая внимание на характер инобытия морали в сегментированных секторах общественной жизни современного социума, авторам предстояло обновить старое понятие этоса и хабитуса, чтобы сделать их пригодными для исследования всех планов прикладной этики. И в этом пункте авторы смогли существенным образом продвинуть этическую теорию, ее категориальный аппарат.

В следующем, пожалуй, основном разделе Словаря помещены статьи, каждая из которых описывает какую-либо одну отрасль профессиональной морали – издание не случайно профилировано под запросы университетского образования. Эти статьи дополнены сжатым списком соответствующей литературы на русском языке. На общем фоне выделяются своей продуманностью статьи о предпринимательской, политической, журналистской, юридической, педагогическо-воспитательной этиках.

Статьи этого раздела неравнозначны по своему научному уровню и продемонстрированному в них авторскому своеобразию в интерпретации идей, по развязыванию узлов сложных теоретических коллизий, по выразительности и точности языка текстов. Но иначе и быть не могло, учитывая различную степень разработанности представленных в этом разделе сюжетов. Кроме того, надо учесть и намеренную тактику авторов, которые стремились к тому, чтобы акцентировать в каждой из статей какую-то одну сторону, грань процесса конкретизации морали, чтобы в итоге обрести объемное «голограммное» представление о профессиональной этике в целом.

Суммирую сказанное. Читатель, безусловно, получает только первый опыт Словаря по прикладной этике. Сравнительно просто указать на его известную неполноту, в чем в заключении признаются сами авторы. Прежде всего это касается завершающего раздела о суботраслевых и междисциплинарных подходах. Однако должно быть принято во внимание, что пока мы имеем дело с инновационным исследованием по еще становящейся научной дисциплине, которая может быть развита в процессе дальнейшего обсуждения поднятых в рецензируемой работе проблем, в ходе ее педагогического использования. Концептуальный характер всех разделов Словаря обещает ему привлекательное будущее.

А.Симонов **Предисловие¹¹¹**

...За этой книгой стоит многолетний труд. Как свидетель и, отчасти, соучастник его могу подтвердить: первые шаги по изучению самосознания медиасообщества авторы начали ровно восемь лет назад.

---

¹¹¹ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста.

Жаль, что жанр книги не позволяет проследить эволюцию самосознания журналистов за эти очень непростые для их сообщества годы, то, как романтизм девяносто четвертого сменился отчаянием девяносто восьмого и плавно переходил в печальную трезвость две тысячи первого. Но какими бы сложными ни казались вам (и мне в том числе) отдельные эмпирии, до которых поднимет нас энциклопедичность знаний авторов, в их основе – скрупулезный, последовательный анализ практической работы: интервью, экспертизы, экспертиза экспертизы, «круглые столы», семинары, и все это с людьми, привыкшими скорее анализировать или интервьюировать других, чем быть объектом научного исследования.

Предмет исследования конкретен и неуловим в одно и то же время. Когда мы только познакомились с авторами книги, идея этической конвенции журналистов, которая составляет зерно этой работы, еще даже не брезжила, а этический кодекс Союза журналистов России существовал в виде обсуждаемого черновика, у участников проекта «Дух свободной корпорации» родилась формула: «этические кодексы очень полезно обсуждать, но очень опасно принимать», так как текучесть, постоянная изменчивость самой этической субстанции, настолько очевидна, что всякий, кто возьмет на себя смелость сказать «я понял», – рискует стать разрушителем собственных постулатов буквально в следующую минуту. Поэтому книга эта – не руководство к действию, а подспорье для собственных размышлений читателя. Сказанное здесь, выношенное и подробное, все-таки не есть истина даже в предпоследней инстанции, и, к чести авторов, они сами об этом не устают регулярно повторять.

Мне когда-то довелось услышать, в пересказе, метафорическую ситуацию, описанную Осипом Бриком, одним из создателей ЛЕФа, в середине сороковых: «Мы с Маяковским были как два партерных акробата на арене цирка. Я был нижний, а он – с моей поддержкой – выделял любые антраша. Теперь он умер, я стою посреди манежа с поднятыми вверх руками, но на них никто уже не опирается. Представляете, как я смешон!». Эта книга – тот самый «нижний», и если мы с вами, прочитав ее, не двинемся дальше, используя ее поддержку, огромный труд авторов пропадет втуне.

У книги есть одна особенность. Она построена, как мне показалось, не от простого к сложному, а, напротив, от сложного – к простому, от сложного общего – к относительно более простому частному, в каком-то качестве и выступает Тюменская этическая медиаконвенция. Может быть, с точки зрения высокой науки так и надо, но мне, рядовому читателю, показалось, что чтение книги такое построение не облегчает. Нет, нет, я понимаю, что простое здесь только выглядит

простым, поскольку запутаться даже в трех этических соснах мы традиционно умеем, но все-таки, если вдруг первые главы книги покажутся вам слишком густо нафаршированными сложными положениями, тем более, что нет возможности соотнести их с собственными мыслями и собственным опытом, если горный разреженный воздух научных эмпирей станет затруднять читательское дыхание, рекомендую не впадать в отчаяние: дальше – легче. Будь моя воля, я посоветовал бы авторам изменить композицию, но, как я уже говорил – не дело подопытному кролику корректировать ход научного эксперимента и публикации его результатов.

Для кого эта книга? В первую очередь – для тех, кого мучают проклятые вопросы моральных норм и свободного выбора, для тех, кому хочется быть успешным профессионалом и при этом жить в ладу со своей совестью, понимая, что взаимоотношения людей (а журналистика не существует вне этих отношений) не строятся по заранее изготовленным рецептам и книги о здоровой и вкусной этике не может существовать в природе. Больше всего мне бы хотелось заинтересовать этой книгой тех, кто преподает журналистику молодым. Проблемы этики в России, где в эти проблемы традиционно, как слон в посудную лавку, вламывается государство, всегда носили и продолжают носить на себе печать двойного стандарта и разобраться в них без серьезной поддержки непросто, тем более, что сегодняшние студенты уже со второго-третьего курса начинают осваивать профессиональные навыки, работая в СМИ, где все эти вопросы вязнут в рутине повседневности. И не только им, но и их старшим коллегам по профессии не хватает времени и душевной потребности задуматься о главных проблемах: не «о ком и как», а «зачем и во имя чего». Неслучайно в последние годы профессия заметно деградирует при том, что количество занимающихся ею растет как на дрожжах.

Ведь и Тюменская медиаконвенция, увы, не спасла журналистов региона. Стоило прозвучать боевым трубам губернаторских выборов, как многие из милых, симпатичных и так понравившихся мне при личном знакомстве людей принялись «мочить» оппонентов из конкурирующих команд со всей большевистской прямоотой и при полном забвении совместно выработанных принципов. Поэтому, перефразируя все того же Маяковского, надо признать, что «наше время трудновато для... этики», и если с первых шагов в профессии дать журналисту власть в этический анабиоз, не внушить ему, что профессиональная успешность не может быть достигнута за счет толстокожести, непроницаемой для уколов совести, то вторые и третьи «шаги» довершат разрушение: мораль так и останется теорией, а информационная

война, где цель оправдывает получаемые немалые средства, повседневной практикой.

Вообще эта книга – точно не для всех, кто именует себя журналистами. Предлагаю желающим самоопределиться, стоит ли ее читать, маленький тест. Сегодня в среде журналистов все большее значение приобретает понятие «рукопожатности». Когда размышления об этике профессии становятся небезопасными для самооценки и потому все более отстраненно-абстрактными, их заменяет простое, почти бытовое рассуждение: кому из коллег можно подавать руку, а кому – нет. Вот тем, кого этот вопрос беспокоит, эту книгу читать нужно и полезно, а тот, кому эта брезгливость «до лампочки», книгу может закрыть на этом самом месте.

И последнее. Время советского коллективизма на наших глазах распалось, а время личной ответственности за себя и свое дело пока не наступило, а если и наступает, то нестерпимо медленно. Мы – на перепутье. Поиск общности на основе демократических ценностей не привел нас, да и не мог – при неистребимом нашем большевизме – к скорому успеху. И если мы все-таки хотим быть обществом, а не сборищем, нам необходимо создавать малые острова согласия, единомыслия, единочувствования. Пример тому, что это возможно и в журналистике, – в этой книге. Попытки такого рода продуктивны и целительны, особенно когда в основе их лежат ценности этические, с главной из которых – терпимостью – мы знакомы, увы, скорее понаслышке. Малые сообщества такого рода в журналистике есть: Московская хартия журналистов, Гильдия судебных репортеров, Содружество журналистов-расследователей, Тюменская медиаконвенция. Ни одно из них не было и не есть панацея, но – дорогу осилит идущий. Эта книга – довольно подробная карта того региона, по которому маршрут для себя и своих товарищей может проложить каждый, кто совершит нелегкий труд ее прочтения.

А.А. Гусейнов

Гимн гражданскому обществу и его морали¹¹²

(о книге В.И. Бакштановского, Ю.В. Согомонова
«Гражданское общество: новая этика»)

---

¹¹² Общепрофессиональная этика. Ведомости. Вып. 25. 2004.

Гуманитарные тексты (тексты, имеющие своим предметом общественно значимые идеи и сопряженные с сознательной человеческой деятельностью) бывают, по крайней мере, трех родов. Одни обрабатывают, формулируют идеи, образуя в своей совокупности те или иные интеллектуально-научные области. Их век, как правило, является долгим; таковы, например, «Диалоги» Платона, составляющие веху истории философии, или «Капитал» Маркса, являющийся вехой в истории экономической теории. Другие тексты входят в саму практику общественной жизни, представляя собой непосредственный мотивационный аспект коллективных действий. Они текучи, как текуча сама жизнь; таковы, например, листовки, партийные программы, предвыборные речи и т.п. Третьи – находятся между ними, стремятся соединить теорию с практикой, утилизируя первую, адаптируя её к практическим задачам, и возвышая вторую, освещая её светом теории. Они образуют собственно идеологический слой, и срок их жизни, как правило, бывает соразмерен поколениям. В качестве ярких примеров можно назвать такие произведения, как «Что делать» В.И. Ленина, коллективный сборник «Вехи», «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» А.Д. Сахарова, «Большой провал: рождение и смерть коммунизма в XX столетии» З. Бжезинского.

Монография В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова «Гражданское общество: новая этика» относится к текстам третьего типа и в своем роде является образцовой.

Диспозиция. ...Авторы монографии ясно сознают происхождение, смысл, направленность проблематики гражданского общества в её современном звучании. Они напрямую связывают свой анализ с задачей построения гражданского общества в России. В самой этой задаче они видят смысл и оправдание тех трансформаций, которые протекают в стране последние пятнадцать лет. Позиция авторов является открытой и честной: они на своем месте, в качестве практикующих гуманитариев делают то же самое, что и известные практикующие политики и предприниматели.

Исходную исследовательскую диспозицию авторов, по аналогии с известным социологическим методом, можно назвать включенным рассуждением. Гражданское общество для них – не только предмет, который они изучают, но и высшая цель, за которую они сражаются. В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов пристрастны по отношению к предмету, которым они занимаются, пристрастны открыто и последовательно. И сам факт такой пристрастности может быть поставлен им только в заслугу – даже в том случае, если кому-то, например, автору

данной рецензии, не нравится сам объект их страсти – гражданское общество.

...О гражданском обществе легче высказать ещё одно мнение, чем упорядочить и критически проанализировать существующие. Представляется, что Бакштановский и Согомонов выходят из данной трудности с такой же легкостью, с какой Александр Македонский разрубил гордиев узел, который, как известно, специально был завязан так, чтобы его нельзя было развязать. Они не вникают в содержательные различия многочисленных суждений о гражданском обществе, справедливо полагая, видимо, что их нельзя принимать за чистую монету и что уж во всяком случае не содержательные акценты являются исходными и решающими для понимания сути дела. Они с самого начала выбрали идеологический критерий анализа и, в зависимости от «базовых идеологических предпочтений авторов текстов» (с.50), всё, что говорится о гражданском обществе в нашей литературе, и тех, кто говорит, поделили на два класса: а) за гражданское общество и б) против гражданского общества. «За» выступает либеральный (и социал-демократический) проект, «против» – консервативный (и просоциалистический) проект. Тем самым было признано и самой логикой анализа удостоверяется, что в текстах о гражданском обществе решающим является не содержательная характеристика предмета, а идейная диспозиция по отношению к нему. Невольно вспоминается классик, утверждавший, что в современном обществе есть только две идеологии – буржуазная и социалистическая, а что сверх того, то от лукавого.

Методология. «Гражданское общество: новая этика» продолжает и в известном смысле венчает серию работ, выполненных теми же авторами в предшествующие годы. Все публикации связаны тематически (рассматривают разные аспекты того, что они обобщенно именуют теперь этикой гражданского общества), идейно (в них развивается своеобразная версия неопутилитаризма, называемая ими рациональной моралью), а также, что особенно важно подчеркнуть, методологически. Написанные об одном и том же, одними и теми же авторами, они ещё и изготовлены в одной и той же мастерской. Бакштановский и Согомонов больше чем фамилии, это уже брэнд. Их работа, разумеется, оснащена всем необходимым для такого рода производства «оборудованием», но сверх того в ней есть ещё и нечто такое, что придает созданным в ней изделиям узнаваемую фирменную специфику. Характеризуя своеобразие методологии авторов, отмечу два момента.

Во-первых, авторы отдают предпочтение цивилизационному

подходу к общественному познанию – в отличие от директивно господствовавшего ранее формационного анализа, хотя полностью и не отрицают значение последнего. В этом они не оригинальны, поскольку такое смещение акцентов характерно для всего отечественного обществознания последних двух десятилетий. Однако они более выпукло и точнее, чем многие другие авторы, определяют социально-этический смысл и следствия такой смены методологических установок.

На мой взгляд, формационный подход принципиально историчен: он рассматривает развитие общества как смену качественных состояний. Само будучи новым качеством по сравнению с природой, общество вместе с тем находится в процессе постоянного становления. Это означает, что ни одна из его форм не может считаться окончательной, завершённой, в том числе, между прочим, и гражданское общество, которое в категориях формационной теории является синонимом буржуазной стадии развития. А цивилизационный подход – при всем многообразии его конкретных интерпретаций – имеет, как я полагаю, ту особенность, что он замыкает развитие общества. В его рамках существенное значение прежде всего имеет противостояние варварству (дикости, естественному состоянию). Считается, что цивилизационные достижения (такие, например, как частная собственность, государство, семья, индивидуализм) навечно. В известном смысле огрубляя, но вместе с тем и обнажая важное отличие, можно сказать, что если формационный взгляд ориентирует на смену форм и совершенствование общества, вырвавшегося из состояния варварства, то цивилизационный взгляд нацеливает на то, чтобы удержаться на достигнутом уровне и не деградировать в варварство снова. Формационный подход видит в варварстве исходную стадию истории, которая осталась в прошлом, а цивилизационный подход рассматривает варварство как непосредственную основу, своего рода естественное состояние, которое необходимо преодолевать постоянно, и преодоление которого, собственно говоря, и составляет суть цивилизации.

Во-вторых, Бакштановский и Согомонов практикуют особый, если и не ими изобретенный, то, по крайней мере в русско-язычных пределах, ими доведенный до совершенства, тип исследования, который можно назвать этической теорией среднего уровня. Это – нечто промежуточное между полевыми исследованиями этнологов и этико-нормативными идеализациями философов. Авторы летят не в заоблачных высотах, подобно сверхзвуковым воздушным лайнерам, имеющим целью кратчайшим, по времени, образом связать две точки, а на малой высоте, повторяя в воздухе очертания земной поверхности – как если бы они составляли топографическую карту местности. Они, собственно говоря, и предлагают своего рода топографию морали

гражданского общества. При этом, хотя, как уже я отмечал, они и смотрят на свой предмет влюбленными глазами и изображают нравственный ландшафт гражданского общества в ярком солнечном освещении, но тем не менее их взор не настолько ослеплен, чтобы совсем не замечать его теневую сторону.

Авторы нацелены не на критику морального сознания и самосознания гражданского общества, а на их прояснение, рационализацию, теоретически аргументированное воспроизведение. Сама методологическая установка по отношению к предмету исследования такова, что предполагает его апологетику. Соответственно текст предлагаемого ими анализа гражданского общества и его этики построен по методике, напоминающей отзыв на диссертацию. Такой отзыв, как правило, на 4/5 представляет собой описание достоинств и только на 1/5 посвящен недостаткам, которые при этом обязательно признаются незначительными и не отменяющими общей положительной оценки. Если продолжить сравнение, то можно сказать, что, согласно Бакштановскому и Согомонову, гражданское общество и его этика – своего рода высококачественная докторская диссертация (т.е. последняя в квалификационном ряду работа), написанная человечеством.

Открытие. Так что же такое гражданское общество? Ответ на этот вопрос, который дают авторы, представляет собой самое большое их открытие. Он звучит ясно и очень лаконично: «Гражданское общество и есть общество» (с.105). Нужно быть благодарным авторам за эту по-ньютонovski чеканную формулу. Если она даже и не соответствует действительности, то совершенно точно выражает самосознание гражданского общества. Как древние племена (самоназвание которых и понятие человека обозначались одним и тем же словом) полагали, что никаких других людей, помимо них, не существует, а близлежащая гора или болото, за которые они боятся заглянуть, обозначают конец света, так и те, кто идентифицируют себя с гражданским обществом, не могут вообразить, что может быть что-нибудь больше и лучше, чем оно. Своей формулой Бакштановский и Согомонов очень точно выразили не просто самодовольство гражданского общества, а вселенский масштаб этого самодовольства – стремление гражданского общества увековечить себя, закрыть на самом себе историю.

Если общество и гражданское общество есть одно и то же, то как быть с теми состояниями, которые существовали до гражданского общества? Они представляли собой, по мнению авторов, «праобщества», подготовительные стадии, применительно к которым говорить об обществах можно только в той мере, в какой в их недрах складывались признаки гражданского общества. В этом смысле гражданское

общество есть общество, достигшее зрелости, развившее свои внутренние потенции, соединившееся, если говорить гегелевским языком, со своим понятием. Здесь опять приходит на ум известная марксистская схема о реальной докоммунистической предыстории и грядущей подлинной коммунистической истории человечества. Хотя есть и существенное отличие. Под гражданским обществом авторы понимают не идеальное «царство целей» и даже не близкое будущее, а то общество, которое реально существует в странах Запада и к которому – с трудом и риском никогда его не достичь – пробивается Россия. Гражданское общество, как оно сознает себя и как его понимают авторы, – это и есть цивилизованное состояние человеческих объединений, совершивших прорыв по ту сторону варварства, включающего в себя также общинно отягощенный традиционализм.

Гражданское общество характеризуется индустриально-урбанистической организацией жизни, частной собственностью, рыночными механизмами обмена деятельностью, изначальностью частной жизни и индивидуального гражданского статуса человека в качестве лица. То, что именуется гражданским обществом, может быть также названо буржуазным обществом. Авторы вполне отдают себе отчет в тождестве этих понятий. Они даже озабочены тем, чтобы реабилитировать понятие буржуазности, освободить его от негативной ценностной загрузки. Им претит этический перфекционизм, в особенности романтическая критика всего, что связано с частной собственностью и частной жизнью. Для защищаемой в книге концепции и позиции вполне типичны суждения такого рода: «При умалении и, тем более, при систематическом искоренении частной собственности и частной жизни, когда они уже были востребованы историческим развитием, при насаждении различных форм государственного коллективизма и опекуна (а не солидаризма вообще) человек не может стать хозяином самого себя или перестает быть таковым, утрачивает священное право распоряжаться своим имуществом» (121-122).

Мораль. Отождествление гражданского общества с обществом как таковым, с выходом человечества из тьмы вынужденной архаики на светлый простор свободного цивилизационного развития, по сути дела означает признание того, что оно качественно, в своих принципиальных основах является завершенным.

Эту позицию можно психологически понять: люди, которые смотрят на мир изнутри гражданского общества, не могут думать иначе. Ее можно социологически аргументировать: гражданское общество не только представляет собой скачок по сравнению с предшествующими эпохами, по ряду параметров оно достигло также предельных вели-

чин. Но вот вопрос: как эту позицию обосновать и оправдать нравственно, этически без того, чтобы не скатиться к благодушию вольтеровского Панглоса – ведь мораль вырастает из глубокой неудовлетворенности человека собой и миром, ее назначение заключается в том, чтобы трансформировать эту неудовлетворенность в жизненную программу?

Бакштановский и Согомонов понимают, что их концепция гражданского общества является дерзким этическим вызовом. И они его принимают. Надо откровенно признать, что в рамках многоаспектного исторического «проекта» под названием «Гражданское общество для России» они выполняют самую трудную и неблагодарную задачу его этического оправдания. Последовательно развивая методологически заданную линию размышлений, авторы исходят из убеждения, что не гражданское общество подлежит оценке и критике с позиций некой универсальной морали, а оно само задает моральный канон. Гражданское общество, по мнению Бакштановского и Согомонова, несет с собой моральную революцию, в ходе которой то, что считалось традиционно моралью, подвергается коренному изменению. Подобно тому, как гражданское общество есть общество в собственном смысле слова, так и мораль гражданского общества есть то, что в строгом смысле слова по преимуществу заслуживает название морали.

Мораль гражданского общества авторы называют этикой гражданственности, новой этикой. А то, что было до этого, они называют естественной моралью, которая идеализировала общинные формы жизни (малые социумы) и руководствовалась принципом любви к ближнему. По их мнению, расхоже-романтические абсолютистские представления о морали, которые все еще господствуют в умах, сложились на базе естественной морали и в условиях гражданского общества так же неуместны, как, например, рыцарские наряды на пассажирах современного авиалайнера. Авторы стремятся освободить современников от моральной архаики и побудить их принять этику гражданственности в ее сурово-прозаическом величии. Домашние птицы, например гуси, ведут наземное существование, но сохраняют ограниченную способность летать и иногда, особенно когда оказываются на возвышенной местности, пытаются сделать это. А чтобы они далеко не улетали, хозяйки подрезают им крылья. Нечто подобное делают наши авторы с тем, что они называют старой моралью, и что обычные люди продолжают считать моралью как таковой. Обрубить моральные фантазии, желание летать, столь неуместное в заземленных условиях гражданского общества, – таким мне представляется замысел авторов.

О том, что современное общество противоречит Нагорной проповеди, золотому правилу, говорили и до наших авторов. Но вывод, согласно которому так понятую мораль надо отбросить или, по крайней мере, маргинализировать, никто до них, если я не ошибаюсь, сделать не решался. А они, почти с наивностью андерсеновского мальчика, сказавшего, что король голый, решились. Они пишут: «Не надо обладать каким-то особо натренированным социологическим чутьем или утонченным воображением, чтобы представить себе, сколь не релевантными выглядят в отношениях на рыночной площади, в политических конкурентных и конфликтных отношениях требования типа “возлюби ближнего” или “не пожелай другому того, чего не желаешь себе”, или какое-либо иное выражение знаменитого “золотого правила нравственности”» (с.170). Бакштановский и Согомонов пишут научным, терминологически нагруженным языком. Но иногда он бывает удивительно доходчив. Так, разъясняя свою позицию, они оспаривают метафору М. Горького из «Песни о Соколе». Для них моральная оптика – не столько оптика Сокола, который парит, хотя и в высоком, но пустом небе, сколько оптика Ужа, который так привязан к земле, что не только не может оторваться от нее, но и не желает этого делать.

Что же представляет собой мораль гражданского общества? В описании Бакштановского и Согомонова – это сложный, многоаспектный и противоречивый феномен, для понимания качественного своеобразия которого самыми важными являются следующие три момента.

Во-первых, мораль характеризуется высокой степенью отрефлексированности поступков, когда их мотивирующей основой являются не чувства, обычаи, традиции, ритуалы, а «рациональная мораль» (это основное их обозначение нормативно-ценностной системы гражданского общества).

Во-вторых, рациональная мораль гражданского общества прагматична, утилитарна, ориентирована на успех, эффективную деятельность. Речь идет не просто о стремлении к собственной выгоде, что само по себе, по мнению авторов, является вполне законным и достойным стремлением, а о конкретизации морали применительно к различным сегментированным сферам общественной жизни (политике, экономике, воспитанию и др.). В этом смысле многообразны и постоянно набирающие силу прикладные этики – не частная особенность моральной жизни гражданского общества, а основная ее форма.

В-третьих, рациональная и прагматичная мораль гражданского общества бесцельна в том смысле, что она не предлагает каких-то суперцелей (сверхценностей, самоценностей), которые находятся вне или помимо конкретных, вполне прагматичных видов деятельности.

«Социум, о котором мы ведем речь, предлагает смириться с отсутствием всеобъемлющего идеала, несмотря на почти неистребимую потребность многих людей верить в подобный идеал» (с. 223). Авторы настойчиво реализуют замысел, заявленный ими в предисловии, следующими поэтическими строками, воспевающими «труд Сизифа»: «Он катит камень в гору, в гору, в гору / Он этот труд предпочитает спору / О результатах этого труда»...

Все, что говорят Бакштановский и Согомонов о поведенческом каноне гражданского общества, безупречно. Они точно фиксируют то, что требует это общество от людей, и то, что реально практикуют те из них, кто «дорос» до его уровня. В их работе адекватно воспроизведена ценностная структура того, что можно было бы назвать и что самими авторами в предшествующих работах называлось этосом гражданского общества. Только вот вопрос: какое все это имеет отношение к морали и этике в том виде, в каком мы знаем о них по делам людей типа Геракла, Катона Младшего, Жанны д'Арк, Че Гевары, Франциска Ассизского, Альберта Швейцера, Николая Островского; по художественным произведениям Шекспира, Бальзака, Толстого, Бернарда Шоу, Борхеса; по трудам Аристотеля, Канта, тех же Макиавелли, Гоббса, даже Бентама; какое, наконец, это имеет отношение к тем живым человеческим ситуациям, которые иначе, чем словами «долг», «справедливость», «достоинство», «подлость», «бесчестье», не опишешь? Человек, попавший на нуддистский пляж, может найти признаки, которые позволяют в представленной там биомассе различать отдельных индивидов. Только правомерно ли называть эти различия различиями в одежде?

Предлагаемые заметки выявляют основной идейный каркас книги В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова, что хотя и не дает полного представления о ее богатом содержании, тем не менее позволяет понять ее место в литературе и публичной жизни. Один из важных признаков, определяющих ценность книг такого рода, заключается в их способности оказывать воспитующее, преобразующее («катарсическое») воздействие на читателя. Думаю, по этому критерию она заслуживает высокой оценки. К примеру, я принадлежу к той традиции в отечественной философии и культуре, которая не приемлет буржуазность ни в какой форме: ни в форме рыночно-демократического строя, ни в форме мещанского образа жизни, но тем не менее у меня оставались иллюзии относительно морального потенциала гражданского общества в его современной версии. Книга Бакштановского и Согомонова полностью развеяла мои иллюзии. Но могу вполне представить себе и противоположить вариант. Если, допустим, с книгой познакомятся те сторонники идеи гражданского общества, у которых все еще

остаются сомнения в моральной безупречности своей позиции, то она наверняка поможет им освободиться от этих «разлагающих» переживаний. Книга всем своим содержанием говорит тем, кто одержал верх в жизненных гонках гражданского общества (на «рыночной площади», как говорят авторы), что они могут жить с гордо поднятой головой, и уж во всяком случае им незачем мучиться угрызениями совести. Разве не этому учит, например, следующий пассаж: «Нарастающее социальное неравенство продиктовано не изменениями в размерах собственности, в характере и структурах доходов, специфике профессиональной деятельности, бюрократических статусах или иных социальных детерминантах, а факторами естественными (способности к созидательной деятельности, к продуцированию новой информации, качества характера, здоровье и т.п.) и потому трудно устранимыми» (с.204).

Словом, авторы столь глубоко выявляют суть гражданского общества как определенного образа жизни, столь последовательно и искренне заявляют свою приверженность его ценностям, что это побуждает, более того – обязывает читателя также занять в данном вопросе более ясную и определенную позицию. Они обрубают почти всякую возможность уклониться от ответа на вопрос: стоит ли человек «за» гражданское общество или «против» него.

Приложение 2

Этика успеха

Вестник исследователей, консультантов, ЛПР

Тюмень – Москва: Центр прикладной этики, ФИК
«Югра»

Соредакторы – В.И. Бакштановский, В.А. Чурилов

Выпуск первый. 1994. В номере:

Госпожа удача? Господин успех! – *Тезисы редколлегии*

Павел Корчагин как современный политический менеджер. – *Л. Аннинский*

Историческая незавершенность советского человека. – *И. Клямкин*

«Конкуренция с самим собой вчерашним». – *Г. Бурбулис*

Первые и последние в классе. – *С. Соловейчик*

Правила игры государства и «четвертой власти». – *Ю. Казаков*

Модели успеха в освоении ресурсов Сибири. – *Р. Гольдберг.*

Выпуск второй. 1994. В номере:

Междумье. – *Л. Аннинский*

Культура целеполагания в российской стратегии модернизации. –

Г.Э. Бурбулис

«...Побеждают не те, кто ждет, когда их печь поедет». – *И. Хакамада*

Парадоксы массового либерального сознания. – *И.М. Клямкин*

Победителей судят. Проигравших – тем более. – *О.Р. Лацис*

Судьбы «американской мечты» в американской школе. – *С. Керр*

О духе корпорации, о новой региональной политике, об этике политического успеха, о современных элитах, о «человеческом измерении» судьбы Тюменского Севера.

Выпуск третий. 1994.

Российская модель профессионального успеха

Этика успеха в профессиональных сообществах и индивидуальных карьерах

Правила игры «человека состоявшегося»

Дух корпорации: кредо и кодекс

Профессионализм в постсоветском обществе.

В этом выпуске участвуют постоянные авторы: *Л. Аннинский, Г. Батыгин, Г. Бурбулис, И. Клямкин, С. Соловейчик, А. Панарин.*

Впервые в Вестнике: А. Ахиезер, Д. Гранин, Л. Жуховицкий, М. Массарский, Э. Памфилова, В. Шубкин и др.

Выпуск четвертый. 1995. Дух корпорации

Дух корпорации: нравственные оппозиции
Успех: призвание и самозванство
Утилитарный или либеральный корпоративизм
Стихийный поиск формулы согласия
Регион как корпорация
Рациональная регионализация.

Авторы выпуска: А.С. Ахиезер, В.Л. Каганский, И.М. Клямкин, М.В. Массарский, Л.А. Радзиховский, А.В. Филиппов, Р. Хубер, В.А. Чурилов и др.

Выпуск пятый. 1995.

Кредо и кодекс власти: российское президентство

Дух и модели российского президентства
Российское президентство: психология принятия и отторжения
От полупрезидентства к суперпрезидентству
Какого президента достойна Россия?
Какое президентство победит в России?

Авторы выпуска: Борис Капустин, Олег Киселев, Игорь Клямкин, Марк Массарский, Дмитрий Ольшанский, Леонид Радзиховский, Алексей Салмин, Виталий Третьяков и др.

Выпуск шестой. 1995.

Кредо и кодекс власти: российское депутатство

Дух и модели российского депутатства
Депутатское служение
Аматерство в политике
Блеск и нищета российского депутатства
Какого депутата достойна Россия?
Депутатство как образ жизни.

Авторы выпуска: Г.Бурбулис, И.Голембиовский, С.Киселев, В.Лошак, Э.Памфилова, А. Салмин, Г.Сатаров, Л.Седов, И.Хакамада и др.

Выпуск седьмой. 1996.

Кредо и кодекс власти: обновление политики российского президентства

«Дух» и модели обновления
Этика политического успеха

Стратегия обновления в намерениях и результатах
 «Правила игры» для идеологии обновления
 Идеологии современной России
 Кредит народного доверия
 Альтернативы «нового курса».

Авторы выпуска: *И. Голембиовский, Б. Капустин, И. Клямкин, Д. Ольшанский, А. Панарин, А. Салмин, В. Третьяков, М. Федотов, В. Шумейко и др.*

Выпуск восьмой. 1996.

Новое поколение выбирает успех?

Архетипы успеха в русских народных сказках
 Эта нынешняя молодежь
 Успех в культуре нового поколения
 Молодые успешные профессионалы Тюменского региона
 Этика успеха в XXI веке.

Авторы выпуска: *Л. Аннинский, А. Асмолов, Б. Дубин, М. Жамкочьян, С. Соловейчик, Ю. Шафраник и др.*

Выпуск девятый. 1996.

Кредо и кодекс власти: российский избиратель

Избиратели – враги народа?
 Этика избирателя
 Электоральная урна
 Судьба «человека советского»
 Постсоветский избиратель
 Русский национальный характер
 «Невозвращенец» – 8 лет спустя.

Авторы выпуска: *Л.А. Аннинский, Ю.А. Веденеев, Б.А. Грушин, А.А. Кабаков, К. Касьянова, И.М. Клямкин, Ю.А. Левада, А.С. Панарин, А.В. Рубцов, А.К. Симонов и др.*

Выпуск десятый, специальный. 1997.

Российская идея успеха:

введение в гуманитарную экспертизу

Без идеи успеха национальная идея бессильна
 Идея успеха органична для родины Ивана-дурака
 Его Сучье Величество успех
 Как возможны добродетели успеха
 Идея успеха: от идеи для творческого меньшинства к идее общедемократического масштаба.

Авторы выпуска: *В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов, В.А. Чурилов.*

Выпуск одиннадцатый. 1997.

Российская идея успеха: экспертиза и консультации

Российские архетипы успеха

Христианство и этика успеха

Индивидуальный успех и национальное процветание

Идея успеха в российской модернизации.

Впервые в журнале: *Е. Головаха, Д. Драгунский, Г. Дилигенский, Г.*

Гачев, А. Гусейнов, Ю. Каграманов, А. Кара-Мурза, В. Малахов, В.

Радаев, В. Федотова, А. Ципко.

Приложение 3

Ведомости НИИ прикладной этики

Под редакцией В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова

Основные разделы журнала: «Мониторинг», «Теоретический поиск», «Публицистика», «Жизнь в профессии», «Миссия университета», «Технология гуманитарной экспертизы и консультирования», «Рефераты, обзоры, переводы», «Словарь прикладной этики».

Средний объем журнала – 17 п.л. Периодичность – 2-3 раза в год (вместо одного из этих выпусков в последнее время выпускаются монографии).

Выпуск первый. Дух образовательной корпорации (1995)

В номере:

Нефтегазовый университет как образовательная корпорация

О месте и роли ТИИ в становлении Тюменского регионального этоса.

Выпуск второй. Незримый колледж успешных профессионалов (1995)

В номере:

Университет как корпорация

Постсоветские модели профессионального успеха

Рациональный регионализм

Этика преподавателя.

Выпуск третий. Успешные профессионалы: вчера, сегодня, завтра (1996)

В номере:

Философия дела

Профессионализм: «нормальный», «успешный»

Этические модели карьеры

Правила успешной игры.

Выпуск четвертый. Новое поколение выбирает успех? (1996)

В номере:

Целеполагание в российской культуре

Новое поколение как культурная революция

Студенты ТюмГНГУ в зеркале социологии.

Выпуск пятый. Какой успех выбирает новое поколение? (1996)

В номере:
На пути к философии успеха
Целеполагание в российской культуре
Первые результаты социологического исследования в ТюмГНГУ.

*Выпуск шестой. **Российская модель успеха** (1996)*

В номере:
Успех и эффективность
Контакт вместо контракта
«Лестница жизни»: социологическое исследование ТюмГНГУ.

*Выпуск седьмой. **Этика дела** (1997)*

В номере:
Дух предпринимательства в современной России
Ситуация университета: идеальный образ и образ реальности
Студенческая экспертиза.

*Выпуск восьмой. **Этика дела – II** (1997)*

В номере:
«Особый путь» России? Куда?
Человек на своем месте
Стратегия развития университета.

*Выпуск девятый. **Дух университета** (1998)*

В номере:
Смена имени или переписывание вывески?
Этос и патос реформирования вуза
Есть ли в университете общественное мнение?
«Лестница успеха» для филиалов.

*Выпуск десятый. **Становление духа университета** (1998)*

В номере:
Как университетское сообщество относится к реформированию вуза?
Актуален ли разговор об этике предпринимательства для современной России?

Выпуск одиннадцатый. Этика современного воспитания (1998)

В номере:

Старая тема воспитания в новом университете

Феномен воспитания: этика и этос

Семь тезисов о морали в постсовременном мире.

Выпуск двенадцатый, специальный. Эстафета поколений (1998)

В номере:

Успешные выпускники вуза размышляют: состоялись ли они, состоялся ли вуз?

Индивидуальные биографии жизненного пути выпускников и коллективная биография вуза

Нравственные уроки самопознания.

Выпуск тринадцатый. Цивилизационные парадигмы воспитания (1999)

В номере:

«Служение в профессии» или «жизнь за счет профессии»?

Студенты и воспитатели о воспитании

Человеческий капитал как сфера инвестиционного поведения

Гражданское общество, его этика.

Выпуск четырнадцатый. Этос среднего класса (1999)

В номере:

Значима ли для нас самоидентификация со средним классом?

Феномен середины в этическом измерении

«Будь лицом и уважай других в качестве лиц!»

Средний класс и образование

Достижительное общество

Профессиональная этика.

Выпуск пятнадцатый. Этика воспитания: повестка на XXI век (1999)

В номере:

Оправдание «я»: этическое измерение воспитания

Формирование духа среднего класса у студентов университета

Моральные измерения преподавания

Достижительное общество.

Выпуск шестнадцатый. Университет в XXI веке (2000)

В номере:

Доктрина образования в новом веке

Прикладная метаэтика воспитания

Достижительное общество

Этическая модель президентства

Этика депутатства.

Выпуск семнадцатый. Профессиональная этика инженера (2000)

В номере:

Российский и западный работник

Кодекс американского общества гражданских инженеров

Глокалэтика

Преподавание бизнес-этики.

Выпуск восемнадцатый. Этика науки (2001)

В номере:

Наука и этика науки

Эффект Матфея

Табу на профессионализм в советской культуре

Коллективизм: жизненная ценность или след ушедшей эпохи?

Выпуск девятнадцатый. Жизнь в профессии (2001)

В номере:

Этика инженера: представления выпускников ТюмГНГУ

Справедливость и равенство

Власть. Управление. Мораль

Этика современного образования

Этико-прикладные игры.

Выпуск двадцатый. Моральный выбор (2002)

В номере:

Этика власти университетского менеджера

Карьера, этос и научная биография

Культура денежного успеха

Конформисты и диссиденты

Этика современного образования.

Выпуск двадцать первый. НОМО FABER: этика и этос (2002)

В номере:

Этический образ профессии инженера

Этика управления

Моральная асинхронность современного общества

Модернистский проект

Самоопределение университета.

Выпуск двадцать второй. Идея гражданского общества (2003)

В номере:

Природа гражданского общества

Культура шанса

Наука в гражданском обществе

Университетская миссия и ценности гражданского общества.

Выпуск двадцать третий. Ценности гражданского общества
(2003)

В номере:

Гражданское общество: концепт и аксиосфера

Номо faber как проблема постиндустриального общества

«Моральная экономика»

Наука в гражданском обществе

Университет как ценностно-ориентирующий субъект.

Выпуск двадцать четвертый. Политическая этика: социокультурный контекст (2004)

В номере:

Как возможна политическая этика

Политическая этика в постмакиавеллистскую эпоху

Тоталитарный инстинкт

Нужна ли университету рефлексия образа человека гражданского общества?

Выпуск двадцать пятый. Общепрофессиональная этика (2004)

В номере:

В поисках концепции профессиональной этики

История России: конец или новое начало?

Ответственность университета

Гимн гражданскому обществу и его морали.

*Выпуск двадцать шестой. **Этика образования** (2005)*

В номере:

К юбилею НИИ прикладной этики: 10 новых тезисов НИИ ПЭ университету

Просвещение: время и этика

Этика в высшем образовании

Педагогическая проповедь о Первом и Последнем

Этос становящегося университета: от социокультурных идей к анализу случая

Словарь прикладной этики.

*Выпуск двадцать седьмой. **Самоопределение университета** (2005)*

В номере:

Кризис идентичности современного университета

Образовательная деятельность: высокая профессия или рыночная услуга?

Университет на перепутье: менеджерский и/или гуманитарный проект миссии?

Профессия не может быть высокой или низкой. Она либо есть, либо ее нет.

*Выпуск двадцать восьмой. **Свобода и/или справедливость** (2006)*

В номере:

Свобода в справедливости

Справедливость без свободы?

Свобода и справедливость: точки сопряжения

Прикладная этика: что? – к чему? – каким образом? – зачем?

Десять лет спустя: новая ситуация самоопределения университета

Диалог менеджеристского и гуманитарного подходов к стратегии развития университета.

*Выпуск двадцать девятый. **Этический консилиум** (2006)*

В номере:

Выберет ли Россия ценности гражданского общества?

Историческое время морального выбора

Где стол был яств, там гроб стоит

О противлении закону добром

Технология гуманитарных экспертиз

Десять лет спустя: новая ситуация самоопределения.

Выпуск тридцатый. Миссия университета: служение в профессии (2007)

В номере:

Выберет ли ценности гражданского общества российская элита?

Общество неменяемо в моральном выборе

Этос научно-образовательной деятельности

Миссия университета: смысловые ориентиры самоопределения.

В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов. **Прикладная этика: рефлексивная биография направления** / НИИ ПЭ. Тюмень: ТюмГНГУ, 2007. – 196 с.

Тюменский государственный нефтегазовый университет
Научно-исследовательский институт
прикладной этики (НИИ ПЭ).

Тел/факс (3452) 46-92-44.

E-mail: priclet@tgngu.tyumen.ru.

Адрес: 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38.

Редактор И.А. Иванова
Оригинал-макет И.В. Бакштановской
Художник М.М. Гардубей

Подписано в печать 20.07.2007
Формат 62х90/16.
Гарнитура Arial.
Усл.печ.л. 12,25. Печать офсетная.
Тираж 150 экз. Заказ №

Издательство «Нефтегазовый университет» Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Тюменский государственный нефтегазовый университет». 625027, г.Тюмень, ул. Киевская, 52.

Отпечатано с готового макета в типографии НИПИ КБС.
г.Тюмень, ул. Мельникайте, 106, офис 101. Лицензия